

**ПОСВЯЩАЕТСЯ 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941–1945 гг.**

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

Выпуск 8

**КРАСНОЯРСК
2020**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

*Посвящается
75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.*

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

Сборник произведений студентов, преподавателей
и сотрудников СФУ
(литературный клуб «Высокий берег»)

Выпуск 8

Красноярск
СФУ
2020

ББК 84
УДК 821.161.1(082)
Н 12

Редакционная коллегия:

Т. И. Блинникова, главный библиотекарь НБ БИК СФУ
Л. В. Конева, главный библиотекарь НБ БИК СФУ
Л. П. Абрамова, член совета Ассоциации выпускников СФУ
В. Н. Конов, канд. техн. наук, доцент кафедры МОНГП ИНиГ СФУ
Е. А. Кузина, главный библиотекарь НБ БИК СФУ

Н 12 На высоком берегу : сборник произведений студентов, преподавателей и сотрудников СФУ (литературный клуб «Высокий берег») / сост. Т. И. Блинникова, Л. В. Конева ; предисл. Л. П. Абрамовой ; отв. за вып. Е. Н. Касянчук. – Вып. 8. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. – 372 с.

Издание представляет собой сборник поэтических, прозаических, музыкальных и изобразительных произведений сотрудников, студентов и преподавателей СФУ – участников и друзей литературного клуба «Высокий берег».

В восьмом, тематическом, выпуске альманаха собраны художественные и документальные материалы, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а также произведения свободной тематики.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

0+

ББК 84
УДК 821.161.1(082)

© Коллектив авторов, 2020
© Сибирский федеральный университет, 2020

От составителей

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках очередной, восьмой, выпуск литературного альманаха «На высоком берегу». Он посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг. Многие произведения в сборнике посвящены этому событию.

По давней традиции сборник разбит на несколько разделов.

Раздел «Страницы памяти и славы» – тематический. В нем собраны произведения, посвященные Великой Отечественной войне и ее участникам. Наши авторы – студенты, сотрудники, преподаватели, СФУ и друзья клуба – рассказывают о своих предках, принимавших участие в боевых действиях 1941-1945 гг. или работавших в то время в тылу, посвящают им стихи и прозу. Рассказы сопровождаются сканами старых фотографий и документов и информацией из официальных источников.

«Творческая лаборатория «Высокого берега»» – раздел, в котором размещаются работы участников текущего состава клуба. Нынешние «береговцы» – в основном студенты, преподаватели и сотрудники СФУ. Есть в нем и те, кто давно отучился или поменял место работы, но на заседания «Берега» ходят регулярно, принимая активное участие в жизни клуба. У всех авторов – разные направления обучения и деятельности в целом, разные характеры и возраст, разные литературные предпочтения и уровень владения словом. То есть «Лаборатория» – раздел, где мы проводим эксперименты, литературный агрегатор нашего творчества. Здесь, дорогой читатель, ты обязательно найдешь что-то близкое лично тебе.

Раздел «Друзья и гости клуба» отведен для авторов, бывающих у нас в гостях редко или тех, кто не был ни разу, потому что они – представители творческих объединений Красноярска и Красноярского края, с которыми успешно сотрудничает «Высокий берег». Есть в этом разделе и известные красноярские авторы, которые захотели поддержать наш сборник своими произведениями.

А, значит, дорогой читатель, тебе не будет скучно на страницах нашего альманаха.

Добро пожаловать «На высокий берег»!

«В Сибири не было войны,
Но бесконечны павших списки.
В Сибири не было войны,
Но в каждом парке обелиски.
Сибирь, кормившая страну,
Ждала нас, мучась и печалась.
Из ста, ушедших на войну,
Всего лишь трое возвращались.
В Сибири не было войны,
Но ширилась Сибирь полками.
И лучших воинов страны
С тех пор зовут сибиряками!».
(Иван Краснов)

Уважаемый читатель!

Этот сборник произведений самодеятельных авторов – членов литературного клуба «Высокий берег» обращен к твоему сердцу, это наш скромный вклад в сохранение памяти о великом подвиге советского народа, победившего фашизм. 455 000 жителей Красноярского края ушли на фронт, вернулись – 165 098...

Мемориал Победы на Площади Победы, ул. Дудинская, 2а.¹

Сто восемнадцать воинов удостоены высокого звания Героя Советского Союза, пятнадцать – стали полными кавалерами Ордена

¹ Автор проекта – заслуженный архитектор России Арэг Саркисович Демирханов. Мемориал построен на месте захоронения умерших от ран бойцов Красной армии, перечисленных поименно.

Славы. А сколько навек упокоилось вдали от родных мест, можешь почитать и посчитать на памятниках.

В каждом городе, в каждом, самом маленьком поселении есть памятное место, куда люди приходят преклонить голову в знак благодарности защитникам Родины, в знак бесконечной грусти о рано прерванных жизнях.

*Памятная стела «Журавли» на
пр. Свободном, 48.
(Авторы: К. Зинич, В. Чепижко, А.
Касаткин, 2005 г.)*

*Памятник Александру Матросову на
одноименной улице в Свердловском
районе Красноярска.
(Авторы: К. Зинич, В. Чепижко, 2005 г.)*

И еще одно значение есть у памятников. Отдыхали мы с внучкой в Хакасии и решили посмотреть Лечебный центр Прасковьи, что на Черном озере. Красота и простор, кругом поля с лекарственными ароматными травами, блестящее на солнце озеро и огромное синее небо. Перед деревней с левой стороны дороги — белёная стела и такая же белая стена с именами и инициалами сельчан, ушедших на войну и не вернувшихся. У некоторых фамилий по 3-4 пары инициалов. Такая длинная белая стена! Столько людей не вернулось в родную деревню, что на миг остановилось сердце, захлебнувшись болью! И стало понятно, почему в деревне, красиво поднимающейся по пологому холму, покосились избы, кое-как подправлены изгороди и совсем не слышно детских голосов. Да откуда же взяться детским голосам, если мужики не вернулись в свои дома, если невесты так и остались невестами, а женщины состарились, так и не став бабушками! Горе не ушло из этих мест, оно пригнуло людей, отняло надежду на создание семьи, поэтому и получился такой щемящий контраст между синим

небом, разноцветным полем и разоренной горем деревней. Даже моя малышка, почувствовав что-то, инстинктивно прижалась ко мне, а я отворачивалась, чтобы она не видела моих слез.

Как-то, беседуя со студентами, я упомянула о тяжелом периоде в жизни страны и услышала: сколько можно ссылаться на войну? Уже прошло столько лет, можно было все заново отстроить и жить более богато! И я рассказала о том памятнике в этой деревне и в других селах и городах, где напоминанием о миллионах воинов, отдавших жизни за то, чтобы жили мы, стоят памятники. Не спешите пройти мимо, прочитайте их имена, склоните голову перед их мужеством и положите цветочек у подножия памятника!

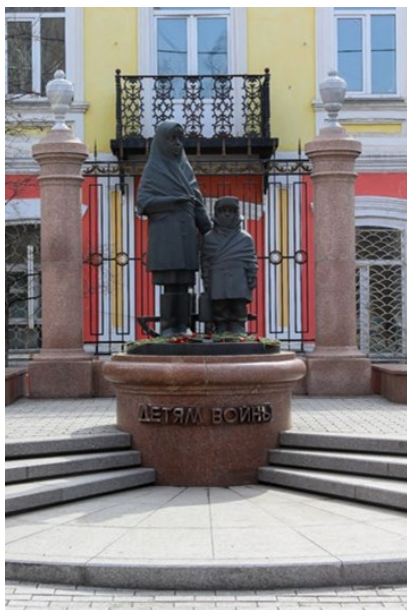
*Мемориал в честь 70-летия Победы на правобережье.
(Авторы: А. Ткачук и К. Зинчук)*

Время безжалостно уносит фронтовиков, героев и скромных тружеников тыла. Они уже очень пожилые люди, они очень нуждаются в нашем внимании и нашем почитании. И мы должны показать им, что достойны их подвига, что любим свою Родину, во имя свободы которой они отдали свои жизни.

В годы Великой Отечественной войны в Сибирском военном округе были сформированы:

- 24-я общевойсковая армия;
- 19-й гвардейский, 52-й, 53-й стрелковые корпуса;
- 39 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий;
- 10 стрелковых бригад, около 60 отдельных полков.

К концу войны 20 сибирских дивизий были преобразованы в гвардейские. Это составляло одну четверть советской гвардии.

*Памятник «Детям войны» на пр. Мира
(Автор К. Зинич, 2005 г.)*

*Памятник воинам-землякам, погибшим
за Родину
(Аллея Славы в пос. Березовка, 1970 г.)*

Составители этого сборника отдают себе отчет, что и стихи, и проза начинающих авторов не являются пока шедеврами, но они написаны от чистого сердца и с искренней благодарностью тем, кто защитил нашу Родину, кто возродил ее из руин и дал нам счастливую возможность – жить!

Памятник у корпуса СФУ на пр. Красноярский рабочий

*Людмила Абрамова,
член Совета Ассоциации выпускников КПИ–КГТУ,
член редколлегии сборника «На высоком берегу».*

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ И СЛАВЫ

Людмила Абрамова

Выпускница механического факультета Красноярского политехнического института. Автор гимна Профессорского собрания Красноярского края, песни-гимна города «Этот город на Афонтовой горе» и названия этого альманаха. Активная участница литературного объединения «Высокий берег» и автор названия клуба. Автор замечательных литературных сборников.

Черногорские рассказы

Моим друзьям детства с любовью и нежностью

Горит свечи огарочек...

Я расскажу вам историю, которая произошла в 50-х годах теперь уже прошлого века.

Небольшой провинциальный городок, пыльный летом, дымный от печей частных домов зимой и с лужами от весенних и осенних дождей. Обычный рабочий город послевоенного времени жил бедно и просто. Слова и понятия «развлечения» тогда и в помине не было. Посещение концерта художественной самодеятельности в Доме культуры или одного из двух кинотеатров считалось и являлось праздником! И целым приключением был воскресный поход на центральный рынок, который почему-то назывался базар. На дощатых прилавках под дощатыми же навесами было разложено и поставлено в основном то, что росло в местных огородах, было добыто в тайге или изготовлено самими горожанами: соленья, варенье, ягоды, грибы, самошитые туфли и платья. И как чудо – южные фрукты с незнакомым и манящим запахом и нездешними названиями: урюк, курага, чернослив – у продавца, которого все звали просто Узбек.

Главной же отметиной того времени были инвалиды, пришедшие с войны. Один из таких фронтовиков сидел у ворот базара на деревянной скамеечке на колесиках. У него не было обеих ног выше колена, и от этого он был ростом с 8 – 9-летнего ребенка. Он не попрошайничал, как многие другие калеки, а честно зарабатывал свой хлеб. Весь день он играл на баяне, пристроив его на обрубках ног, и пел. На его всепогодном пиджаке бордово поблескивал орден Красной Звезды, который можно было увидеть, когда он ненадолго отставлял в сторону баян, чтобы передохнуть или поесть. Воду и еду ему приносила мать,

она же привозила его на базар и увозила домой, а он помогал ей, отталкиваясь от земли надетыми на руки деревянными брусочками.

Играл и пел он хорошо! В его лице не было злобы и обреченности, как у других инвалидов. Около него всегда было много народу. Люди слушали, кивали в знак согласия с содержанием песни, потом бросали деньги в железную баночку, прикрученную к левой стороне баяна.

Чаще и дольше других его слушали молодая женщина и маленькая девочка. Он это заметил и улыбался девочке. И, когда она, заметно смущаясь, подходила, чтобы бросить мелочь в баночку, он осторожно гладил ее белокурую головку. А у нее каждый раз сердце разрывалось от горя, и она поднимала лицо, часто моргая и сдерживая рыдания, потому что мать велела ей не плакать, чтобы не обижать калеку. И от этого становилось еще горше! А, может, еще и оттого, что этот музыкант был красив! Красив той широкой русской красотой, от которой невозможно отвести глаз.

Осень того года выдалась дождливой. Ненастье и работа по хозяйству оставляли мало времени даже на такое нехитрое удовольствие, как поход на базар. И калеку-музыканта привозили туда все реже. Зимой его на обычном месте не было, не появился он и весной. Люди сначала ждали и вспоминали его, но у каждого были свои заботы и своя боль, и постепенно его образ спрятался в глубинах памяти. Но при первых же звуках песни «Горит свечи огарочек...» детское бессознательное горе от разрушенной красоты и жестокой несправедливости жизни возвращается в мое сердце и лишает его покоя...

Голосовка

Был еще один праздник – Выборы. Проводились Выборы на стыке зимы и весны и назывались в народе «голосовка». Народ – он умный, всегда дает точное определение событию. Выбирать одного из одного – какой же это выбор, все приходили отдать голос, отсюда и название! Этот день начинался в шесть утра, самые активные приходили еще раньше, и заканчивался в полночь. Нарядившись в выходные пальто, распахнутые, чтобы были видны шевиотовые костюмы с орденами и медалями на них, с детьми и внуками шли мужчины «под ручку» со своими верными половинками – тоже нарядными, с прическами и в пушистых меховых шапочках. Модно было шапочку надевать на цветной платок, как у боярыни Морозовой, хотя вряд ли какая-нибудь из местных модниц слышала о суриковской картине. В тон головному убору полагалось иметь муфту – приспособление для согревания рук. Это меховое изделие, несмотря на изначальную простоту – кусок меха на подкладке с большим отверстием для рук по бокам, имело много

модификаций в зависимости от нрава и денежных возможностей хозяйки. Вынималась из шифоньера кроличья, мутоновая или каракулевая (это уж совсем у состоятельных дам) шуба, отчаянно пахнувшая нафталином и никакой связи с муфтой и шапкой не имеющая. Еще городская мода диктовала белые бурки, но они были не у всех. Бурки – это белые тонко катаные валенки на каблуке, к праздничному дню щедро начищенные мукой, от чего на полу после модниц оставались белые очертания следов. Кто был победнее, следов не оставлял. Так что на избирательные участки люди приходили не только выполнить гражданский долг, хотя сам этот акт обставлялся более чем торжественно, но и на других посмотреть и себя показать. И тут уж ударить в грязь лицом было никак нельзя! Наряжали и детей, хотя, несмотря на старания, все дети выглядели примерно одинаково – ассортимент детской одежды был невелик, разве что какая-нибудь умелица сошьет пальто в клеточку или шубка будет не черная, а серенькая. То есть, народ готовился к «голосовке» основательно.

Готовилась и городская избирательная комиссия. Весь день на участках, которые организовывались в школах, Доме культуры, в кинотеатре, проходили концерты художественной самодеятельности, звучали патриотические песни, браурная музыка – праздник! Особенно запомнился участок в помещении треста «Хакасуголь». В холле голосующих встречал большой портрет Сталина, у его подножия, как зеленая лужайка, нежно зеленела травка, выращенная специально к торжественному случаю. Почему-то именно эта зеленая травка подчеркивала значимость события: на улице еще снег, а тут – лето! Но не одной травкой жив «голосователь»! Исполнив свой гражданский долг и оценив наряды праздничной публики, народ шел в буфет, чинно выстаивал очередь за конфетами «Барбарис», «Золотой ключик», «Раковая шейка». Нарасхват шел пузырячатый хворост, пряники, облитые розовой клюквенной глазурью, консервы «Печень трески» и «Сайра в масле». Пиво всегда одного и того же сорта «Жигулевское» отпускалось по 3 бутылки в руки, чтобы наш, известный своей трезвостью народ, не дай Бог, не выпил лишнего! Если уж совсем повезет, можно было разжиться двумя-тремя пачками московского печенья. Как оно пахло! Даже не заходя в буфет, можно было наверняка сказать, есть печенье или нет! От него исходил запах ванили и еще чего-то, что можно было обозначить словом «достаток». Но печенья, как и достатка, на всех не хватало. Зато впечатлений и пересудов хватало до самого лета: кто во что был одет, кто похудел, кто потолстел, кто с кем пришел, когда буфет был богаче, когда концерт был лучше. Процесс «голосовки» не обсуждался, как необходимый, но не существенный.

Для тех, кто не смог прийти на участок, напротив, существенным был сам процесс голосования, потому что серьезные, одетые в драповые пальто тетки с милиционером и урной приезжали на дом, и тут уж случался апофеоз социалистической справедливости: каждый мог отдать свой голос! И попробовал бы он его не отдать!

Калейдоскоп

Столько всего вспомнилось, даже не знаю, с чего начать! Вот так всегда, какой-нибудь звук, взгляд, запах – и воспоминания захлестнут и долго-долго не отпускают. На этот раз был не звук и не запах. Был взгляд, благодарный и счастливый. Моя внучка Анютка захотела сгущенки, и я сделала ей «лодочку», как когда-то делала мне бабушка. Из поджаристой корочки белого хлеба вынимался мякиш и в образовавшуюся «лодочку», скорее напоминавшую небольшую баржу, наливалась сгущенка. В те времена, а речь идет о 50-х годах прошлого века, сгущенка была лакомством: ароматная, чуть хрустящая, с мелкими-мелкими блестками. Она заполняла корочку до коричневых краев. И, когда это чудо попадало на язык, все красоты мира переставали существовать! Потому что есть такое можно было, только зажав глаза, чтобы сконцентрироваться лишь на одном чувстве: вкусно, ох, как вкусно! Бабушкина теплая рука легонько прижимала мою голову к себе, и наступало полное счастье. Счастье до слез, сладких и мимолетных. Сердце таяло от благодарности, неосознанной детским умом, но глубоко и навсегда пронизывающей душу.

Вот и Анютка – сначала зажав глаза, потом втянула носом сладкий запах сгущенки, смешанный с ароматом свежего, еще теплого хлеба, откусила изрядный кус и так потянулась вся ко мне и так счастливо улыбнулась, что все мое детство вернулось, и от воспоминаний даже заломило голову. И дело вовсе не в сгущенке – сейчас это уже не редкость и не лакомство. Просто у каждого человека, особенно у маленького, должно быть место, где он абсолютно счастлив, где его любят не за отличную учебу, не за то, что помогает по дому или хорошо поет. Где его любят, и все! И он потом расходует эту любовь и дарит это счастье своим близким. Ребенок впитывает эту любовь подсознательно и, может быть, поэтому нам кажется, что в детстве еда была вкуснее, песни мелодичнее, небо выше и голубее. И все воспоминания детства имеют кремово-сливочный оттенок.

Так вот, несмотря на вопиющую бедность послевоенной жизни, детство вспоминается с нежностью. Южный поселок небольшого шахтерского городка располагался недалеко от центра, но вроде уже и на окраине. За ним было несколько веток железной дороги, которая и являлась городской чертой, и потом – поле с выжженной хакасским

солнцем травой. И жизнь здесь была «не центральная», определенная ритмом главной улицы и, соответственно, нарядами и разговорами, а более вольная и простая. Поселок делился надвое оросительным каналом, который называли просто канавой. О важности этой водной артерии говорит тот факт, что одна из улиц поселка была названа в её честь Канавной. Много-много позже, когда ее жители частью померли, частью безнадежно состарились, улицу переименовали в Энтузиастов. Видели бы вы этих энтузиастов!

Но в те годы, о коих идет рассказ, они были молоды, строили дома, как правило, «по второму типу», то есть, маленькая кухня, зал и еще одна или две уж совсем крошечные комнатки. Не потому, что строители не хотели дом побольше, просто государство не давало разгуляться фантазии. Так же и корова должна быть одна, чтоб население не жирело и в то же время было как-то занято! И, тем не менее, жители «доканавной» части поселка считались более состоятельными, чем их собратья, живущие «за канавой». Здесь обитали в основном в одноэтажных строениях на три подъезда по четыре квартиры в каждом. Их называли бараками. При бараках были небольшие огородики. Благодаря им можно было как-то сводить концы с концами и реализовывать природную тягу русского человека к земле. Эти «коттеджи социализма» построили для работников деревообрабатывающего комбината, хотя для меня до сих пор полная загадка: где брали дерево для комбината? Ведь город стоит в абсолютно голой степи, невысокие горы тоже абсолютно голые, блестящие ковылем на солнце. Люди здесь жили простые, открытые, всегда подавали попрошайкам, не любили и даже боялись цыган, которые, как черные вороны, налетали табором, тащили что ни попадя, зато судьбу предсказывали счастливую. Мужчины, вернувшиеся с войны, работали в основном на ДОКе, железной дороге или в механических мастерских.

Женщины, если было кому сидеть с детьми, работали на кондитерской фабрике, где делали мороженое. Разве сравнится нынешнее, прилипающее к нёбу мороженое с тем, которое доставали из металлических цилиндров круглым блестящим черпачком, накладывали в поджаренный хрустящий вафельный стаканчик, взвешивали на чашечных весах, а ты в ожидании исходил слюной от запаха холодного молока и фруктовой свежести! Моя тетя работала как раз в цехе, где эти стаканчики делали, и нам, ребятишкам, перепадал «лом» - те стаканчики, которые не годились в продажу. Эту радость делили на всех. Вообще, «заканавные» ребятишки были дружные, бесхитростные, но при случае бились до последнего, защищая свою территорию и отстаивая мальчишеское достоинство.

Несмотря на то, что я росла в довольно обеспеченной семье – отец работал на шахте, мама – учетчиком на ДОКе, и, конечно, у нас был свой дом, и жили мы «до канавы», детство мое прошло по другую сторону водной границы. Дело в том, что в одном из бараков с семьей старшего сына жила моя бабушка. У нее было еще два внука, но сердце ее принадлежало мне. Может быть потому, что я на нее похожа, может быть, по каким-то другим причинам, но, скорее, без причин. Она меня любила – и все! И я ее любила и люблю до сих пор.

Итак, все мои друзья жили «за канавой». Мы ставили спектакли, нарядившись в тюлевые шторы, пели, плясали, даже показывали фокусы, а на деньги, полученные от продажи «билетов», покупали конфеты – глянцевого подушечки с начинкой из повидла, прозванные в народе «дунькина радость». Купившие билет взрослые приходили на концерт со своими табуретками и были очень щедры на аплодисменты. Потом еще несколько дней обсуждали это культурное событие.

Если у кого-то появлялась игрушка, она тут же становилась общим достоянием. Но только на дневное время. Вечером счастливый владелец под завистливые взгляды уносил ее домой. Так было и с калейдоскопом. Мой крестный подарил мне его на день рождения, и враз были забыты лапта, купание в канаве и все другие игры. По очереди, прищурив один глаз и вертя волшебный цилиндр у другого глаза, мы любовались чудесными узорами, которые рождались, менялись и никогда не повторялись! Калейдоскоп был трофейный и сделан на совесть, но это не остановило любознательных пацанов, и к концу второго дня он был разобран. Под мои вопли и слезы его кое-как сложили в цилиндрическую кучу, но таких красивых картинок уже не получалось, как ни вертели его. Цветные стеклышки проваливались под неплотно прилегавшее дно и не образовывали узор. Тогда прибор разобрали снова, набросали в него новых стеклышек, заклеили края черной тряпочной изолентой, и жизнь продолжилась. А собственно, что есть жизнь? Калейдоскоп. В зеркале души и ума отражаются люди и события. Чем они ярче и разнообразнее, тем красивее картинка. Только не надо торопиться разбирать...

Демонстрация и митинг

А наши родители пели! Особенно ценились гармонисты и люди с хорошим голосом и слухом, хотя было много «певцов», имеющих лишь одно из этих качеств, но громко и старательно поддерживающих компанию. Пели песни военные, про любовь, песни из кинофильмов. Эти песни как-то очень легко запоминались и никогда не разучивались специально – они просто ложились на душу: «Когда весна придет, не знаю», «На крылечке твоём», «Темная ночь», «Где же вы теперь,

друзья-однополчане», «Расцвела под окошком белоснежная вишня» – не хватит листа, чтобы перечислить весь репертуар. В нашей семье все хорошо пели, и потому к нам прибился баянист. На Первомайские праздники пелось особенно складно, и прохожие останавливались, слушали и согласно качали головой в такт песне, выливающейся из распахнутых окон. Но застолье и следующий за ним полет души происходили после обязательного участия в демонстрации и митинге.

Что такое «митинг» – все понимают, но ни Большая советская энциклопедия, ни Словарь иностранных слов такого понятия не содержат. Mit – по-немецки означает присоединение к чему-либо, ing – суффикс, он суффикс и есть, скорее всего английский. Если сложить эти две частички в целое, получится «единение, единство», но не простое, а со смыслом. Смысл может быть разный: за или против, но само мероприятие должно всегда отличаться высокой эмоциональностью. А «демонстрация» – это показ. Показ, как хорошо мы живем, как мы единодушно осуждаем происки империализма и еще много чего. То есть демонстрация – это тоже единение, только на ходу, а митинг – это когда стоят перед трибуной. Может быть, в других местах эти понятия трактовались по-другому, но в городе Ч. все было именно так: сначала единодушно осуждали, потом единодушно демонстрировали. И все это происходило на Центральной площади города в 50-е годы прошлого века.

Сама площадь располагалась в центре города и обрамлялась с южной стороны магазинами, с севера почти подходила к стадиону, на западе от нее находились детская больница, сберкасса и начальная школа № 3. На восточной стороне всегда присутствовал забор, за ним постоянно что-то строили, но строение так и не поднялось выше забора. Теперь о природе и погоде. Пока еще не было и в помине Красноярской ГЭС, и электрификация города Ч. обеспечивалась Центральной электростанцией, в простонародье ЦЭС. Летом было жарко, сухо и пыльно. Плюс сорок в июле – естественная температура для Хакасии! Зима с ветрами и стужей – тоже до сорока, но с другим знаком, никого не удивляла. Благодаря ЦЭС, работавшей на угле, снег зимой бывал белым только в момент падения. Сажи и копоти добавляли и печки частных домов, поэтому уже к январю небогатый снежный покров приобретал черный маслянистый блеск. Он быстро сходил на нет уже при первых лучах весеннего солнца, и к Международному Дню солидарности со всем миром в городе было уже сухо и пыльно. Первые листочки в начале мая обычно радовали глаз нежной зеленью, однако население, не надеясь на милость природы, загодя ставило в ведра ветки тополей и на демонстрацию выдвигалось со своим лесом. На ветки привязывали красные ленточки и бумажные цветы, и получалось очень нарядно и весело! Веселья добавляли большие красные то ли

маки, то ли гвоздики, также сделанные из бумаги и гордо реющие на тонких длинных древках. С такими букетами, с балалайками, гармошками, флагами и транспарантами демонстранты выстраивались в колонну, голова которой формировалась напротив трибун. Естественно, ее составляли передовики производства! Им адресовались все речи и призывы руководства города. До появления в нашем горняцком городке микрофона руководство вещало в некое приспособление, называемое в народе матюгальником. Его, как эстафетную палочку, выступающие передавали друг другу. Ряды выступающих были сформированы из самых передовых передовиков, секретарей парткомов, председателей исполкомов и профкомов, представителей интеллигенции, участников войны. Здесь же обязательно присутствовали 2–3 отличника учебы с заготовленными рапортами о личных и общественных достижениях и уверениями в любви к Родине. Самое интересное, что уверения были абсолютно искренние! Мы и в самом деле любили свой маленький город, свою школу, единственную в городе аллею и Городской сад с памятником погибшим шахтерам, и парк с бассейном, Летним кинотеатром и детской железной дорогой! Надо заметить, что телевизоров тогда не было, поэтому люди чаще общались друг с другом, и слова «советский народ» не были пустым звуком. А уж спорить о том, кто – еврей, кто – киргиз, кто – русский, никому и в голову не приходило! Не любили только наводнивших город после войны китайцев, подозревая их в том, что они поливают свои огороды непонятно чем, то есть понятно – чем, но потенциальных покупателей это не устраивало, хотя овощи были на вид и на вкус отменные! Это-то и настораживало: вроде всё как у местных, а урожай – не сравнить! Только много позже появилось прозрение и выразилось в приговорке: трудолюбивый, как китаец.

Но вернемся в праздничный майский день. После того, как запланированные речи кончились, а внеплановых и не предполагалось, распорядитель торжества давал старт демонстрации. Застоявшийся народ выполнял команду «налево!» и начинал движение. Блестя начищенными трубами и чеканя, по возможности, шаг, уже «веселый» духовой оркестр оглашал округу «Прощанием славянки». Первыми шли передовики с портретами вождей, к описываемому времени их накопилось четверо: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. За ними гордо шествовали знаменосцы, и это было практически все, что радовало глаз любопытствующей публике. Нет, демонстрация продолжалась, и чем дальше от авангарда, тем громче! Духовой оркестр ушел с головой колонны, но в народных рядах и своей музыки было полно! Тем более, что каждый новый лозунг, звучавший с трибуны, подкреплялся не только аплодисментами, но и запасенной «красненькой»: «Народ и партия едины!» – звучало с трибун. «Ура! – отвечал подвыпивший и

оттого любивший всех народ и подкреплял единство песнями под балалайку и гармошку. Где-то к середине шествия надобность в лозунгах отпала, люди веселились сами по себе, ощущали себя великим советским народом-победителем. А чтобы понять, почему зрители не могли наслаждаться и далее грандиозным зрелищем, надо вернуться к началу повествования.

Помните, «в мае было сухо и пыльно». В этом-то все и дело! Духового оркестра и передовиков вполне хватало, чтобы остальная колонна скрылась в густом желтом, как те китайцы, облаке! Над этим жизнерадостным облаком гордо реяли флаги, из него неслись песни и частушки, изредка нарушаемые лозунгами и криками «Ура!». И никакая пыль не могла помешать чувствовать то возвышающее душу единение, то радостное ощущение цветущей весны, праздника, мирной жизни и чего-то еще, чего мое маленькое сердце не могло вместить, и излишки чувств выливались слезами. А вы никогда не плакали, глядя на демонстрацию?

Наверное, если бы тогда летали космонавты, они отметили бы аномальное явление над в общем-то спокойным и добропорядочным городом Ч. Но до появления первого спутника надо было ждать еще 3 года.

От великого до смешного...

Надо же так! Полвека прошло, а как будто вчера - бегу я по пыльной улице, по мосту через канаву к своим друзьям, здороваясь со всеми, всем радуясь, и мне все рады! Сейчас-то я понимаю, что эта радость – отголосок Победы, окончания страшного времени ожидания: кого – с войны, кого – из лагерей, и, конечно, тот сливочно-кремовый оттенок детства, которым окрашены все воспоминания об этой чудесной беззаботной поре.

В народе еще сохранялось военное единение перед бедой. Вместе справляли праздники, от души «христосовались» на Пасху, колядовали под Рождество, красиво пели грустные песни про ямщика, лучину, рябину и донского казака, плясали цыганочку «с выходом», вместе горевали и помогали друг другу, чем могли. Бывало, конечно, и дрались, но без особой злобы: все одинаково бедны – чего делить! Да и пили, в основном, красное вино, с него-то не особенно задерешься! «Несправедливые» драчуны сурово осуждались общественностью и на какое-то время не принимались в компанию. До воспитания детей руки не доходили, но, если кто-то из мальчишек был замечен в курении или, не дай Бог, сматерился, да родители узнали, тут уж воспитательный процесс был жестоким, хотя и кратковременным. Особо строго наказывали за воровство. Этот позор смыть было практически

невозможно! Все в околоте друг друга знали, хорошие и плохие новости разлетались мгновенно. Если кто-то в чайной перебрал, доброхоты отводили его домой, причем, ни брезгливости, ни презрения к перебравшему никто не испытывал. С кем не бывает! К сожалению, бывало со многими и часто. Может, от бедности, может, от несбывшихся надежд, может, из-за увечий, привезенных с войны, но мужчины пили много. Тяга к общению вела их в чайную, где, сидя за столиками, они попивали вино с минимумом закуски – на закуску от жены не очень-то разгуляешься! Детсадов тогда не было, и маленьких детей приходилось брать с собой, куда бы ни шли, даже в чайную. Завсегдатаи с пониманием относились к бедолаге, нагруженному чадом, и при появлении его на пороге кричали: «Уступите место человеку с ребенком!» И уступали. Надо ли удивляться, что и дети начинали пробовать «красненькую» очень рано.

С пьянством связано много грустных и смешных историй. Как-то по лету, собравшись в замечательный коллектив «на троих», мужики поспорили, кто больше съест пельменей (кстати, постряпанных ко дню рождения одного из гуляк). Холодильников тогда не было, и главное украшение стола до поры стояло на льду в погребе. Как предмет спора, оно было оттуда изъято, сварено и под ту же закуску употреблено. Жара, благостное настроение, рожденное единством взглядов и вкусной и здоровой пищей, разморили выпивох, и они здесь же, под тряпичным навесом среди грядок со спеющими помидорами, уснули. Когда одна из жен в поисках благоверного наткнулась на бесшабашную тройцу, оказалось, что спят только двое, а именинник, подавившись пельменем (это узнали позже из выписки врачей), давно уже был мертвый. Тут же сбежался народ. Два собутельника никак не могли понять, в чем дело, и ошалело хлопали глазами. Прибежавшая с работы жена несчастного виновато оглядывалась по сторонам и, недоуменно сводя и разводя руки у груди, словно спрашивала, правда это или нет. Потом, поправив прядь волос в волнистом чубе мужа, вдруг рухнула рядом. В два голоса заревели сынишки и начали теревить мать. Кто-то брызнул водой в лицо ей. Женщина вздрогнула, очнулась, приподнялась и, сидя на земле, тихо и безысходно заплакала. Старший из детей, лет восьми, такой же кудрявый, как отец, гладил ее по плечу, младший прижался к коленкам и плакал навзрыд. Заголосили бабы, мужики отошли в сторонку «помянуть».

Нельзя сказать, чтобы все так уж убивались по безвременно ушедшему, просто принято было плакать, вот и причитали до тех пор, пока одна старушка смиренно не произнесла: «На все воля Божья. Бог дал, Бог взял». Народ с облегчением вздохнул, свалив всю ответственность на Бога, и начал расходиться, тем более, что скоро должны были дать воду для полива огородов, и забота об урожае была

важнее в общем-то обыденного ухода из жизни пьющего соседа. Его уже увезли, погрузив на полуторку, для выяснения причины смерти. Обсуждение всех дальнейших действий не заняло много времени: во-первых, потому, что процесс был отлажен до мелочей, во-вторых, часть еды уже была готова. О наряде тоже особой заботы не было. Одевали в чистенькое, в чем ходили голосовать или на демонстрацию. Оставалось заказать венок да музыкантов – все-таки фронтовик. Был еще вопрос: медали снимать с пиджака или оставить, но и он как-то решился.

Местные любители выпить на дармовщинку сначала попритихли, потрясенные происшествием, но уже к обеду следующего дня в предвкушении вполне законной выпивки и еды блестели глазами и суетно шныряли с предложением помощи, заранее отрабатывая угощение. Ребяшня, которая толклась тут же, сбилась в кучку, но очень быстро вернулась к своим делам, переместившись на соседнюю улицу.

Усопший, как назвала его бабушка, пришел с фронта на одной ноге и на деревянном протезе. Из старых башмаков шил на продажу сандалии для детей, и мы часто помогали ему: кололи деревянные шпилечки и мотали на руку нитки, которые после натирания их варом становились дратвой. Шил он и туфли для местных барышень. Золотые руки приносили доход, но часть его всегда оседала в чайной. Двое его пацанов, обычно донашивающих одежду, данную сердобольными соседями, частенько находили там своего непутевого папку, доводили домой, где мамка со слезами колотила его мешалкой для теста, предварительно отстегнув протез. Теперь она плакала, собирая праздничную одежду для последнего обряда, называла его кормильцем и опорой, а детей – сиротинушками. Бабки сделали с усопшим все, что полагалось в этом скорбном случае, и он, нарядный и красивый с медалями на пиджаке пролежал в родном доме ночь, чтобы душа его услышала все добрые слова и с облегчением отметила: «Не зря жил!».

День похорон выдался еще более жарким. Гроб поставили на табуретки в кузове все той же полуторки, на табуретки же сели жена с детьми да сестра с мужем. Опять поголосили, но недолго. Пришли музыканты – живописная группа из четырех человек. Главным был, конечно, тот, кто нес барабан. Была еще большущая труба, труба маленькая и две очень блестящие плоские тарелки. Тот, кто их нес, был в соломенной шляпе. Два бывших фронтовика держали венок с лентой «Дорогому однополчанину», еще один венок был от родни. В руках у остальных провожающих, а их набралось человек двадцать, было по два цветка (с клумбы) и веточка пихты.

Солнце двигалось к зениту, синее с утра небо потихоньку выцветало. По взмаху колотушки музыканты проиграли что-то невразумительное, запили это стаканчиком «красненькой», и процессия тронулась. Дорога, по которой пролегал последний путь, была без

асфальта (тогда в городе была асфальтирована лишь главная улица), желтая от мелкой легкой глины. Ноги вязли в ней и невольно поднимали клубы пыли. Поначалу все складывалось хорошо: полуторка ехала, музыканты играли, люди плыли по вязкой дороге, ребятишки бегали по краям немногочисленной толпы. Все как обычно. Но когда маленькая труба зависла на самой высокой ноте, полуторка вдруг остановилась. Идущие следом за ней чуть не стукнулись лбами о борт кузова, а близкие едва не свалились с табуреток. Солнце нещадно палило, полуторка не заводилась, народ занервничал. Наконец машина завелась и поехала неожиданно быстро. Процессия тоже прибавила ходу. Музыканты заиграли ритмичнее, стало как-то веселее, и появилась надежда, что все закончится благополучно. У полуторки план был другой. Она опять остановилась так же резко, как и поехала. Родственники едва успели схватиться за борта. Поставив гроб прямо на дно кузова, они спустились вниз, дабы избежать увечья. Те, кто нес венки, забросили их в кузов и подняли задний борт. На этот раз заводили еще дольше. Музыканты сняли ботинки и, связав их шнурками, повесили через плечо. Пока стояли – не играли, вместе со скорбящим народом пригубляли «красненькую», негромко материли шофера, молодого паренька в солдатской форме, красного от жары и стыда. Жена причитала: «Да что же это такое, за что такое наказание? При жизни никакой жизни не было, и похоронить толком не можем!». Покойник явно всем надоел. Тут полуторка внезапно завелась, причем, без особых усилий. Просто завелась и все! Музыканты от неожиданности заиграли, и процессия на хорошей скорости двинулась в нужном направлении. Зеваки по обочинам дороги смеялись, как никогда до и после этого.

Надо воздать должное людям: они дошли до конца. Ребяшня отстала от колонны раньше. Отдав последние почести и сказав все положенные в таком случае слова, украсив могилку двумя венками, люди загрузились в кузов своенравной машины, и она, ни разу даже не чихнув, домчала их до барака и тут уж встала мертво!

Солдатика напоили до безобразия, напились сами, откуда-то взялся баян. Затянули про лучину, окрепили на «рябине», размахивая сжатым кулаком, грозя побежденному врагу, с чувством прокричали «Артиллеристы, Сталин дал приказ...». Вспомнив славного фронтовика, спели его любимую «Над Амуром тучи ходят хмуро...», поплакали, что недожил, недолюбил, деток не вырастил, поматерились на эту жизнь, на войну, на баб, которые звали домой и портили душевный вечер. Накормленные ребятишки млели тут же. И никому не пришло в голову: ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ...

Спички, водка, керосин...

Когда-то давно, в прошлом веке, в нашей школе № 11 города Черногорска преподаватель русского языка и литературы Венидикт Александрович Величкин часто устраивал разные диспуты, в которых участвовали ученики 7-11 классов. Был среди них и серьезный разговор на тему основных ценностей: для человека, для общества, для вообще всех людей на Земле. Как и все мало знающие и поэтому излишне прямолинейные люди, школьники без долгих сомнений ответили на важные вопросы: для всех людей на Земле – мир, для нашей страны – догнать и перегнать Америку, для каждого человека – любить свою Родину, трудиться на её благо. Слово «счастье» по молодости лет в ум не приходило, семейные ценности тоже мало волновали, это уже потом, когда «Анну Каренину» «проходили», начали задумываться о семьях, несчастных по-своему, наблюдать собственные семьи.

А пока – я прибежала домой, разгоряченная спором о способности к подвигу во имя Родины, о трусости и предательстве, рассказала отцу, как всё происходило, какие основные ценности мы определили для себя на все времена.

- Спички, водка, керосин! – сказал отец.

- Что – «спички, водка, керосин»? Мы же говорили о подвиге, о патриотизме!!!

- А что о нем говорить? Когда твой дом в опасности, надо его защищать, и тут уж не до разговоров, делом надо заниматься! А разговоры пусть философы разговаривают.

- Но ты же воевал! Значит, ты был готов к подвигу? И дядя Гоша в самолете сгорел под Будапештом, он тоже был готов к подвигу!

- Война – такая же работа, только уж больно тяжелая, а подвиг – он сам тебя найдет. А на войне самое ценное: спички, водка, керосин. Без спичек огня не разведешь, сигарку не прикуришь, дрова не загорятся: ни согреться тебе, ни еду сварить; без горючего танк не поедет, а водка солдату нужна, чтобы хоть ненадолго от тягот войны отойти, душу расслабить. Да и раненым, вместо «заморозки» полстакана дадут и режут! Эх, фронтовые сто грамм! Друга моего убило, сердце саднит... А командир плеснет из фляжки, и на какое-то время полегчает! Друг у меня был настоящий, с призыва вместе воевали, одну самокрутку на двоих делили, а на баяне как играл! – отец странно зашмыгал носом, вышел на улицу, уселся на завалинку и закурил. Строй моих мыслей нарушился, но с расспросами я к отцу больше не приставала.

Слова писателя Аркадия Гайдара: «Счастье – это каждый понимал по-своему, но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную,

счастливую землю, которая зовется Советской страной» – мы в школе учили наизусть и абсолютно искренне верили им и строили свою жизнь по такому принципу. Как теперь принято говорить: были ориентиры, были заданы направления, обозначены перспективы – следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме. И в самом деле – что плохого в равенстве и братстве? Разве не спокойнее – жить в мире со всем человечеством, не беспокоиться о своих родных, ушедших на очередную войну за освобождение кого-то от чего-то? Разве не полезно – полечить или оздоровить ребенка на теплом море или дать ему возможность провести один–два сезона в пионерском лагере на берегу речки среди сосен и берез?! И это при не самом большом заработке! Старший преподаватель вуза мог себе позволить строить такие планы и осуществлять их. То есть, работая добросовестно, можно было рассчитывать на вполне сносную жизнь, дать детям образование, получить квартиру: маленькую, но отдельную, «встать на очередь», накопить денег и купить автомобиль и т. д. Жизнь была хоть и бедна, но прогнозируема. При этом наше сознание не замутнялось «забугорными» картинками, как говорил Аркадий Райкин: «Для тех, кто не носил итальянскую обувь, наша – во!». С киноэкранов и позднее (много позднее остального мира) с экранов телевизоров на нас смотрели нормальные люди – строители этого самого коммунизма, звучали песни, написанные не для отдельно взятых певцов, а о тех самых ценностях: о любви, о Родине, о мире, о стройках, целине, в общем, о жизни. Сейчас-то мы понимаем, что идеологи партии не дремали, направляя творческую энергию поэтов и композиторов в нужное русло, но было же ЧТО-ТО в этих песнях, если их поют до сих пор! И в фильмах – наивных и простых – трепетала человеческая душа, жила мечта о счастье и забота о своей стране.

И вот железный занавес упал. Можно сказать, на нас и упал. И придавил все наши ценности. Думы о Родине куда-то ушли вместе с комсомолом, уехали за рубеж в багаже бывших партийцев, стало стыдно называться патриотом, зато махровым цветом расцвело древо потребления. Да не подумайте, что я против хорошей жизни, отдыха под пальмами и посещения Лувра и Сикстинской капеллы! Вовсе нет! Но в жизни должно быть что-то, что делает нас ГРАЖДДАНАМИ. Что-то, что заставляет россиян, покинувших родину после революции, следить за могилами русских эмигрантов, учить своих детей русскому языку, тосковать по родным местам и стремиться быть похороненными в России! Вот недавно в Приморский край вернулись староверы, более 90 лет жившие в Венесуэле – сколько поколений сменилось, а они говорят на чистом русском языке! Приехали с детьми, со всем своим скарбом. А в соседней деревне Дерсу живут их собраты, вернувшиеся из Боливии после 70 лет эмиграции. И ведь едут не богатые – к

брошенным дворцам и в надежде вернуть свое добро, не дворянские отпрыски, а простые люди! Какие гены сохранили любовь к России, не позволили оторваться душой от Родины и, в конечном счете, привели к родным берегам?! Может быть, любовь к Отчизне – стране отцов?

Если брать отдельного человека, то первыми безусловными ценностями являются ВОЗДУХ, ВОДА и ЕДА – без них существование невозможно. Поскольку мы живем не в жаркой стране, то фиговым листком не обойдешься, нужна теплая одежда и не фанерный домик или хижина, а добротный ДОМ. И в этом доме можно создать СЕМЬЮ, родить ДЕТЕЙ, лелеять их, готовить к жизни, радоваться каждому новому дню, печалиться от неудач, заботиться о близких и быть кому-то нужным. Имея всё это, невольно потянешься к высокому. Помните требование римской толпы: «Panem et circenses!» – хлеба и зрелищ! Тут возникает вопрос о ДЕНЬГАХ: ведь здоровье и духовная пища стоят недешево! Значит, нужна РАБОТА, которая позволяет не только реализовать свои способности, но и давать средства к существованию. И хорошо, если бы в мире царила СПРАВЕДЛИВОСТЬ!

Если брать человечество в целом, то, по-моему, главная ценность – это ЗНАНИЕ. Вооруженное знанием человечество сможет накормить себя, освоить новые территории, достать из кладовых Земли всё необходимое для человека. Это при условии, что знание родится в добрых головах!

И ещё одна безусловная ценность для человека – ВРЕМЯ, потому что ВРЕМЯ – это и есть ЖИЗНЬ.

Александр Аверьянов

Магистрант Юридического института СФУ.

Размышления о родной стране

Я вижу тебя в свете будущих дней,
Как ты расцвела, представляю прекрасно.
Твои города, в сотне тысяч огней,
В горах – монолитна и в реках – атласна.

Ты мать полей и кудрявых берёз,
Умов беспокойных простор, вдохновение...
Кто видел тебя – не бывает тверёз²!
Любимая родина... Дней озарение.

Здесь лучшие люди, в нас есть доброта,
Готовы бороться за правое дело.
Улыбка радушия наша полна,
В объятиях сжимаем задорно и смело.

Мы носим в себе память прожитых дней,
Старинного быта, дыхания природы.
Мы чувствуем... Только, с годами, слабей...
Как эхо, внутри каменистой породы.

Я знаю, прогресс – наш девиз на века!
И новое – благо, для русской культуры.
Но только боюсь, мы теряем себя...
Свою самобытность... Исконность натуры...

² Тверёзый (прост.) – не пьяный или не пьющий спиртное

России так много пришлось пережить:
И горе, и радость, цветение и смуты,
Так память о том мы должны сохранить!
И русскую душу, средь всех перепутий.

На вызов, что грозно бросает нам век,
Мы снова сплотимся, ведь русские люди –
Народ, по ночам не смыкающий век,
Когда на другого накинута путы.

Мы вместе. И в сердце у нас – доброта.
Готовы бороться за правое дело!
Улыбку – задором встречаем всегда,
А злобу, как встарь, хладнокровно и смело!

Терзает сердце облик мой –
Беззвучной горести творенье...
Огонь, холодный и пустой...
Цветок, избавленный от тленья...

Кто преподнес проклятье в дар?
Окутав в бархатные сети;
О, этот солнечный удар...
О, эти солнечные плети...

В невинных красках серость сна:
Печать судьбы прикосновения,
И жажды горькой пелена –
Мой вечный камень преткновения.

Томясь в тени гранитных стен,
Уже давно не вижу света,
И вечность дарит нежный плен
В огнях рубинового цвета.

Забудь про прежние дела,
Очистив от невзгод сознание,
Услышав вновь: «Впусти меня»,
Задержишь ты свое дыхание.

На белом свете есть ещё слова,
Которые нам кажутся святыми...
И в юности, и в старости года,
Их носим в сердце чистыми, своими.

И не предать забвению, не сломить
Той веры, что незримо, но упрямо
Нам позволяет беззаботно жить,
Ведь знаем мы, что где-то рядом мама...

Она всегда согреет добротой,
Без слов и действий, просто силой мысли,
Пусть даже мы не видимся, порой...
Добра желает, только в лучшем смысле.

И у неё всегда, всегда полно забот.
Но лишь одно стоит на первом плане,
Когда её, по-прежнему, зовёт
Ребёнок, так нуждающийся в маме.

Очи сомкнул под рукою Морфея,
Сном упиваясь и думы лелея.
Нежность прибоя, во сне... Наяву ли...
Теплые волны – твои поцелуи.

Мягкостью губ одержимо сознание,
Небо укрыто невидимой дланью.
Я расплываюсь... Мерцают мгновения...
Сердце заходится дрожью в волнении.

Это не сон... Это, истинно, небо!
Царство Эреб в окружении света;
Яркий огонь... Словно звезды блеснули:
Теплые волны – твои поцелуи.

Наталья Алексеева

Профессор кафедры КИПР ИИФиРЭ СФУ Наталья Анатольевна обладает множеством достоинств, в том числе чувством юмора и отстраненной самоиронией. Вкупе с широким кругозором это помогает ей многое видеть в истинном свете и находить верные решения.

День Победы

Дым дешевой папиросы
И тяжелый кашель:
Дядя Проня – мой сосед,
Мне рукою машет.

- Подойди, присядь, Наташка,
Праздник-то какой!
Я, конечно, нынче выпил,
Пусть им всем – покой.

Ты же знаешь, я в разведке
На Войне-то был,
Рад бы все это не помнить,
Да вот не забыл.

Надо нам с разведотрядом
Насыпь перейти,
А по шпалам ходит немец,
Мать его ити!

Командир меня толкает:
- Часового снять!
И полез я потихоньку
Немца убивать.

Тихо, быстро, незаметно
За спиною встал
И ударил точно в сердце,
Чтоб не закричал.

Оттащил в кусты с дороги,
Глянул – Боже мой!
Пацаненок, как мой Борька,
Враг мой неживой.

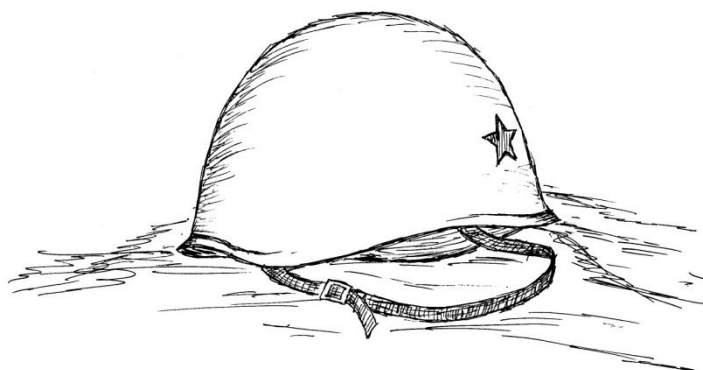
Мы узнали все, что надо,
Выполнив приказ,
Без потерь отряд вернулся
В предрассветный час.

Дошагал я до Берлина,
Лиха повидал
И, спасая свою Землю,
Много убивал!

Но того мальчишку – немца,
Не могу забыть!
Нам ведь только через насыпь,
А его – убить!

И убил его, как зверя,
В чем он виноват?
Просто ночью на разведку
Двигался отряд.

Я-то знаю, что до смерти
Будет он со мной!
Нас одним ножом убило
Страшной той Войной!

Борис Андреев

Профессор кафедры «Автомобили и двигатели» Красноярского государственного технического университета. Окончил Сталинградский механический институт. С 1960 года живет в Красноярске. Стихи пишет с юных лет. Активный участник литературного клуба «Высокий берег». Издал шесть выпусков своих стихов «О себе и о времени».

Воспоминания в День Победы

Я помню: детства дом, сестру и брата,
И мать, склонившуюся над шитьем,
Отца, как и у всех тогда, солдата,
Но это было уж потом.

Я помню памятное многим воскресенье,
И те слова, что, заикаясь, произнес нарком
О том, что враг на нас напал и начал наступление,
И что его мы скоро разобьем!

Я помню частые бомбежки,
И рев сирен, всех возвещающих о том,
И хлеба сберегаемые крошки,
И наш разрушенный полусгоревший дом.

Эвакуацию я помню: не в теплушках,
А на платформах мчались на восток,
И женщины, и дети, и старушки.
Да, это был суровый всем урок.

Разбит был враг! Но дорогую цену
За праздник этот заплатил народ,
И снова мир пришел войне на смену,
И снова к светлой жизни мы пошли вперед!

Тамара Бинникова

*Главный библиотекарь Научной библиотеки СФУ.
Куратор литературного клуба «Высокий берег».*

Прямой наводкой

Мой отец Иван Егорович Егоров ушёл на фронт с третьего курса Ленинградского военного артиллерийского училища в начале осени 1941 года. День Победы он встретил в Чехословакии. После войны служил в Закарпатском военном округе: воевал с бандеровцами.

Май 1945, г. Либерец, Чехословакия

Апрель 1946, г. Яворов, Зап. Украина

Война догнала его через шесть лет: он умер от последствий ранений за месяц до моего рождения. Я никогда не видела моего отца, не помнит его и мой старший брат (ему тогда было всего три года). Мы с братом знаем об отце со слов матери. Мама во время войны работала переводчицей: она была учительницей немецкого языка.

Отец не любил вспоминать о войне. Рассказывал редко, только об особенно тяжёлых эпизодах фронтовой жизни: о битве под Москвой, о Сталинграде, где они стояли насмерть. Он был хорошим командиром, его любили солдаты. С фронта привёз единственный трофей – немецкий аккордеон, который ему принесли его солдаты из разбомблённого музыкального магазина. У отца были абсолютный слух и красивый голос. Он играл на многих музыкальных инструментах. Его боевые товарищи часто просили отца играть на аккордеоне. Особенно и отец, и его товарищи любили песню «Смуглянка». Когда я была

маленькой, я долго не могла понять, почему, когда по радио звучит такая, как мне казалось, весёлая песня, моя строгая и суровая мама плачет.

Отец был очень мужественным человеком: даже после тяжёлых ранений – в голову, в левый глаз и руку – возвращался из госпиталей к фронтовым товарищам. Был награждён боевыми наградами «За оборону Сталинграда», орденом Красной Звезды и другими.

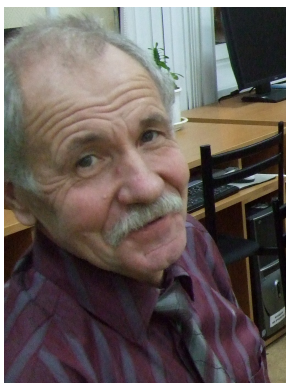

Иван Егорович
Егоров

Приказ о награждении И.Е. Егорова орденом «Красной
звезды»

И ещё. Мама говорила, что мой папа не испытывал такого омерзения и отвращения даже к врагам на фронте, какое испытывал к бандеровцам, с которыми воевал на Западной Украине. Отец рассказывал, что бандеровцы распиливали попавшихся к ним живых красноармейцев пилой-двуручкой, получая от такого изуверского истязания удовольствие. Поэтому, когда я слышу про национального «героя» современной Украины Бандеру, у меня в душе поднимается такое же отвращение к происходящему там, где всё переворачивается с ног на голову. Но настоящую правду о войне, память о тех страшных боях, о нечеловеческих испытаниях, через которые прошёл наш народ, мы будем передавать из поколения в поколение. Я – своему сыну, он – своему. И пока у нас будет щемить сердце от песен военных лет – не прервётся связь поколений.

Мой сын каждый год участвует в акции «Бессмертный полк». Он идёт со своими, пока ещё маленькими детьми и несёт портреты обоих дедов-фронтовиков (для внуков – прадедов). Портрет моего отца, старшего лейтенанта Ивана Егорова, несёт его правнук Иван.

Георгий Васильев

Стоял у истоков создания литературного клуба «Высокий берег» и руководил им 7 лет. Очень тактичный, доброжелательный человек: для каждого у него находится нужное слово, слово поддержки и понимания.

*Сал написал и
сочинил дошколёнок Егор Пастухов,
правнук Г.А.Васильева.*

9 МАЯ – ДЕНЬ ПОБЕДЫ!
ЗАЩИЩАЕМ
НЕ ПУСКАЕМ МЫ РОДИНУ.
ВРАГОВ
ПРЯМО В НАШУ
СТОРОНУ!

Война

Моему отцу и всем российским воинам

Поставят ль памятник ВОЙНЕ,
Когда повсюду на земле,
Как состояние души
ВОЙНА уйдет, сдав трон...
ЛЮБВИ.

Война чему-нибудь начало.
Война чего-нибудь конец.
Как смерть стара.
Как жизнь упряма.
Хитра. Коварно час свой ждет,
Чтоб злость разжечь средь нас. И вот
Война – соперница Любви,
Царицей ходит меж людьми.
Она льнет облаком побед, сметает пропастью ошибок
Сонм человеческих судеб, свет человеческих улыбок.
Из тьмы веков ее оскал бессчетно мир в безумье гнал.

Увы, так, видимо, природой взаимосвязаны народы.
Так судьбы их, число, мораль вьет цивилизации спираль.
И вьет по принципу злодея –
Дели и властвуй.
– ВЕЧНО ТОТ,
В КОМ ЗЛО СИЛЬНЕЙ, ВО ВЛАСТЬ ИДЕТ.
Ну, а с ВОЙНОЙ В ЕДИНОЙ СВЯЗКЕ
ВЛАСТЬ ПРАВИТ МИРОМ БЕЗ ОПАСКИ.

Когда б ни Вечности каток, то на земле не знали б места,
Где не ступал ВОЙНЫ сапог.
Да и народам было б тесно без войн. Естествен их отбор,
Народов, живших до сих пор.
Что ж, хмель побед, стыд поражений учителями поколений,
Конструкторами государств, сформировали мир сейчас.
Взять хоть Россию для примера – она за двести лет подряд
Не раз меняла свой наряд, меняла внутренние стены,
Замки, фундамент... В том Война не просто зрителем была.

Война двенадцатого года – год поражений и побед,
Год славы русского народа и осознания его бед.
Недаром следом декабристы основы царства потрясли
И в феодальную Россию свободы пламень принесли.
Свобода – слава и беда, пока не выпита до дна
Раба завистливая чаша. С нее сейчас похмелье наше.
С нее хмельные утописты Россию гнали к коммунизму
И в утопическом бреде чуть не угробили страну.

Война вторая мировая – семьдесят пять лет позади,
Но той войной еще больны мы, победившие когда-то.
Четыре года изменяла нас война –
Коверкала тела, ломала наши души,
Ковала сталь из «хлама» и «добра»,
Деля на тех, кто в «море», кто на «суше».
Четыре года доставала нас война
На каждом шаге, взгляде и привычке
Дала для тех, кто видит стан врага,
Друзей вдруг провожать на вечную прописку.

Четыре года там, где год нам шел за три,
Где каждый миг мог с Вечностью встать, споря,
Где счастьем стать могло тепло чужой руки,
Средь моря, где вода – людское горе.
Четыре года скарб весь за плечами.
Твой дом, твоя семья, все радости, печали –
 заветное письмо.
С ним память прошлых лет прильнет
К душе теплом в бреде военных бед.
Четыре года весь, как на ладони.
Не странник, не монах, а все перед тобою дороги, судьбы...
И твоя судьба в судьбу страны, как в сеть, заплетена.

Четыре года сеть и рвали и вязали.
«Сомненья прочь!» – в опасности кричали.
«Сомненья для победы первый враг!
За Родину! За Сталина!» – лишь так
Смогла тогда Россия победить,
Но в мирной жизни ритм их не убить.
Кто цену жизни испытал у смерти,
Жизнь просто не отдаст за призрачное
 «Верьте».

От веры в призраков Русь тяжело больна –
Великий дух страны в тюрьме держать нельзя!
Новороссийск и Карабах, Баку, Тбилиси, Грозный – крах
Коммунистической идеи, империи, «Великой цели».
Россия вновь погружена в раздумье, в смуту, ... но жива!
В любой войне победа, поражение страны,
В конце концов, народу даст
 прозренье, –
В чем скрыт источник главных его бед.
Тогда грядет иного дня рассвет,
Иному дню – иные испытанья.
Призвание воевать – пусть лишь хранят преданья.
Нет, не ружьем – душою Русь сильна.
Не зря для всех врагов загадочна она!

Тысячелетняя Россия! Твое величие всегда
Вставало гордо из пучины великих смут. И у врага
В объятьях русского медведя трещали ребра и бока
На славном поле Куликовом и в поле близ Бородина.
Ты велика душой и телом прекрасноликая земля,
Взращая нас, в свои года, ты вечно юной стать сумела –
Все впереди у нас пока.

В года великих потрясений ты удивляла мир не раз,
Во взорах многих поколений к нам интерес всегда не гас!
Нам от тебя не убежать.
Твоих детей неодолимо, из дальних мест к себе незримо,
Святыни русские манят!

В Россию входит вновь Гражданская война –
Два лагеря враждебных меж собою
В борьбе, в которой места нет герою –
Дерется левая и правая рука,
А верховодит всем больная голова.
Гражданство, бюрократия и власть
Лик Родины своей затаптывают в грязь...

Где на Земле? В какой стране
Поставят памятник Войне?..

Тимур Гарифуллин

*Студент Института управления
бизнес-процессами и экономики СФУ.*

*Лауреат многих краевых и региональных
литературно-поэтических конкурсов чтецов.
Участник городских, краевых и региональных
проектов. Обладатель премии главы Кировского
района г. Красноярска «Одарённость-2016».*

Публиковался в сборниках «Речник Енисея» и «На высоком берегу».

Такой же, как и я

Такой же, как и я, взглянул в мои глаза.
Такой же, как и я, проснулся на мгновение.
И серые глаза, почти мои глаза,
Под тяжестью осенней пыли стали тенью.

Нам тишина безмолвием листвы
И этих голых веток обещала
Спасти: от ссор, обид и темноты –
Спасти весь мир от яростной борьбы.

За что? За мир, который в беспокойстве...
Но надо, надо сохранить,
Спасти от войн, разрухи обветшалой.
Спасти всех нас, всех, кто еще живет.

На этой слабой, грязной и никак не нашей
Земле, планете, что еще молчит...
И если тишина листвы
Тех самых голых веток
Внезапно вдруг коснется нас двоих,
И больше никогда нигде не будет
Последних нас, последних нас живых.

Моей России

Моя Россия – в эпицентре всех событий.
И труден Путь...

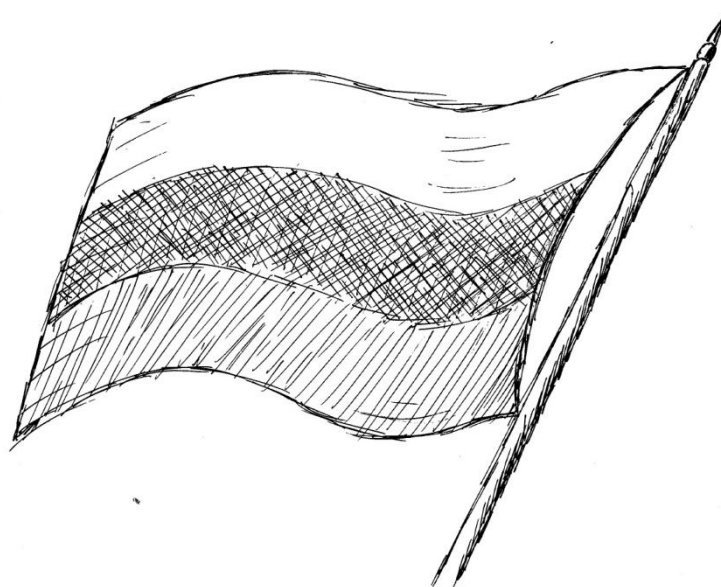
Кто ты? Солдат-армеец или просто житель?
Осмысли суть.

Своей страны простор бескрайний
Мы сохраним.

Морей прибой иль Север дальний –
В ней Дух един.

Твои сыны – твоя основа:
России твердь.

Надежность силы рождает желание снова
Вперед смотреть!

Иссиня чёрное море
Колышет знакомый звук.
Я слышал его на восходе,
Оно в голосах вокруг.
Отчётливая работа
Волны, ускользающей вдаль.
Я скоро прибуду, скоро,
Ты только не исчезай!

Ты понимаешь, море,
Дело совсем не во мне,
Просто завал на работе,
Небольшие проблемы в семье.
Это решится скоро,
В нынешний – то апрель
Отпуск назначат снова.
Тогда я приеду, поверь.

Давно не писал тебе, sorry.
Дойдет ли письмо теперь...
Мы так и не встретились, море.
Пожалуй, не стоит теперь.
Недели вкрапляются в годы.
Миллионный сменился апрель.
Восходы и ветер, и море
Я разлюбил теперь.

Потому просыпаюсь в полдень,
Иду на работу в ночь.
Сколько мне лет?
Да неважно.
Есть дом и взрослая дочь.
Когда-нибудь станет ясно:
Время ушло, совсем.
Годы покажут моменты упущенных кораблей.

Последняя рюмка водки,
Партия в домино.
Отплытие задержалось.
Корабль ушел на дно.

Алексей Ердаков

Красноярский поэт. Окончил ПТУ №3, служил в армии.

В 2019 году вышел его первый сборник под названием «Образ жизни». Автор более 400 поэтических произведений.

«Учитель мой – Владимир Высоцкий, духовно. А на деле – Красноярская поэтесса Надежда Тимофеевна Омелко»

Генеральский зять

Поэма

1.

В штабе, в кабинете, находятся начальник и подчинённый. Начальник, он же командир полка, отчитывает подчинённого ему офицера, тот неожиданно перебивает его.

- Командир, ты объяснишь,
Почему ты всё кричишь?
У меня прекрасный слух,
Мне не надо показух!
Я уже осведомлён,
Что переступил закон!
Что, «устав» нарушив наш,
Не пришёл на инструктаж!
Я настроился опять
Наказания принять
И себе взять на контроль
То, что вреден алкоголь!
Только я прошу учесть,
Что ещё комдив – мой тесть!
И от дочериных слов
Станет более суров!

- Я вас понял, офицер!
Вы – чудовищный пример!
Мне придётся в этот раз
Объявить в полку приказ.

Беспорядок ваш пока
Я учту наверняка!
Надо дисциплину впредь
Соблюдать уже уметь!..

2.

Хлопнув дверью кабинета и выйдя из штаба, подчинённый офицер (он же ротный капитан) направился к себе домой, при этом раздражённо размышляя вслух.

- Как всегда, наш командир
Оказался как вампир,
Скоро высосет всего,
Чтоб добиться своего!
Так и хочется ему
Делать всё по-своему.
То построишься не так,
То в казарме кавардак!
Опоздаешь лишь на миг –
Будет множество интриг!
Жизни личной никакой
С этой должностью мужской!
Надоело перед ним
Быть мальчишкой рядовым!
Он и пользуется тем,
Доставляя мне проблем.
Ничего, свою жену
Я немного припугну:
Батя-то её – комдив!
Он за дочку хлопотлив!
Он ему закроет рот,
Бросив в свой водоворот!..

3.

Придя домой, капитан начал беседу со своей женой, которая и является «дочерью» самого командира дивизии.

- Дорогая, я устал
От него терпеть скандал!
Он пытается всегда
Больше причинить вреда!

Я уже с ума схожу,
Места всё не нахожу!
Он уставу «вопреки»
Метит в передовики:
Говорит, что твой отец
Самый настоящий лжец!
Что на должности своей
Шарлатан и прохиндей!

- Дорогой мой муженёк!
Мы его гнилой упрёк
Супротив употребим -
Его, выложив таким!
Я у папочки одна
Затмеваю ордена!
Командиру твоему
Всё разложит по уму,
А любая клевета
Будет вмиг воспринята!
Вспомнит каждую деталь
И устроит фестиваль.
Пожалеет он тогда
И заглохнет от стыда,
И останется в дерьме,
Растворившись в кутерьме!

- Чтобы делал без тебя,
Жизнь свою усугубя?
Ты мне – солнце и вода!
Ты нужна мне навсегда!
Твой единственный отец
Для меня как образец,
На него лишь одного
Уповаю оттого!..

4.

В этот же день вечером происходит разговор дочери с отцом. Который командир дивизии. Она, встречая его на пороге, начинает высказывать ему.

- Папа, я тебя ждала,
Всё не находя угла!

Если сможешь, помоги!
Просьбой не пренебреги!
Самый твой любимый зять
Начал страшно попадать:
Командир их полковой
Ввёл порядок боевой.
Не даёт ему проход,
Зажимая кислород!
А, найдя любой момент,
Разжигает инцидент!
Мы всегда к нему – с нуждой,
Он, наоборот – с враждой!
Отвечает напрямки,
То, что все мы дураки!

- Ладно, перестань реветь,
Я его главнее ведь!
Что же на него нашло,
Что чинить решил нам зло?
Он мне выложит ответ,
Посетив мой кабинет,
Я за зятя всей братве
Надаю по голове!

- Папа, я тебя люблю!
Хоть и иногда шалю.
У меня один лишь ты
Полный ласки, доброты!
Жалко, маму за бугор
Укатил её мажор,
И теперь её отель
Оказался сам Марсель!

- Эта женщина сюда
Не вернётся никогда!
Она должность кутюрье
Предпочла назло семье,
Для неё любой бордель –
Колыбель и цитадель!

- Ты же, папочка, святой
Со своею простотой!
Я в молитвах неспроста

За тебя молю Христа.
Лишь благодаря тебе
Не пеняю я судьбе,
Кончу университет –
Внуков принесу на свет!

- Эти лавры к седине
Мне уже «нужны» вполне!
Если в штабе мне не лгут –
Скоро округ отдадут,
И тогда под старость лет Я
возьму нейтралитет, Все
заслуги по годам Ради них
одних отдам!..

5.

На следующий день. Капитан со своей супругой наедине.

- Утром, выпив коньяку,
Хорошо прогнать тоску,
Когда заново со мной
Ты проводишь выходной!
Пусть сегодня гарнизон
Распивает самогон,
Мы наперекор делам
Отдадимся торжествам!

Ты – моя супермодель
И единственная цель!
Я для папы твоего
Вроде сына самого!
Думаю, он по рогам
Надаёт моим врагам
И, наверно, на звезду
Его скоро разведу?

- Береги меня, капрал,
Как огромный капитал!
Как дорогу до наград
Через множества преград!
Мой родитель скоро ведь
Будет округом владеть,

Я смогу похлопотать
За любую благодать!..

Капитан, поглядев на часы, собирается вставать с постели и, оправдываясь, говорит супруге.

- Ладно, мне идти пора,
Вновь дежурство до утра!
Третий день уже подряд
Заступаю я в наряд.
Но попробую опять
Я со службы умотать,
В роте может солдатня
Обойтись и без меня!

6.

Вечером на службе капитан, находясь у себя в подразделении, отчитывает бойцов, после того как напился.

- Эй, товарищ рядовой!
Навсегда себе усвой,
Что товарищ капитан
Здесь является «пахан»!
Пусть сегодня он чуть-чуть
Принял «крепкого» на грудь,
Но не стоит, твою мать,
Всё за слабость принимать!
Ты, товарищ замкомвзвод,
Помни, прежде наперёд:
Что твой ротный командир
Никакой не дезертир!
Ему надо в эту ночь
Другу лучшему помочь,
Потому в такой-то час
Он надеется на вас!
Лично на тебя, сержант!
Ты делам моим – гарант!
Но смотри, за всю шишу
Я с тебя потом спрошу!..

7.

На следующий день командир полка один в кабинете, после доклада дежурного по полку, по поводу отсутствия на службе командира роты, того самого капитана.

- Сколько мне придётся впредь
Его выходки терпеть?
Не могу я больше с ним,
Он уже неисправим!
Снова самовольно он
Свой оставил батальон!
Надоел он мне давно,
Сколько раз подтверждено:
Заступая в караул,
Пьяный, учинял разгул!
Этого боевика
Надо вышвырнуть с полка,
Потому что подлежим
Выполнять мы все режим!
Только тесть его вполне
Не простит такое мне?
Ну, а жалобу свою
Всё равно я изолью!..

8.

Сам полковник целый день
Проносился как олень.
Были стрельбы и парад,
И вручение наград.
От неявки подлеца
Всё не сделал до конца,
И приходится уже
Пребывать на стороже.
Рапорт удалось успеть
Дать начальству рассмотреть:
Будто в части офицер
Подает плохой пример!

9.

Документы генерал
В это время разбирал.
У него всегда дела
Бьют во все колокола!
Надо многих поощрять,
Наказать и утверждать,
И в пример для образца
Вставить нужного бойца.
Тут, конечно, невпопад
Он наткнулся на доклад,
Там заметнее всего
Оказался зять его!
Командир его полка
Упрекал, как сопляка:
- Дисциплины не видать!
Любит часто выпивать!
Как обычно, без причин
Вспоминает тестя чин:
Говорит, что он родня,
А не всякая фигня...

Как хороший педагог
Генерал бывает строг,
Может врезать по лицу
Хоть какому наглецу,
А обычного стрелка
Вознести до высока.
Только зять ему – родня,
А не всякая фигня!

- Ничего, мы впредь другим
Дисциплину укрепим!

10.

*Генерал, уходя из штаба дивизии, прямым ходом направился к дочери.
Дома уже с порога.*

- Здравствуй, доченька моя!
Я, на службе состоя,
Прочитал один пунктир:

Зять наш - странный командир?
Не желает он нести
Службу ратную в чести,
А пытается всегда
Больше причинять вреда?

- Папа, это ерунда!
Я не зря тебя тогда
Попросила, чтобы ты
Защитил от клеветы!
Зять твой – полный идеал!
В деле – профессионал!
Службу ратную свою
Хорошо несёт в строю!
Только злые языки
Метят в передовики,
Говорят: что ты, отец,
Самый настоящий лжец!
Да! Да! Да! Всё это мне
Муж сказал наедине.
Командир ведь у него
Хочет места твоего!
От отсутствия улик
Плетёт множество интриг,
Чтобы дело опосля
Долетело до Кремля!

- Ах, он непутёвый гусь!
Я сейчас же разберусь,
Все пойдут под трибунал
За такой потенциал!
Необузданная ложь
Режет по сердцу, как нож,
А предательство порой
Теребит, как геморрой!..

11.

В штабе полка, у командира полка в кабинете, только что зашёл командир дивизии.

- Вот и выпало в судьбе
Самому прийти к тебе!

Как дела в твоём полку,
Расскажи мне, дураку?
Что-то жалоба твоя
Не даёт мне жития?
У тебя выходит вдруг
Идиоты все вокруг?
Значит, хочешь ты сказать
То, что мой любимый зять –
Алкоголик и бандит –
Должностью руководит?
Ну, а я его взлюбя,
Получаюсь для тебя:
Бестолковый офицер –
Не учтя его афер?
Ты, полковник, сукин гад,
Не крути мне маскарад,
А язык свой прикуси
И прощения проси!
Я, как полный генерал,
Не позволю криминал!
И за зятя будет впредь
Вся дивизия потеть...

Возвращение блудного брата

Мы пережили разные невзгоды,
Не всем пришлось дожить до наших дней.
А ты где пропадал все эти годы,
Своих не посылая новостей?

Отца и мать давно похоронили,
Уж столько много приключилось бед!
Но и твоя на кладбище могила,
Среди других, определила след.

Выходит, мы скорбели понапрасну,
Забыв ночами про покой и сон,
Когда ты по «проклятому» соблазну,
Решил от нас убратся за кордон!

Ты слал нам поначалу телеграммы,
А также переводы иногда.

В последствие письмо дошло до мамы,
Что там с тобой произошла беда.

Нам написал твой друг из-за границы,
Что ты на вахте без вести пропал!
Я верила, что это небылицы,
Ведь ты во всём был профессионал!

Но время шло, а мы тебя искали,
Потом на поиск подключили Интерпол.
А вскоре нам из Органов прислали
Составленный о смерти протокол.

Не выдержала мама это горе,
Ходили всюду слухи на селе,
Что будто ты причастен стал в терроре,
За что убит был на чужой земле!

Отец за ней недолго собирался,
В один момент осталась я одна.
А ты, видать, под шкурою скитальца,
Скрывался все лихие времена?!

Ну, ладно, брат, я рада нашей встрече,
Хотя своим не верится глазам!
Что ты живой, без всякого увечья,
Спустя пятнадцать лет вернулся к нам!

Я чувствую здесь множество обмана,
Но истина отыщется всегда!
А эта дата в жизни несказанна,
Ты цел, всё остальное – ерунда!

Сегодня праздник в доме разразится,
Тот долгожданный, словно юбилей!
Пусть тебя чужие видят лица,
Восставшего, из умерших людей!

Рассказывай о прошлом по порядку,
Себя во всём не стоит укорять!
Возможно, ты пришёл от недостатку,
Но для меня ты словно благодать!

Я вижу, как судьба с тобой жестоко
Управилась, страдания неся!
За этот день благодарю я Бога,
Могущество его превознося.

Семейные традиции мне святы,
Тебя я не оставлю в стороне.
Забудь про все дурные адресаты,
Живи и помогай нам, как родне.

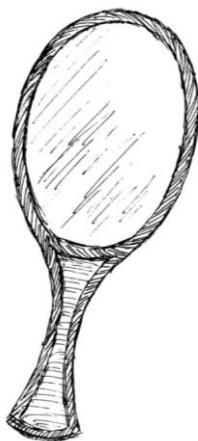
Автопортрет

Избитый образ не идёт поэту,
Ему подходят краски знатока,
Которыми «писать», наверняка,
Приходится лицо к автопортрету.

Набрасывая облик силуэту,
Им разум управляет – не рука!
Сперва он пишет для черновика,
А лишь потом выкладывает свету.

Пусть буду на своём изображён
Простой и жизнерадостный в работе,
За рукописью главного труда.

Пронзая темноту былых времён,
Отыскивая мысль в круговороте
Таким, чтоб кануть в вечность навсегда.

Владимир Зайцев

Выпускник Красноярского техникума социальных технологий. Постоянный участник заседаний «Высокого берега».

Я устал от гнетущих смертей,
От безумия в этой войне,
Наблюдать лица мертвых детей,
Слышать плач в гробовой тишине.

Я хочу возвратиться домой
И увидеть живыми родных.
Я хочу возвратиться живой,
Чтоб в ушах моих пуль свист затих.

Я больше не пишу

Я больше не пишу для радости и смеха.
Мне больше не нужны рукоплескания рук.
И муза для меня теперь есть лишь помеха,
И враг не враг, и друг боле не друг.

Утратил вкус я к жизни полноценной,
Уже не радуют меня птиц пение и рассвет.
Перегорел дотла, и нет стихов бесценных —
Я больше не пишу, ведь больше меня нет.

Алексей Закарлюка

Выпускник Инженерно-физического факультета КГТУ, кандидат физико-математических наук.

С 2003 г. работает на кафедре Физики ПИ СФУ. Имеет более 20 научных и методических работ и один патент на изобретение.

Хобби: пишет стихи, занимается гиревым спортом, выполнил разряд КМС, занимается

Силовым жонглированием гирями, дважды становился чемпионом России: в парном разряде и среди ветеранов.

Бритые затылки, острые штыки.
Шли в поход мальчишки, без оглядки шли.
Завтра будет битва, будет жаркий бой,
Ты поспи, братишка, завтра выход твой.

Вы не продали совесть, не разменяли честь.
Сколько вас осталось в поле? Никому не счесть.
Стынет пуля в сердце, будешь вечно спать.
Только глупая кукушка не устанет куковать.

В синем море в белой пене³

Рассказчик:

Тропка вьётся меж берёз,
Воду ручеёк несёт,
Время не спеша идёт,
А мечта в стихах живёт.

Дует ветер на просторе.
Дед и внук рыбачат в море.
Тянут невод по волнам,
Рыбу ищут тут и там.

³ По мотивам одноимённого мультфильма, который, в свою очередь, снят по мотивам армянской сказки, автор сценария Р. Саакянц (1984 г), автор текста А. Закарлюка

Вдруг из пены из морской
Достают кувшин простой.
Хоть кувшинчик и простой,
Но был с пробкой золотой.

Если хочется узнать,
Что внутри должно лежать,
То резону нет гадать,
Надо пробку доставать.

И нисколько нет сомненья –
Пробка вон в одно мгновенье.
Из кувшина в тот же миг
Появился вдруг старик.

Колдун:

Ох! Противно было в склепе,
В глиняном кувшинном чреве.
Эх! Да здравствует свобода!
Разгуляюсь в воле снова.

Двадцать сотен долгих лет
Я не видел белый свет.
Потому что я злодей,
Нёс беду я для людей.

Был за козни свои схвачен,
Добрым магом одурачен.
Было имя у него...
Тьфу! Опять забыл его.

Мальчик мой! Ты мой спаситель,
От неволи избавитель.
И немедля в замок мой
Ты отправишься со мной.

Дед:

Это что ещё за вести.
Нам не надо такой чести.
Лучше б гость наш дорогой
Убрался скорей домой.

Колдун:

Я исчезну в один миг,
Но мне нужен ученик.
Видишь ли, я очень стар.
Кто волшебный примет дар?

Внук твой, хоть и маловат,
Но он лучший кандидат.

Мальчик:

Не хочу быть колдуном,
Не пойду учеником.

Рассказчик:

Если б шторм, то полбеда.
А тут мага победи!
Не поспоришь наравне
С злою силой на волне.

Гость незванный внука взял,
Как пушиночку поднял,
В воду плюх! – и, как ядро, –
С ним отправился на дно.

Дед:

Ах, мерзавец! Ах, злодей!
Будь ты проклят, бармалей!

Рассказчик:

Как тут можно отомстить?
Только лишь волне грозить.

От досады от такой,
Дед закрыл лицо рукой.
На кувшин слезу роняет
И за борт его кидает.

Между тем на дне морском
Маг становится царём.
Слово нужное сказал,
Замок свой расколдовал.

Дна морского население
Призывает на служенье.

Столь ужасный был их вид,
Что пропал весь аппетит.

Колдун:

Ну! Мой мальчик, оглянись!
Диву дивному дивись.
Мой дворец! Он так красив,
Что семью забудешь вмиг!

Здесь алмазы и рубины.
Там кораллы и сапфиры.
Лишь представь, что это всё
Будет в скорости твоё!

Мальчик:

Не хочу я бриллиантов,
Замка, злата и подарков.
А сокровищ яркий цвет
Не заменит солнца свет.

Колдун:

Заклинанья покажу,
Делать вихри научу,
Бури по морю гонять,
Корабли на дно пускать.

Есть ещё один момент.
Он ценней, чем звон монет.
Есть закон у колдунов –
Жить ты будешь сто веков.

Мальчик:

Чтобы целых сто веков
Рыбаков и моряков
С кораблями потоплять.
Не хочу того желать!

Колдун:

Но зато там сундуки,
Они будут все твои.
В сундуках лежат монеты,
Злата звонкого предметы.

А веков так через пять
Будем время вспять пускать.
Солнце и луну местами
Поменяем быстро сами.

Мальчик:

Это что ещё такое!
Дело дивное лихое?

Колдун:

При себе оставь сарказм.
Это старческий маразм.

Между прочим, от него
Очень даже хорошо!
Главное, меня держись
И, как следует, учись.

Хоть процесс не безопасен,
Он понятен и прекрасен.
Выброси сомненья вон,
Будешь ты учеником.

Первое начнём занятие
И изучим заклинанье.
«Снип-снап-снуре» повтори –
Камень в рыбу преврати.

Рассказчик:

Мальчик камень в руку взял,
Удивлённо помолчал,
«Снип-снап-снуре» повторил,
Камень в рыбу превратил.

Только вышла рыба та
Неказиста и страшна:
Был хребет, два плавника,
Также зубы и глаза.

Колдун:

Экий дурень! Ну, да ладно!
Это даже презабавно.
Чтобы вышло всё чудесно,
Нужно верить в это честно.

Не волнуйся, не спеши,
Заклинанье повтори.

Рассказчик:

Мальчик снова помолчал.
Заклинание сказал.

И с попытки номер два
Вышла рыба камбала.
Возле трона покружилась,
Прочь на волю устремилась.

Мальчик:

Я всё понял, всё легко.
Мне камней ещё б штук сто.
Я хочу потренироваться,
Рыбой разную заняться.

Колдун:

Ай, как славно! Молодец!
Чёрным дням настал конец!
Но камней запаса нет.
Мне милее звон монет.

Можешь взять предмет любой
Хоть волшебный, хоть простой.
Даже подойдёт кувшин,
Что темницей мне служил.

Мальчик:

А кувшин пусть подождёт.
Час его ещё придёт.
(Тихо) Да и пробочка в кармане.
Лучше спробую с деньгами.

Рассказчик:

Мальчик вдруг раскрыл сундук –
Злато зазвенело тут.
Фразу он сказал лишь раз –
Из монет создал косяк.

Рыбы долго ждать не стали
И в простор морской умчали.

От такого поворота маг
Свалился камнем с трона.

Колдун:

Сын ослицы и осла!
На плечах не голова!
Видно, там пустой горшок
Иль с соломой мешок!

Ты хоть знаешь, сколько денег
Ты пустил сейчас на ветер?
Сотню тысяч скакунов
Мог купить без лишних слов!

Поднимая мага с пола,
Мальчик отвечает словом.

Мальчик:

Мне не нужно жеребцов,
Был бы лишь обед готов.
Если деду повезёт
Рыба эта в сеть зайдёт.

И моя семья без бед
Месяц будет есть обед.

Колдун:

Мог бы дать им золотой.
Был бы пир у них горой.

Мальчик:

Не всегда на рынке злато
Обеспечит снедь богато.

Чтобы был прилавок полон
Рыбой, хлебом да и мёдом,
Нужно, чтобы это всё
Где-то плавало, росло.

Если в море рыбы нет,
Будет спать голодным дед.
Сколько невод не води –
Всё напрасные труды.

Колдун:

Как же сердце сильно бьётся,
Пот холодный речкой льётся.
Ну да ладно! Чёрт с тобой!
Мы начнём урок другой.

Не спеши, сосредоточься.
Кто промажет – не вернётся.
«Бене-рябя» повтори,
И свой облик измени.

Рассказчик:

Мальчик быстро то сказал
И дельфином быстрым стал.
Устремился на свободу,
К деду, к берегу родному.

Тут акула догоняет,
Хитрым тоном вопрошает.

Колдун:

Что, милоч, к родне собрался?
На простор степей помчался?
Только вот чего учти,
Что не сменишь плавники.

Рассказчик:

Мальчик тут же тормозит,
«Бене-ряба» говорит.

Получилась сельдь большая,
Вкусным жиром налитая.
Ясно дело, что сей вид
Пробудит лишь аппетит.

«Бене-ряба» – угорь длинный.
«Бене-ряба» – скат красивый.
«Бене-ряба» – краб сердитый.
«Бене-ряба» – язь игривый.

Колдун:

Ты талант, тут спору нет,
Но уже не человек.

Чешую чтоб скинуть сразу,
Нужно знать другую фразу.

Впрочем, ты не сомневайся,
Прямо к деду отправляйся.
Он любитель и знаток
Рыбки жареной, дружок!

Мальчик:

Маг, а сам-то слово помнишь,
Облик свой вернуть ты сможешь?
Или всё уже забыл –
Ты в темнице долго был.

Рассказчик:

Маг от страха поперхнулся,
Осьминогом обернулся.
«Трали-вали» говорит,
И вернул свой прежний вид.

Колдун:

Помню. Помню! Не забыл!!
Как же жуток был сей миг!
Жизнь вся быстрыми шагами
Пронеслась перед очами.

Рассказчик:

Мальчик же не растерялся,
Возле мага оказался.
Заклинание его
Повторил он точно всё.

Колдун:

Посмотри, какой пострел!
Он и тут опять поспел!
Удивил ты вновь меня,
Расколдовал ты сам себя!

Мальчик:

Быть забавно колдуном.
Буду я учеником. Жить
Согласен много лет,
Собирать клад из монет.

Но, учитель, ты пойми
И за дерзость не сочти.
Ты большой и ты толстяк.
Видно, для тебя пустяк.

Но никак я не пойму
И идею не найду,
Как ты смог размер большой
Уместить в кувшин малой.

Колдун:

Что? Мальчишка! Ты не веришь!!
Ты сейчас свой взгляд изменишь.

Рассказчик:

Маг вздохнул, слегка скривился
И в кувшине очутился.

Колдун:

Ну, так что? Теперь ты веришь?

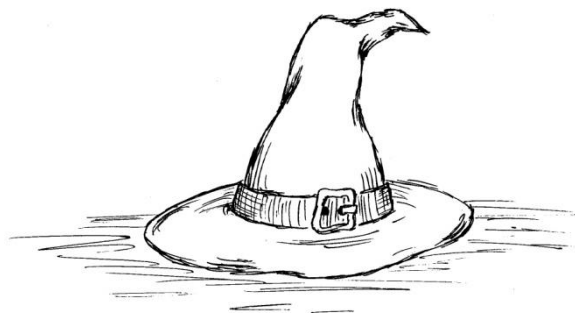
Мальчик:

Да! Отлично! Всё умеешь!

Рассказчик:

Мальчик взял и тут же пробку
Поместил в кувшинью глотку!

Коли мага нет на свете,
Дед и внук рыбачат вместе.
Но обходят стороной
Место, где кувшин простой.

Александр Захарченко

*Родился 6 января 1941 года в г. Омске.
С 1964 года живет в Красноярске. Поэт, член Союза писателей «XXI век». Автор девяти поэтических книг. Руководитель регионального литературного общества «Русло». Редактор альманаха «Русло».*

День Победы

Я был худой и звонкий
В военные года,
Но и с душою тонкой,
Как дети все тогда...
Отцы их воевали...
Была на грани жизнь.
За Родину. Но знали,
Что землю надо грызть.

Не отступать ни шагу,
Идти только вперед.
За будущее благо
Сражался наш народ.
Гремели канонады,
Звучал снарядов вой...
И погибали рядом
Друзья... Шёл смертный бой.

Бой шёл не день, а годы-
Погибших всех не счесть.
Лишенья и невзгоды –
Их всех не перечесть.
Но вынес всё со славой,
Всё вытерпел народ...
За дело наше правое
К Победе шёл вперед.

Народы всей Европы
Освобождал солдат.
В траншеях и окопах
Гремел разрыв гранат.

И вот она – Победа...
Взят, наконец, рейхстаг,
И водружён не где-то,
На нём, наш красный флаг.

А я – худой и звонкий,
Был счастлив... Был я рад.
Душою детской тонкой
Боготворил солдат.
Безмерным были счастье
И гордость за страну...
Ведь каждый был причастен,
Что победил войну.

Где начинается дорога

Где начинается дорога,
Когда кончается война?
К родному, что ведёт, порогу –
Он в моём сердце, как страна.

Там моя малая Отчизна,
Где меня ждут всегда, всегда.
На шею вся родня повиснет.
Соседи прибегут сюда.

Начнётся пир тогда горою,
Расспросы, радость, смех и плач.
Я чувства радости не скрою.
Ты станешь красной, как кумач.

Любимая, где та дорога,
Что шла, как будто без конца.
Всё удаляясь от порога...
И от тебя... И от крыльца.

Но всё... Войны стихают залпы.
Домой свой начинаю путь.
За тыщи вёрст мне его запах...
Я знаю, что меня там ждут.

Как быть?

Всё хорошо. Всё блеск и лоск.
Но вот тревожится мой мозг.
Он расплавляется, как воск.
И вот уже фасад не броск.

В душе моей рубцы от розг
Незаживающе свербят.
А те, кого уж нет, ребята
С укором на меня глядят.

Я жив... И я пришёл с войны...
Не слышал долго тишины.
Не слышал долго пенья птиц,
Суровых много видел лиц.

Истерзана войной душа.
Войны законы так страшны,
Её законы всё крушат,
Врагов страданья не слышны.

Не слышишь их и свою боль
Не выставляешь напоказ.
Все раны, шрамы... Без прикрас
Ты выполняешь свой приказ.

Да, я, солдат, пришёл домой.
Но что мне делать с тишиной,
Когда тревожится так мозг.
Вокруг – как будто блеск и лоск.

А где-то – взрывы, свист и вой.
Я не могу... Я сам не свой,
Я жив... Как с этим быть?
Теперь с войной мне так и жить.

Сестре

Взметнулось пламя
у костра...
Я напишу тебе,
сестра.
Как речка Бирюса
быстра,
Что здесь природа
не пестра,
Что здесь дремучие
леса,
И трав не трогала
Коса.
Стеной – ромашек
полоса,
Здесь солнце, утро
и роса.
Здесь день – жара,
Прохлада – ночь.
Всё напишу тебе,
сестра.
Сию сейчас я
у костра
И на его огонь
смотрю –
С тобой как будто
говорю.
Я обещал, что
подарю,
Нет, не волшебную зарю,
А пару туфель –
красный цвет,
Мечту твоих далёких
лет.
Я не забыл о том,
сестра.
Взметнулось пламя
у костра.
Сейчас, как никогда,
остра
С тобою встреча мне,
сестра,

Необходим так
разговор,
Чтоб подарить дыханье
гор.
Движенье пламени
костра...
Вновь в детстве я с тобой,
сестра.
Вновь вижу дом наш
и крыльцо,
Твою шинель,
твоё лицо,
Глаза, что радостью
полны
И счастьем, что
нет войны.
Об этом напишу,
сестра...
Взметнулось пламя
у костра...

Виолетта Зимницкая

*Студентка Юридического института СФУ.
Родилась 3 декабря 1999 года в Красноярске.
Училась в гимназии №8 и средней школе №3,
которую окончила с золотой медалью.
Молодая российская писательница и поэтесса.*

Моей маме

Мамочка моя родная!
С Днём рождения тебя!
Я желаю, чтобы счастьем
Жизнь полна была твоя!

Ты прости: плохую дочкой
Я бывала иногда.
Мне сейчас ужасно стыдно,
Что не слушала тебя.

Что не делала, как просишь,
Уходила, хлопнув дверью,
А потом, включая гордость,
У друзей жила неделю.

Что не слушала советы
И перечила во всём...
Мама, я была ребёнком,
А ребёнку можно всё.

Но теперь я повзрослела,
Разобралась, что к чему.
И поэтому краснею
Я за каждую вину.

Знаю: сердце золотое
У тебя живёт в груди.
Доброе, своё, родное,
Может всё оно простить...

Живым и мёртвым

Они прошли весь Берлин,
Блокаду сняли с Ленинграда,
Сражались на Курской дуге,
Отбивали под Сталинградом.

Они пошли «Багратионом»,
Сорвали вражеский «Тайфун».
И были не только на фронте,
Но были ещё и в тылу.

В Сибири, на Урале, на заводах
Они стояли долгие часы,
Они в лесах ходили целым взводом,
И немцы к ним боялись подойти.

И, в лагерях немецких умирая,
Своё достоинство на жизнь не променяли
И, когда Шиллер предлагал,
Как Соколов Андрей, молчали.

Теперь вас, ветеранов, стало мало,
И скоро не останется совсем...
Но со смертью не исчезнет слава,
Не забудется Подвиг советских людей!

Спасибо вам за наше небо,
Безопасное и голубое!
Спасибо вам за то, что вы
Птицу мира сберегли!
Угнетённым улыбку свою подарили!

Спасибо вам, что вы живёте,
Что правду страшных лет несёте
Поколениям молодым
И пугаете войной,
Великой роковой бедой!

Великому русскому поэту

Я родилась спустя два века
После Вашего рожденья.
В другой стране, в другое время
Мне нести поэта бремя.

Стать, как Вы, а, может, даже лучше,
Правду горстями бросать,
Лунный свет проливать на души
И сердца людей смягчать.

Нужно многому мне научиться –
Формам, размерам, стихам;
Дорогой Вашей не влачиться:
Каждый уникален сам!

Порой хочу спросить совета
У Вас, мой идол и кумир!
И будто мне нарочно снится,
Что вместе в Болдино творим...

О весне

Весна – чудесная пора!
Кругом цветут сирени –
Я сладким воздухом пьяна,
Летящим из аллеи.

Весна – прелестная пора!
Своей красой чарует:
Цветы, деревья и трава –
Чем дальше – больше будет!

Весна – любовная пора!
Она рождает чувства:
Весна пленяет нам сердца,
Мы – часть её искусства!

Сильный пол?

В интернете ругается матом
И считает, что он крутой.
Говорит, не хочет быть солдатом:
Его удел, увы, другой!

Читает рэп, имеет свой канал,
Где гундосно напевает.
Он место ищет! Кто же не искал?
«Сильный пол» Земля рождает!

Он окончил школу еле-еле,
Поступил куда-то платно.
И теперь сидит у них на шее,
У «горбатых» папы с мамой.

«Грузчиком? Там ведь целый день пахать!
И унижаться не хочу...
А если телефоны продавать?
Да и мобильник я куплю!»

Жена идёт на чёрную работу,
А у него – домашний магазин!
Жена идёт туда на всю субботу,
А он ещё носки купить просил...

Вера Казанцева

*Гл. библиотекарь НБ СФУ, канд. филос. наук, доцент,
Почетный работник высшего профессионально
образования РФ.*

*Интересы: путешествия, информационная культура,
будущее библиотек.*

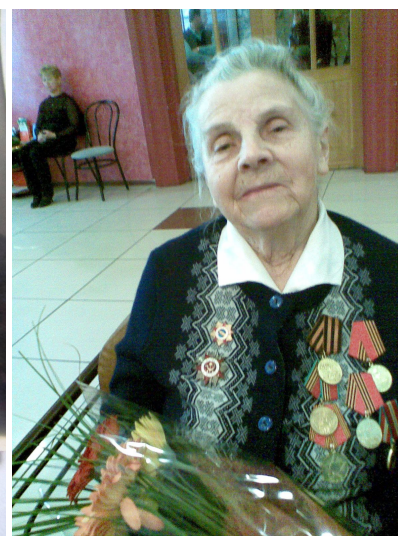

Библиотекарь Смагина

Моя мама, Дарья Севастьяновна Смагина, родилась 1 апреля 1923г. В армию была призвана в октябре 1941 года. Служила санитаркой в военно-санитарном поезде № 152, который был сформирован в Красноярске и вывозил раненых бойцов с фронта и прифронтовой полосы. Сколько тяжелых лет выпало на долю этой худенькой маленькой девушки! Особенно тяжело было, когда забирали и грузили раненых бойцов в вагоны. Их стоны и крики долго не забывались...

Дарья Смагина (слева) с сестрой Анной

*Дарья Севастьяновна
Смагина*

Увозили бойцов в тыловые госпитали, не отдыхая, готовились в следующую поездку. Всю страну мама проехала в санитарном поезде, а потом были Польша, Румыния, Германия и другие страны.

День Победы она встретила в Германии во Франкфурте-на-Майне. Это были самые счастливые дни для нашей страны и жителей освобожденных от фашистов стран.

Мама имеет заслуженные награды участника войны. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями Жукова, «За победу над Германией» и юбилейными медалями.

Демобилизована в мае 1945 г.

В октябре 1946 года Смагина пришла на работу в Республиканскую (тогда областную) библиотеку им. Доможакова в городе Абакане и проработала старшим библиотекарем 32 года до выхода на пенсию. За добросовестный труд многократно была награждена дипломами, грамотами.

Имя Дарьи Севастьяновны Смагиной занесено в Книгу Почета областного отдела культуры Хакасии.

Санитарный поезд

Стучали колеса —
Случилась беда.
Стучали колеса —
Пришла война.

Война. Короткое,
Страшное слово.
Уничтожает оно
Всё родное!

Обрушилось в души
Парней и девчат.
И шли они, шли
Все в военкомат.

Сражались и гибли,
и ранены были.
Сестрички из боя
солдат выносили...

Спасали сестрички.
Грузили в вагоны,
И шли эшелоны,
Сан эшелоны.

Их раны лечили,
мыли, кормили,
письма писали,
выжить просили...

Стирали бинты,
Порой утешали,
слёзы прощали,
глаза закрывали...

Крался санпоезд
Во тьме от врага.
Дорогу давали
Ему поезда.

Быстрее, быстрее –
Стучали колеса.

Спасите парнишек,
Спасите солдат,
Что выжили в страшной
Войне и назад
Готовы отправиться
Вновь воевать.

Страну и родных
От врага защищать!

Оксана Кайзер

Специалист по документационному обеспечению кафедры Машиностроения Политехнического института СФУ.

Солдаты своей страны

Парад Победы – это, наверное, остаётся одним из ярких воспоминаний детства для каждого ребёнка, рождённого в огромной многонациональной Стране – Союзе Советских Социалистических Республик (СССР).

К тому времени, когда я подросла, в строю ветеранов Великой Отечественной уже не было моего деда – Кравченко Карпа Александровича. Но все дети в нашей семье знали, что дедушка воевал на русско-японском фронте в звании старшины, а в выдвижном ящике комода лежала его медаль «За Отвагу» и другие награды.

*Карп Александрович
Кравченко (10.10.1908 – 05.08.1982)*

Старшие родственники рассказывали, что когда его спрашивали о боевых действиях, он отвечал серьезно и сухо: «На войне, как на войне...». Хотя, одна житейская история из его солдатской жизни до меня все же дошла. Дело было в Маньчжурии.

Наряду с советскими бойцами делили все военные тяготы и китайские союзники. В боевых условиях, при минимальной

медицинской помощи, дед заболел, да так, что отказался от пищи полностью. Китайский солдат пообещал старшину вылечить. Принеся однажды деду куски странно выглядевшего мяса, попросил это съесть. А когда здоровье пошло на поправку, китаец спросил, понравилось ли ему еда, ведь это была змея... «Вкусно» – сказал дед.

Так случилось в судьбе моего деда, при жизни и после смерти, что тесно переплелись история и география двух стран – Японии и России:

Выживший в боях, вернувшийся к мирной жизни, воспитавший пятерых детей (один из которых – мой папа Алексей), умерший от старости на 74-м году жизни, он был захоронен на единственном черногорском кладбище, на том же, где неподалёку располагалось массовое захоронение японских военнопленных. Возможно, что среди них были и те, кто встречался с ним в смертельной схватке в годы Великой Отечественной, за тысячи километров от того места, где обрели они вечный покой.

В 1945 году, в результате Победы над Квантунской армией, русскими войсками были перемещены сотни тысяч военнопленных в лагеря на территорию СССР.

В городе Черногорске находились первое и второе отделение лагеря № 33 (другие отделения базировались в Усть-Абаканском, Орджоникидзевском и Ширинском районах). Всего же в период с 1945 г. по 1947 г. в Хакасию было направлено 20000 солдат и офицеров бывшей японской армии, которые работали в сельском хозяйстве республики, на предприятиях промышленности и строительства.

Пленные японцы

Тяжёлый труд и бытовые условия, а особенно непривычный суровый климат Сибири приводил к высокой смертности. За два года

существования лагеря на черноморском кладбище захоронено 285 граждан Японии.

Каждый раз, приходя в родительский день почтить память своего предка, мы аккуратно проходили между одинаковыми серыми бетонными рамками, рядами лежащих на земле. В детстве я спросила взрослых об этих странных могилах без имени и даже номера. После ответа для меня стало ясным, почему у этих захоронений никогда не бывает цветов.

Возможно, от радости, от того, что мой дед не погиб от руки одного из лежащих здесь, а ещё и от того, что со второй стороны моей родословной вся семья репрессирована по национальному признаку (и никто не знает, где могила моего прадеда), я воткнула два бумажных цветочка в ту часть рамки, которая заросла травой. Как мне хотелось думать, этот поступок не оскорбит памяти моего деда. Ведь люди, проигравшие в войне, пленённые и умершие на чужбине, были, по моим детским ощущениям, несчастными. Все они – и победившие, и потерпевшие поражение – Солдаты своей страны, только Родина у каждого своя.

В 2001 году правительство страны восходящего солнца установило в Черноморске мраморный памятник своим соотечественникам. Останки японских военнопленных после эксгумации были кремированы, урны с прахом отправлены в Японию. После этих событий моего деда с японскими солдатами стала связывать только история, а география у них сейчас разная...

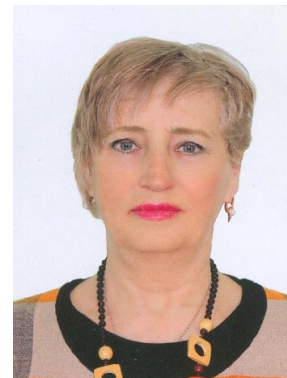
Есть в городе Черноморске площадь воинов-победителей – Арка Славы. Мемориал, где выгравированы 2694 фамилии тех, кто с победой вернулся с фронтов Великой Отечественной Войны, в том числе и имя моего деда – Карпа Александровича Кравченко!

Арка Славы в городе Черноморске

Галина Кожухова-Червова

Красноярская поэтесса. Писать стихи начала с 12 лет, но долгое время писала их «в стол». С 2015 г. издала сборники стихов «Живите, люди, на Земле», «Наклонюсь над родником» и книгу «На Алтае между гор...». Печаталась также в альманахах ЛИТО «Светогор», «Поэт года» и в антологии русской поэзии 2018 г.

Без преувеличения, её можно назвать певицей родного края. Сочинения, посвященные малой и большой Родине, уникальной сибирской и алтайской природе, главенствуют в творчестве.

Песни о России

Родники лесные, выбиваясь к свету,
Наполняют поймы, реки и моря.
Песни о России, о России светлой
В родниках тех сильных, чистых, как заря.

Заплетает ветер золотые косы
На полях России, на ржанных полях.
В предрассветном свете, испивая росы,
Набирает силу русская земля.

Разливает солнце золотое пламя,
Согревая светом и своим лучом.
Развевает ветер триколора знамя,
Нас соединяя всех к плечу плечо.

Ты и я, и все мы, – дети мы России,
Необъятной, вечной и святой Руси.
Нет земли родней нам, с небосводом синим,
С родниковой песней, хоть кого спроси.

Цветастый русский сарафан

Остановитесь на мгновение.
Звенит ручей в лесной глуши –
Ведь это Божие творенье
И благодать Его души.

Замрите вы перед берёзой,
На миг дыханье затаив,
На нежных листьях – Божьи слёзы,
Там отраженья ваши в них.

Вы по-над речкой не спешите.
И, сбросив туфли все в пыли,
Босые ноги опустите
Вы в воды Матушки Земли.

Вы взгляд, стремительный в суетах,
Остановите на волнах.
Ведь перед вами вся Планета!
Она и в прозе и стихах.

Она в листочках и в травинках,
Она и в небе голубом.
Она осенней паутинкой
Блестит на солнце золотом.

И в вашем сердце неуёмном
Она – бездонный океан
Любви безбрежной и огромной –
Цветастый русский сарафан!

Осенний вальс

Кружатся, кружатся, кружатся бешено листья.
Осень рисует оттенки дождя и ветров.
Весело машет по небу она своей кистью
И будоражит собою моё всё нутро.

Мне и печально и радостно в том листопаде.
Время бежит, мне за ним всё никак не успеть.
Я, как и осень, уже теперь в новом наряде –
Начали пряди седые в причёске блестеть.

Бегают листья по тропам поникшего сада,
Ищут приюта в канавках и между корней,
Но не уйти от сурового осени взгляда
И не вернуть своих радостных солнечных дней.

Я не грущу, меня радует осень золотая.
Бабьего лета деньки мне продлят бабьей век.
Годы мои, будто птички, уносятся стаей
В дальние дали, куда мне дороги уж нет.

Я не грущу, меня радует вальс листопада.
Вздых их последний, но как жизнерадостен он!
Осень, гуляя по тропам осеннего сада,
Каждой берёзкой мне делает низкий поклон.

Кружатся в вальсе последнем опавшие листья.
Вальс листопада чуть – чуточку сводит с ума.
Я наблюдаю за ними без капельки грусти
И начинаю вальсировать с ними сама.

Хоть повидать – что за село

Давно скучаю, сердце рвётся
Туда, где мамка родила.
Село, дорога пылью вьётся –
Я там совсем и не жила.

Но с каждым годом всё сильнее
Меня влечёт родимый край.
Должно быть, небо там синее И
звонче гомон птичьих стай.

Вода вкуснее из колодца,
Булыжник мягче под ногой.
Давно уж сердце моё рвётся
Туда, где путь был начат мой.

Туда, где лёгкие открылись,
Где первый воздуха глоток.
Где всё во мне соединилось –
Юг, север, запад и восток,

Земля и небо, дождь и ветер,
Энергий жизненных поток,
Ночь звёздная и день, и вечер, –
Судьбы моей где был исток.

Оттуда все мои тропинки,
Дороги все мои, пути.
В огромном мире я – песчинка,
И нелегко порой идти.

Во всей житейской круговерти
Я от истока вдаль ушла.
И за всю жизнь свою, поверьте,
Не посетила я села.

Там нет родни, там нет подружек,
Кто был бы рад мне там всегда,
С кем поделила бы я ужин:
Что ж было ехать мне туда?

Но сердце мается, томится –
Хоть повидать – что за село,
Где суждено было родиться,
Где материнское тепло.

Позови меня, слышишь, любовь

Моё сердце мечтает о счастье.
Моё тело так хочет любви.
Кровь вскипает от жгучей страсти.
Я приду – ты меня позови.

День за днём улетают годы:
Умирает, рождается вновь
Вокруг нас с тобою природа...
Позови меня, слышишь, Любовь!

Я пойду за тобою в омут,
Я пойду за тобою в рай.
Не отдам никому другому.
Но и ты меня не отдай.

Я с тобою остаток жизни,
Сколько Боже ссудил мне лет,
Пролечу на крылах до тризны,
Как во тьме солнца яркий свет.

Каждой клеткой своей я кожи,
Обожжённой твоим огнём,
Обнаружу, что нет дороже
Твоих роз и твоих шипов.

И прольются дожди на рощи,
Забагрится закат, как кровь:
Ты, в тоске заплутавшую ночью,
Призови к себе, слышишь, любовь.

Новый день

Там, где пташка, словно точка, –
Разглядеть её нельзя.
Там, где речка – два глоточка –
Даже в пригоршню не взять.
Там, где воздух жидким студнем
Меж оврагов и лугов,
Утро матовою грудью
Рассекло ночной покров.

Молоко течёт, струится
По лесам и полям.
И не может не напиться
Пробуждённая Земля.
Льёт Заря свой свет лучистый,
Рассыпая росы – звень,
Стелет яркие батисты
У подножья деревень.

Бриллиантовою нитью
Сеть сплетают пауки.
Ива, плачущая, листья
Свои плещет у реки.
Умывается молочной
Зорькой сонная Земля.
В хоровод пошли цветочки,

Завздыхали тополя.
Орошённые зарёю,
Укорачивают тень, –
Солнце всплыло над Землёю.
Наступает новый день!

Кандалные цепи звенят, не смолкая, –
Идут каторжане, лодыжки стерев.
Над ними тайга вековая смыкает
Свой купол зелёных и хвойных деревьев.

Воры, душегубы, политики – все тут.
Деяния разные – цепи одни!
Кто молится тихо, а кто-то беседу
Слагает о том, что утрачены дни.

Кто прячет в лохмотиях крошки от хлеба,
Кто делит с соседом последний сухарь.
Все с разными судьбами, но перед небом
Едины они, как у церкви Алтарь.

И тракт бесконечный, печальный, острожный,
Утопанный босой и сбитой ногой,
Среди глухомани сибирской таёжной,
Как цепью, сковал их одною судьбой.

Пожизненно всем. Рудники им, да копи.
А значит, могилку никто не найдёт.
Кого не загубят бездонные топи,
С киркою в руках тот в шурфах пропадёт.

Сокроет тайга все мытарства и беды,
А так же бесчинства держащих надзор...
И наши безвинные были там деды,
Реабилитируемые до сих пор.

Людмила Конева

*Выпускница Гуманитарного института СФУ.
Сотрудник Научной библиотеки СФУ.*

Непридуманная жизнь⁴

*Любимой маме Валентине
и всем детям войны посвящается*

Сибирская зима. Темнеет рано. В окна бьёт свет уличного фонаря, ярко-желтый, неприятный. В квартире на втором этаже кирпичной шестнадцатизажки, на кухне, за столом сидит старушка в цветастом флисовом халате, седая и морщинистая и, позвякивая ложкой, помещивает в кружке чай. Большой чёрный кот, деловито обнюхав старушкины тапки, заскакивает к ней на колени и начинает уминать спальное место. Но на плите начинают шкварчать, поджариваясь, котлеты и старушка, согнав недовольно мякнувшего кота, встаёт. Как же тяжелы стали эти три шага от стола до плиты...

В комнате звонит телефон. Это дочь – больше никому – звонит, скорее всего, сказать, что снова потащила по магазинам. Отложив лопатку, старушка спешит ответить на вызов, поднеся аппарат поближе к глазам, жмёт на кнопку, но тот продолжает звонить. Она снова давит на одну кнопку, потом на другую... Звонок прекращается, но абонента не слышно. Ещё какое-то время старушка возится с непослушной техникой, пытаясь перезвонить, но ничего не выходит, экранчик совсем перестает светиться... А ведь придёт дочка, плюхнет сумки на пол и будет ругаться на то, что мать снова трубку не берёт...

Ох уж эти современные телефоны – академию надо закончить, чтобы ими пользоваться! И кнопочки малюсенькие. А ведь есть вообще без кнопок. Старушка расстроено глядит на ставший бесполезным аппарат, вздыхает и кладёт его на стол. Вот раньше

⁴ Написано по воспоминаниям В.С.Коновой (1940-2020 гг.). Люди и события, упомянутые в рассказе, реальны.

были телефоны! Большие, понятные: берёшь трубку, крутишь диск, по которому захочешь – не промахнешься. Раньше...

Что-то слишком часто она вспоминает это «раньше»... Телефоны – раньше, машины – раньше, люди – раньше, жизнь – раньше...

А недавно приснился Василий. Муж. Вот уже больше пятнадцати лет, как его схоронили. Вроде, во дворе домика они старого, что снесли четыре года назад, он – молодой – во флотском, в бескозырке набекрень, стоит и рукой ей машет: «Пошли, что ль, Валюха!». Муж покойный снился ей не раз, но чтоб с собой звал – никогда. Нехороший сон, не к добру. Надо было рассказать дочке...

Старушка переворачивает котлеты, перемешивает греющееся в кастрюльке пюре. Вдруг начинает покалывать сердце. Опираясь на столешницу, она делает глубокий вдох, еще один: «Не стану таблетки пить!» – думает, вспоминая с отвращением, сколько уже этой химии заталкивает в себя три раза в день. Постояв немного, накидывает на плечи пуховый платок и выходит на балкон – подышать. Большой чёрный котик, сунувшийся было следом, почуяв холод, нерешительно топчется на пороге и через мгновение убегает в комнату. А старушка приоткрывает створку и вдыхает колючий морозный воздух глубокими глотками раз за разом, чувствуя, как сердце «отпускает». Проклятое сердце. До семидесяти лет она не знала, что оно есть и где находится, и вот сейчас... Хотя чему удивляться: её мать была сердечницей и бабушка тоже.

Бабушку Валентина помнила плохо – слишком маленькой была, когда той не стало. Единственное воспоминание того времени – самое раннее и самое страшное в жизни. Она, ребёнок, сидела в жестяном корыте рядом с печью, ерзала и пыталась увернуться от горячих и жёстких бабушкиных рук, вооружённых колючей вехоткой. В комнате было жарко натоплено, от воды шёл пар и летела мыльная пена, забиваясь в глаза и нос девочки. Она фыркала, брыкалась, и все было совершенно так же, как и много раз до этого. Но вдруг произошло нечто невиданное: бабушка, согнувшись пополам, вскрикнула, прижимая руки к груди, отшатнулась от корыта, поскользнувшись, ударилась о печку и упала, опрокинув ведро, которое с грохотом покатилося к порогу. Круглыми от непонимания и ужаса глазами маленькая Валя глядела, как бабушка корчилась на полу и хрипела, тщетно пытаясь сделать вдох. Этот жуткий полусип-полухрип после не смолкал в голове Валентины долгие годы.

На шум сбежались дед, мамка, еще кто-то... Потом были похороны. Вокруг толклось много людей знакомых и незнакомых. Плач, причитания, звон колокола... А она, ничего не понимающая,

стояла в толпе, вдыхая колючий воздух, и думала лишь о том, как сильно озябла и когда, наконец, можно будет вернуться туда, где тепло.

Шел 1944 год.

Старушка чувствует, как от мороза начинает щипать нос и кончики пальцев: сибирская зима – это не шутки. Она уходит с промёрзшего балкона, доливает горячего в кружку и, сняв с конфорки кастрюльку со вкусно пахнущим жареным луком пюре, садится за стол. Болят колени и поясница. Но только, если двигаться. А, если сидеть – вроде, и ничего... «Глотну вот ещё горяченького...».

Её детские годы, война и то, что после, все сильнее стираются из памяти. Они – в большинстве своем уже лишь обрывки воспоминаний, картинки событий, принесших сильнейшие эмоциональные переживания. Такие отпечатываются в сердце на всю жизнь и, чаще всего, причиняют боль. И бабушка не знает, что лучше: помнить или, всё-таки, совсем забыть...

После смерти бабушки они с мамой из дедова дома съехали в небольшую квартирку на третьем этаже дома на другом конце города. За день до отъезда Валентина, играя во дворе, слышала, как в доме ругались: кричала, обвиняя, тетя Мила (Неонила), младшая из трёх сестер Горшковых, ей немного тише вторила средняя – тётя Лёля (Елена), мама, старшая, защищаясь, перекрикивала обеих. Иногда в этот хор примешивался низкий хриплый голос дедушки. Маленькой Вале стало неуютно и страшно и она, вцепившись в тряпичную, сшитую ещё бабушкой куклу, побежала со двор прочь. Слышала напоследок: «Упёртая ты, Шурка, как баран! Только о себе думаешь!» – «Станешь матерью – поймешь!». Вечером Шурка (Александра) нашла дочку у соседского забора, сидящей в обнимку с чёрной бродячей псиной. А наутро они переехали.

Валентина помнила, как однажды увидела на полу фотографию, видимо, выпавшую из комода. На ней была мама и незнакомый дядя с мальчиком на руках. На вопрос, кто это, мамка лишь всхлипнула и, отобрав фото, буркнула: «Потом...». И лишь через несколько месяцев, когда дочка уже успела позабыть и о фото, и о людях на нём, мать, после скудного ужина, посадив её себе на колени, достала чёрно-белое изображение: «Это папка твой, Сергей, и братик...». «Папка!» – выдохнула девочка. У неё есть папка и братик! До старости Валентина помнила ту, захлестнувшую её, радость и с нею враз – щиплющее глаза слезами горе. На вопрос, где же они и почему не приходят, мать заплакала и, прижав дочурку к себе, прошептала: «Нету их...». Рассказала после, братик Толенька умер за год до рождения сестрёнки. Сидел на сундуке, играл с деревянной, вырезанной ещё дедом,

лошадкой, вдруг упал и не поднялся. А отец ушел на фронт. Летом ушел, в 41-м, а зимой пришло уведомление, что рядовой Андреев Сергей Иванович пропал без вести в боях под Полтавой. Это было почти то же, что и «погиб» Но они ждали.

Валентина помнила голодовку. Мать целыми днями пропадала на работе, приносила домой сыворотку. По утрам, уходя на работу, мамка отправляла её за хлебом. Отстояв несколько часов в очереди, девочка получала по карточке небольшую чёрную буханку, тяжёлую, клейкую и горьковатую. Но какую же вкусную! Продрасться сквозь толпящихся у машины людей было непросто: все лезли вперед, толкались – и, выбираясь раз за разом из такой давки, Валюшка обнаруживала в руках вместо буханки изломанные куски, которые падали на землю и, чтобы не нести домой грязные, она отправляла их в рот. Винолась вечером перед матерью. Но та, вздыхая, лишь гладила дочку по голове, брала оставшееся от буханки, складывала в мешочек и наутро давала ей же с настоящим вишнёвых или яблочных веток.

А так хотелось настоящих яблок! Однажды, в побегушках с такими же, как она, тощими и вечно голодными сорванцами, Валю занесло на базар. Пахло там невероятно, просто сказочно! Не сразу осознав, что делает, девочка схватила с первого попавшегося лотка большое жёлто-красное яблоко и со всех ног припустила прочь. Споткнувшись через пару шагов, она сжалась от ужаса – сейчас схватят! – и, падая носом в пыль, думала о том только, как бы не раздавить яблоко. Её схватили. Рывком поставили на ноги. «Куда летишь? Убьёшься! – старик с морщинистым, как кора векового дерева, лицом, обрамленным серо-пегой бородой, вертел девчонку, стряхивая с заношенной до дыр куртёшки дорожную пыль. – Ну, чего с тобой делать-то?». Валя затравлено озиралась, не пытаясь вырваться, только судорожно сжимала в ручонках – о, чудо! – неповреждённое яблоко. Подошедшая тем временем торговка, лишь взглянув на воришку, вздохнула и махнула рукой: «Ешь, дитятко...». Не сразу поверив, что её отпустили, девочка, не замечая боли в разбитой коленке, быстро пошла прочь. Оглядывалась ежеминутно – не передумали ли – но видела, что дед ушёл, а женщина так и глядит ей вслед, прижимая к глазам платок.

Стараясь не попадаться людям на глаза, по кустам и подворотням Валя добралась до дома. Там только решила попробовать на вкус свой трофей. Яблоко было сочным, сладким, с кислинкой и невероятно ароматным. Девочка откусывала от него небольшие кусочки, долго разжёвывала, стараясь не уронить ни одной капельки сока. И вдруг остановилась. От фрукта оставалось чуть меньше половины. Немного подумав, она откусила ещё один маленький кусочек и оставшееся,

завернув в кусок найденной в комодке газеты, сунула под подушку – для мамы.

Но вечером мама с работы не вернулась.

На столе стоит стеклянная ваза. В ней яблоки, апельсины, киви... Старушка, отхлёбывая чай, смотрит на фрукты и думает, что нисколько они не вкусней того яблока, ворованного.

Вдруг на улице, где-то недалеко, взывает сирена. Полиция или «скорая». Старушка вздрагивает, вспомнив, как пару лет назад её везли под звуки такой же сирены. В больницу везли с инфарктом... Кот, выскочив из комнаты, запрыгивает на подоконник рядом с балконной дверью и настороженно замирает, прислушиваясь. Следом за ним на кухню выбегает кошка, за ней еще одна и еще: две мохнатые, одна гладкая – все чёрные, как и кот. Это его семейство: подруга и две дочери. Проснулись, видимо, из-за сирены и идут узнать, всё ли в порядке. Звук, резкий и противный, быстро нарастает и так же быстро затихает вдалеке. Ещё немного постояв на страже, кот спрыгивает и подходит к подруге – она мохнатая и маленькая, вдвое меньше него – обнюхивает и, сообщив на своём, кошачьем, что всё нормально, растягивается на ковре. Остальные забавно-деловито рассаживаются рядом: кто лапу моет, кто корм из миски грызёт.

Сирены всегда пугают старушку, ибо ничего хорошего не предвещают. Но она глядит на дружное кошачье семейство и успокаивается...

На улице уже стемнело, а Валентина всё ждала. Так, незаметно для себя, и уснула, свернувшись калачиком на маминой кровати. Проснулась она только наутро от звука хлопнувшей двери. «Мам!» – подскочила, спросонок протирая глаза, полезла с кровати. Но в комнату вошёл дедушка: «Ну, проснулась? Собирайся, с нами поедешь» – и, поставив посреди комнаты старый мамин чемодан, вышел. Ничего не понимая, девочка пошла следом за дедом. По квартире уже бегала, собирая вещи, мамина сестра, средняя из них троих, тётя Лёля. «А чего вы тут? А где мама?» – спрашивала Валя, уже намереваясь испугаться. А дедушка тем временем, вытащив из кладовки ещё один чемодан, выкладывал туда из комода какие-то бумаги. Потом быстрым шагом вышла из кухни тётя Лёля, таща большой рыжий рюкзак, набитый чем-то, плюхнула ношу на пол и скомандовала: «Ну-ка идём одеваться».

Во дворе, запряжённая старой гнедой лошадёнкой, стояла такая же старая телега. Покидав туда нехитрые пожитки, дед вернулся в квартиру, подхватил на руки уже одетую и поверх всего замотанную в мамину шаль Валентину, и телега, скрипя всеми четырьмя колёсами,

медленно откатилась от подъезда. И вдруг девочка вспомнила: «Яблоко! Забыли яблоко...» – и первый раз в жизни разревелась.

На вопрос, почему не возвращается мама, Валентине отвечали, мол, по делам уехала. Лишь гораздо позже сама Александра рассказала дочке, что тогда произошло. Она подрабатывала – возила хлеб из пекарни, что была недалеко за городом, до пункта выдачи. И однажды на дороге, пролегавшей между огородами, огибая размытую дождями ямину, наехала на мину. Прогревшим взрывом убило лошадь, разворотило телегу, хлебные буханки раскидало на десятки шагов вокруг, женщину отбросило в ту самую ямину, которую она объезжала... Пока Александра, пытаясь прийти в себя, выбиралась, люди, копошившиеся до этого на огородах, подбежав, хлеб, конечно же расхватили – собирать было нечего. Милиционеры на взрыв прикатили очень оперативно. Разбираться особо не стали: телега казённая, лошадь тоже, ну, и хлеб – всё пропало. Виноват кто? Тот, то есть, та, что везла. Женщину посадили по обвинению в халатности, порче и разбазаривании государственного имущества. Да не как-нибудь, а на пять лет закрыли. По нелепому, абсурдному в той ситуации обвинению. Будто могла она наперёд знать, что там мина... Приговор, правда, немного смягчили: «С возможностью досрочного освобождения».

А потом завертелось. Валентина плохо помнила этот период. Помнила, что у деда в доме они все прожили недолго. Через пару месяцев после заключения матери вся оставшаяся семья – дедушка, Лёля, Мила и маленькая Валя – снялась с места и уехала. И больше в родной город, Астрахань, никто из них не возвращался.

Шел 1946 год.

Плакать старушка не умеет. Считает это бессмысленным и бесполезным. Плакала за всю жизнь пару раз, наверное. Склад характера такой, видимо, стойкий. А, может, как говорят некоторые, чёрствый. Но она не считает себя чёрствой, и ей все равно, что говорят люди. Всё равно было и раньше, а теперь и подавно.

Сняв с плиты готовые котлеты и прихватив чашку, она идёт в комнату и на шаривает пульт от телевизора. На экране верещат про мобильные тарифы, средства от диареи, какой-то новый сериал – до оскомины надоевшая реклама. Старушка щёлкает по каналам, хочет найти что-нибудь для неё интересное. «Прорва каналов, а посмотреть нечего, – часто ругается дочь. – Лучшие книжку почитай». Только вот читать с недавних пор старушке становится всё трудней: буквы кривятся и расплываются – не помогают и очки...

Наткнувшись, наконец, на передачу про устройство солнечной системы, она опускается на диван и отхлебывает чаю. Приятное

тепло разливается по телу. «Ну, где же она шляется по такому-то морозу...» – думает про дочь, которая задерживается уже часа на полтора.

Почему семья уехала из Астрахани, Валентине не объясняли ни в детстве, ни после. Лишь однажды тётя Лёля обмолвилась, что Мила вляпалась тогда в какую-то нехорошую историю. И к тому же арестовали Шуру. Потому-то, видимо, дедушка и решил, спасая дочь и репутацию, оставить город. Этот вывод Валюшка сделала уже сама много лет спустя.

Колесили они долго. Сперва Бугуруслан и Оренбург – тётя Лёля задержалась там, потом Кисловодск, Железноводск, Пятигорск. Поезда, бортовые машины, телеги. Нигде не жили дольше пары месяцев. Валю, как щенка, таскали с собой и она уже начала привыкать к кочевой жизни. Задавала много раз вопрос, как мама их найдёт, когда вернётся, но не получая ответа, перестала спрашивать.

Однажды дедушке принесли большой конверт с печатью, они с Милой заперлись в комнате и долго что-то обсуждали. А через день семья снова собирала чемоданы. На этот раз укатили неожиданно далеко – в Кишинев, а оттуда в Надушиту. Оказалось, деду написал его старый институтский приятель, осевший там после войны.

В первый класс Валентина пошла в маленьком молдавском селе, где мало кто говорил по-русски. Школа тоже была маленькая, организованная в помещении бывшей конюшни, кое-как залатанном и накрытом соломенной крышей, снабжённом грубо сколоченными скамьями и столами, кое-как отопляемом очагом, сложенным из кизячных кирпичей. Из освещения там были две керосиновые лампы: одна стояла на учительском столе, другая была подвешена под потолком. Из учеников – Валя и ещё с десятков разновозрастных ребятишек, которых родители отпускали в школу с большой неохотой. Конечно, кто ж тогда будет дома гусей пасти или приглядывать за маленькими сестрёнками-братишками. После войны мужчин в деревне было мало, их работу делали женщины и старшие дети, всю мелкую и лёгкую перекладывая на младших. Учителей в школе было трое: арифметики, чтения и чистописания и русского языка. Валюшка училась плохо: чтение и арифметику ещё худо-бедно осиливала, а вот чистописание... Тяжело было ребёнку: дома говорили на одном языке, на улице – на другом. Даже на нескольких: молдавском, украинском, гагаузском. Вот и получалось: как слышу, так и пишу. Первый класс она окончила с одними тройками.

А потом заболел дедушка. Лежал, ничего не ел, принимал какие-то микстуры. Валентина, как могла, ухаживала за ним, потому что тётя Мила дома почти не появлялась, а потом и вовсе укатила в Кишинев,

устраивать личную жизнь. Немного оправившись, дедушка снова засобирался. Валя, уже ничего не спрашивая, приготовилась ехать. Но деревенский староста, прознав, куда едет Горшков, вмешался, отговорив того тащить ребенка за тридевять земель, срывая с середины учёбы. Дед упрямылся, ходил звонить куда-то, но, в конце концов, согласился оставить внуку на попечение семьи старосты хотя бы до окончания учебного года. К слову, семья старосты была небольшая и, как все семьи в то время, бедная. Двое сыновей его погибли на фронте, остались невестки с внучатами. И староста с женой, наверное, решили: одним ртом меньше, одним больше... После Валя всегда с теплотой вспоминала ту семью. Им и самим было несладко: ели пустую заму, плаинды, не жареные даже, а подсушенные без масла на печке, в несколько рядов латали одежду, однако чужого ребёнка приютить не побоялись.

Дед уехал к своим сестрам. И, правда, за тридевять земель – куда-то в Грузию. Так там и остался. А через три года Мила ездила его хоронить...

Недели проходили за неделями, Валя упрямо не желала свыкаться с тем, что рядом уже не будет папы, и мамы не будет, и дедушки тоже нет. Хотя он регулярно писал внучке, надеясь, что та уже научилась читать, а, если нет, то письмо ей кто-нибудь всё равно прочтёт. И от тётки Лёли вестей не было. Изредка наезжала тётя Мила, привозила пакет конфет «Подушечек» и, как говорят, «даже не попив чаю», уезжала обратно.

Каждый вечер, кое-как справившись с домашним заданием, девочка бегала за деревенскую околицу и топталась там часами – ждала.

С местными ребятами она общалась мало, поначалу из-за незнания языка, а после... тоже не складывалось. Ростом небольшая для своих лет, белобрысая, светлоглазая и светлокожая – она была не похожа на местных и, главное, она была приезжей. В школе и на улице, порой, ее обругивали на молдавском, выкрикивали обидные прозвища. Она отвечала, иногда даже кулаками. Не боялась и тех, кто был старше и явно сильнее... Дети бывают злыми, а, живя в лихое время, ещё и жестокими... За время, проведённое в Надушите, взаимная нелюбовь местных и приезжей никуда не делась, но хорошо хотя бы и не росла.

Однажды, где-то в конце зимы, Валентина возвращалась из школы с очередной «двойкой» по русскому языку, волоча по подтаявшему снегу котомку с парой тетрадок и карандашом. Настроение было прескверное. Понуро, не глядя по сторонам, девочка шлепала по дороге и вдруг услышала за спиной: «Валя?». Остановилась, обернулась – к ней шла худая женщина в фуфайке, юбке непонятного цвета и темном платке, натянутом до бровей. Девчонка глядела на неё непонимающе,

не узнавая, и, похоже, собираясь дать дёру. Женщина прокашлялась, стащила с головы платок и подошла ближе, протягивая к ней руки: «Валюша! Валюшка, доченька!». «Мам... – наконец, узнав её, скорее, по голосу, чем по внешности, девочка, уронив котомку, бросилась к Александре. – Мама!». Та, упав на колени прямо в снег, сгребла дочку в охапку, всхлипывая, прижала к себе, гладила по голове, обнимала и не могла отпустить долго-долго, казалось, за все три минувших года. Проходившие мимо сельчане, улыбаясь, приостанавливались и тихо, чтоб не помешать, шли дальше. Наконец, Александра смогла выпустить дочь из судорожных объятий и, поправив сбившуюся шапчонку, горестно всплеснула руками: пальтишко, старое, ещё из бабушкиного детства, вылинявшее и потёртое, чулки, порванные на пятках, калоши со взрослой ноги – чистыми голубыми глазами на неё глядел маленький тощий заморыш. Женщина снова разрыдалась. «Мама, а ты не уйдешь опять?» – нахмурившись, по-взрослому серьёзно спросила Валя, сжимая обеими ручонками жесткую ладонь матери, в страхе, что та снова куда-нибудь пропадёт. «Нет, маленькая моя, не уйду. Никуда больше не уйду...»

Шел 1949 год.

На часах уже почти семь. Старушка подумывает, не выйти ли на крыльцо – встретить. Но, представив, сколько сейчас придется на себя напяливать, отказывается от этой мысли. Однако немного погодя всё же решается, натягивает рейтузы, кофту, пуховый платок, сапоги-аляски, пальто... С каждым годом переживать замес становится всё трудней. И зачем им эта замороженная Сибирь? Жили бы себе в Молдавии...

Заперев дверь, старушка идёт к лифту, но вспоминает, что дочь наказывала ходить пешком, поворачивает к ступенькам. На крыльце её, как тисками, сдавливает морозом. Отстоявшись, старушка облакачивается о перила и начинает разглядывать затянутый морозной дымкой двор, засыпанные снегом машины и соседние дома, крыши которых теряются где-то в вышине. Стоять холодно, и она, решив обойти вокруг дома, спускается с крыльца и идёт по протоптанной людьми тропинке вдоль дома и за угол. Глазам предстаёт сказочная картина: домики ещё не снесённого частного сектора, укрытые почти метровыми белыми шапками, высоченный тополь в серёжках стилой наледи, вдали темно-свинцовые воды могучей реки в клубах морозного тумана и над всем этим чистое ночное небо в россыпи ярких искристых огоньков. Старушка, улыбаясь, любит вид. Редкие прохожие, пробегая мимо, глядят на странную бабушку, что, стоя на почти сорокаградусном морозе, чему-то радуется. «Не зря приехали...» – думает она и, постояв ещё

немного, обходит дом вокруг, снова топчется какое-то время на крыльце. Её ребёнок всё не идёт и, уже порядочно подмерзнув, старушка возвращается домой: «Теперь на лифте поеду».

Как искала сбежавшую из Астрахани семью, Александра вспоминать не хотела. И дочери очень долго не рассказывала о той выматывающей эпопее под названием «найди Горшковых». О том, как, освободившись, обнаружила, что в родном доме живут чужие люди, как бегала по соседям, на работу отца и сестёр, в горсовет и милицию, чтобы узнать, куда девалась семья. Как ночевала на вокзале потому, что новые хозяева не захотели пускать в дом бывшую заключённую. Потом, узнав, пошла по следу. Сестра Лёля все также жила в Оренбурге, но тоже не знала, куда после Кисловодска отправились родные и, передохнув, Александра отправилась дальше. Бухгалтер-ревизор по образованию, она не чуралась никакой работы: прачкой, уборщицей, посудомойкой – бралась за любую работу, чтобы заработать хоть немного денег и иметь возможность отправиться в очередной город, по очередному адресу... Даже приехав в Надушиту, она не была уверена, что не придётся снова куда-то ехать. И только увидев дочку, поняла, что всё. Закончилось. Добралась.

Когда мама вернулась, жизнь начала налаживаться, казалось, тех страшных одиноких полуголодных лет и не было вовсе. Они вдвоем жили в доме старосты, помогая его семье, чем могли. Валя окончила третий класс, правда, снова с одними тройками. Летом они, попрощавшись с радушной семьей, переехали в Дрокию. Там работал сахарный завод, и Александру взяли туда бухгалтером, дали комнату в доме, где уже жили две семьи приезжих, как и они, сотрудников завода. А когда построили общежитие, они переехали туда, потихоньку обживались. Мама много раз писала в ЦК КПСС и министерство обороны, пытаясь узнать хоть какие-то сведения о муже. И однажды, уже в 1952-м, пришло письмо за подписью самого Василевского с уведомлением, что Андреев С.И. *погиб* в боях под Полтавой и распоряжением о назначении Андреевой А.С. пенсии как вдове-солдатке в размере таком-то. На первую пенсию она купила дочке ботиночки – новые! – и школьную форму с фартуком. Валя первое время боялась даже трогать обновки, чтобы не испачкать, куда уж там надевать.

Следующие годы в памяти Валентины почти не сохранились, видимо, потому, что проходили без особых потрясений. Были лишь обрывки: поля сахарной свёклы вокруг поселка, школа-десятилетка, поселковая библиотека, благодаря которой она научилась довольно грамотно писать по-русски, выпускной... Вспоминалось, как таскала у мамы лифчики, чтобы в летних платьицах выглядеть приличней, как

после выпускных экзаменов мальчишки подкидывали в воздух портфели, как скакал через кусты её друг Генка Неустроев, похожий тогда на нескладного голенастого жирафа. Как генкина мать звала её невестушкой...

После школы с подружкой Машей Бурляновой они побежали устраиваться на работу. Конечно же, их, несовершеннолетних, никуда не брали. Тогда девушки направились в Кишинёв – поступать учиться. Сперва пошли в медицинское училище, Маша поступила, Валя – нет. Зато она прошла в техникум связи, где выучилась на почтово-телеграфного агента и вернулась в Дрокиевский район открывать почтовое отделение в селе Шуры. Помнила она, как бегала там за сельчанами, уговаривая их подписаться на газету «Молдова социалистэ», или хотя бы на что-нибудь, как зимой ей в отделение прикатили жестяной бак, в котором разводили костер, чтобы немного прогреть промороженное помещение... Проработав в Шурах чуть больше года и передав отделение «зелёной», как она вначале, сменщице, Валя вернулась в Кишинев и поступила в филиал Московского технологического института. Тогда-то и встретила своего будущего мужа. Маме кандидат сразу не понравился – она-то была уверена, что дочь выйдет за знакомого со средней школы Генку, они с потенциальной сватьей даже начали думать, куда селить будущих молодых. Но, по мнению Валентины, разве мог простой рядовой в рыжеватой гимнастёрке сравниться с лихим военным матросом Черноморского флота в бескозырке с лентами и громкой фамилией – Василием Коневым. Институт Валя так и не окончила.

Большущая семья Коневых – шутка ли, четыре семьи под одной крышей! – приняла её неоднозначно. Свекровь Александра (как и её мать, только называли Сашей) и деверь Федор – спокойно и радушно: ну, васькина жена – хорошо, еще одни рабочие руки. Золовки, как выяснялось, в восторге не были, пыхтели и ругались, мол, три ж*пы на одной кухне. Но Валентине не было до них дела – у них с Василием уже намечался ребёнок – она ходила, как порхала, и писала матери в Дрокию, что та скоро станет бабушкой.

Постоянно, раз за разом, дочь говорит ей не смотреть новости, мол, один негатив там, не порть себе нервы. Собственно, старушке совсем и незачем знать, что происходит в стране и в мире, просто любопытно.

Передача про солнечную систему закончилась, и она снова щелкает по каналам. Где-то кто-то кого-то ограбил, где-то что-то сгорело, где-то чиновник проворовался... «Прямо, лихие 90-е» – думает. Она ненавидит то время. Из-за происходившего тогда они из Кишинёва сбежали! Время, когда кто сильный, тот и прав, когда люди

безнаказанно творят, что хотят, хорошим не бывает. Это даже не война – это анархия, ибо на войне чётко и ясно знаешь, кто «наши», кто «не наши» и от кого ждать пули в спину... Старушка не любит философствовать, но иногда накатывает...

Она снова переключает каналы, натывается на старый мультфильм про мамонтенка: «Так-то лучше!».

О том, как Коневы попали в Кишинёв, Валя не расспрашивала – Василий и так был не очень разговорчивым, а тут замыкался совсем. Об их жизни она знала лишь из скудных рассказов свекрови. Та говорила, что жили они в деревне Лодейно, которое Валентина не то что не нашла бы на карте, но даже не указала бы к нему направление. Оказалось, это где-то в Кировской области, километрах в 150 от самого города Кирова. Их отец, Степан Петрович, был мастером-сапожником. Ещё до войны он шил обувь для армейского офицерского состава и других «шишек», семья держала мастерскую и была на те времена довольно состоятельной. Но однажды в деревню пришли какие-то люди с оружием, кипой бумаг с гербовыми печатями, красными «корочками» и приказом «ракулачить местных антикоммунистических элементов». Началась паника: кто-то побежал в лес, прихватив всё, что успел, кто-то стал забивать и закапывать скот, чтобы не отдавать честно нажитое, кто-то пытался сопротивляться и поплатился за это жизнью... Коммунары никого не щадили и отбирали у людей всё, до чего могли добраться: скотину крупную и мелкую, утварь, добротную одежду, но особенно охотились, конечно же, за деньгами и драгоценностями. Хотя какие уж там были драгоценности. Выглядело это раскулачивание, как банальный бандитский налёт. Всё отобранное стаскивалось во «временную «коммунию», организованную в доме одного зажиточного сельчанина, после того, как семью, не церемонясь, выкинули на улицу, после грузилось на бортовые ГАЗики и увозилось в неизвестном направлении. Местная голь перекатная была в восторге – наконец-то этих «кулаков» приструнили! – и дружно помогала налетчикам. Когда большая часть добра была вывезена, «коммуния» неделю гуляла: пили, песни орали, дрались и из ружей постреливали. Потом подожгли подворье и укатили, прихватив местных голодранцев с собой. А через пару дней приехала милиция. Ловили таких-то, что не первую уже деревню разорили... Людей попросту ограбила банда хитрых, нахрапистых выроdkов, но отнятого было уже не вернуть.

Степан Петрович, лишившись всего, спился. Когда началась война, хотел уйти на фронт добровольцем, но не взяли, признав алкаша негодным. Потом много раз пытался бросить, хоть как-то позаботиться о семье, но однажды на охоте сильно обморозился, долго болел и затем умер. Семья осталась без кормильца в так и не оправившейся от

разорения деревне. Да ещё через четыре месяца после смерти отца родилась дочка, названная по матери Сашенькой, и Конева одна тянула пятерых детей. Перебивались, чем могли: огород, грибы-ягоды из леса, изредка в деревню привозили муку – и это был праздник. От бескормицы у матери пропало молоко. Младенца пытались поить отваром из овощей и разболтанным в воде хлебным мякишем, но девочка слабела, чахла и уже было понятно, что не выживет. Тогда-то, в 1944-м, старшая дочь Серафима четырнадцати лет от роду, взяв с собой пару печёных репок и полбуханки хлеба, отправилась из Лодеина в Кишинёв. Почему именно туда? Да просто ткнула пальцем в карту, где поужней и уехала. Убежала, чтобы не видеть, как медленно умирает от голода младшая сестрёнка...

Деревня вымирала, и помочь вдове с тремя детьми никто не мог, даже если бы захотел. Каждый день кого-нибудь хоронили. Страшней всего было, когда на погост несли крохотные домовины с детскими трупиками, их было больше, чем взрослых. Схоронив Сашеньку, Коневы на семейном совете решили ехать за Серафимой. Сперва уехали старшие дети: Федор и Валентина. После, месяца через три, заперев зачем-то на замок ненужный уже дом, оставили Лодеино мать с шестилетним Василием.

В Кишинёве было куда легче, чем в их деревне. Война уходила, и южная республика восстанавливалась быстрее северного соседа. Коневы понемногу приходили в себя, отогревались. Сима почти сразу по приезду устроилась работать на гвоздильный завод, её погодка Федор – помощником механика в автобусное депо, мать в школьной столовой мыла посуду. В эту школу и начали ходить младшие. После войны кишинёвский госссовет выделил семье участок земли недалеко от протекавшей через город речки со смешным названием Бычок и дал разрешение строиться. С помощью соседей возвели небольшую избу, а когда дети выросли и начали обзаводиться семьями, пристраивали новые комнаты. В этот-то дом, набитый народом, и вошла женой Валентина, в девичестве Андреева.

Шел 1963 год.

На часах восемь. Старушка подходит к окну – на улице идёт снег, густо падает крупными хлопьям, тюлем занавешивая соседние дома, машины и прохожих. Фонари и освещенные окна соседних домов проглядывают сквозь него, мигая и расплываясь, придают пейзажу легкую сюрреалистичность. Кошка-мать запрыгивает на подоконник, садится рядышком с большим грозным кактусом и вместе со старушкой глядит на хаотично кружащиеся снежинки. Остальное кошацье семейство разбредается по комнате: кто на книжный стеллаж, кто на диван.

Отлепившись от подоконника, старушка идет на кухню, сует кастрюльку с пюре и сковороду с котлетами в духовку, чтоб не остыли. Возвращается в комнату, выключает телевизор и делает погромче настроенное на музыкальном центре радио и, подвинув растянувшегося во весь рост кота, устраивается на диване. По радио звучит старая песня про последнюю осень группы... как же их там... ДДТ! Сын очень любит эту песню. Она вспоминает, как он, сидя в кресле, в другой квартире, другом городе, даже в стране другой, мягким баритоном поёт её, подыгрывая себе на гитаре. Её сын талантливый, не в неё, вот только жизнь свою сгубил – уже не исправить... Где-то он теперь?.. Уже больше двадцати лет нет от него вестей.

Песня заканчивается, старушка вздыхает, думая о том, что бы было, вернись сейчас её старшенький. Не может даже представить. А что скажет дочь? Она брата на дух не переносит. Но, может, и помирились бы как-нибудь – взрослые ведь уже...

С этими мыслями, незаметно для себя, старушка засыпает.

«Доктор... Доктор, помогите!» – Валентина ползала за врачом на четвереньках уже вторые сутки. Ребёнок был крупный и лежал неправильно и акушер не слышал его сердцебиения. На третьи сутки целая бригада – два акушера, три медсестры и многочисленные санитарки, крутившиеся в палате – помогала роженице, и, наконец, ребенок вышел, мальчик пять килограммов весом. Запутался в пуповине и не дышал – еле откачали. Валя пролежала в больнице две недели, вспоминала родовые мучения и зарекалась: «Больше никогда!». Сына ей приносили только на кормление. Василий каждый день после работы прибегал посмотреть первенца, Олега. Она показывала карапуза в окно, вертела его, тяжеленного, на руках и постепенно оттаивала.

Многолюдный дом Коневых пополнился ещё одним малышом. Бабушка Шура раз в месяц приезжала посмотреть внука и каждый раз ругалась с бабушкой Сашей – не сходились во мнениях, как дитё кормить, как купать, как одевать. Молодым забавно было наблюдать, как две в возрасте уже женщины – одна невысокая кругленькая, другая на голову выше, худая, костистая – орут друг на друга, размахивая руками, а вокруг них толкутся пятеро разновозрастных малышей вперемежку с курицами. Жизнь была замечательной, дети росли. Семья Симы получила по очереди квартиру и переехала, следом в отремонтированный дом мужа переселилась Валентина, которая Степановна (двух Валентин в семье различали по отчествам). А потом и Федор получил ведомственную квартиру от вагоноремонтного депо, где тогда работал. В доме остались только бабушка Саша и семья Василия. Тогда и решили привезти из Дрокии бабушку Шуру. Но она

прожила с детьми, увы, недолго: попала в больницу с инфарктом, после последовал инсульт, паралич – и в конце 1977-го её не стало.

В доме было непривычно пусто и одиноко, ребятишки во дворе больше не бегали, мужики не галдели на крошечной веранде, играя в шахматы. Олежек повзрослел и после школы пропадал с друзьями до ночи, Василий приходил с работы поздно, свекровь часто ездила в гости к детям, а Валя тосковала и маялась, не зная, куда девать появив уюся как-то в руг не к месту кучу своего времени. Встречалась иногда с подругами, Катей Кирьяновой и Дусей Чебан, и однажды, за рюмочкой домашнего вина, кто-то из них брякнул: «А что если нам родить ещё по одному...». Прозвучало это, как шутка, но в души женщин запало. Валентина много дней вертела в голове: «Маленького бы... Пелёночки, распашонки – хорошо... Но не поздно ли...». Брала карандаш, бумагу и высчитывала, успеет ли вырастить, на ноги поставить... Пока думала, Катя родила и Дуся аборта делать не стала. И Валентина решилась. «Представляешь, маленький будет! Давай оставим, а...» – сказала Василию. Тот в своей обычной манере похмыкал, помялся, молчал сутки и после выдал: «Ну, давай». В этот раз она уже не порхала. Жуткий токсикоз мучил её постоянно, удержать в себе могла только чёрные сухари да ложку квашеной капусты – ходила «зелёная» и злющая такая, что коллеги и соседи шарахались. Сбросила двадцать килограммов. Но не жаловалась – терпела. Однажды по зиме ей стало совсем плохо, начались боли, Василий вызвал «скорую». Рожать было ещё рано, и Валентину положили на сохранение. В больнице стало хуже...

«Тише, мамаша! Тише, не тужься! Не тужься, говорю! На пол уронишь!» – орала медсестра, почти волоком таща женщину в родильное. Валентина не помнила, как её дотащили, как лезла на кресло, но в памяти ярко запечатлелось, как врач, бегом влетев в палату, броском заправского волейболиста почти на лету подхватил... И через несколько секунд показал взмокшей матери багровый орущий во все горло комок... «У вас дочка! Как на волю-то хотела...».

На часах 20.22. Старушка дремлет на диване, облокотившись на сложенные в стопку подушки. Рядом посапывает кот. В телевизоре бормочут что-то про глобальное потепление... Вдруг кот поднимает голову, прислушивается, резко подскакивает, разбудив старушку, и, задрав хвост, несется в прихожую. Старушка, прислушавшись, улавливает звон ключей за входной дверью, с трудом поднимается и, держась за стену и стараясь не наступить на бегущих за старшим кошек, идёт в прихожую. Отпихивая ногой дверь – руки заняты пакетами – в квартиру вваливается дочь, плюхает пакеты на пол, стряхивая снег с пуховика прямо на сбежавшихся кошек... «Мам! Ну, что опять у тебя с телефоном! Я обзвонилась, блин...».

Виктор Конов

*Кандидат технических наук, доцент кафедры
МОНПП ИНиГ СФУ, один из инициаторов
совместных проектов и творчества клуба.*

Родился 24 ноября 1947 г. в с. Курагино.

Выпускник Курагинской средней школы №2 1965г.

*«Низкий поклон моей родине, учителям,
одноклассникам, землякам и всем, с кем
посчастливилось общаться».*

Три четверти века

*Моим дедам,
Конову Георгию Михайловичу и Филатову Якову Захаровичу,
погибшим на полях войны*

Три четверти века, как смолки раскаты
Великой, Священной и страшной войны.
Три четверти века, но помнят солдаты...
Салюты Победы! И дни тишины!..

Вам выпала доля – отцы вы и деды –
Пройти по тяжелым дорогам страны.
Вам выпало счастье салюта Победы!
Но выпало тем, кто вернулся с войны...

Всегда не хватало уделов чухонцам,
Богатства – варягам, испанцам – морей.
Но вы победили безумство саксонца,
Пожары Европы под плач матерей.

И наши отцы вместе с дедами встали
Под Брестом и Ржевом, потом – под Москвой.
А те, кто не встали, те жертвами пали,
Во имя Победы и цели святой...

Им было трудней, молодым и безусым,
В снегах отстоять наш последний рубеж!
И только когда там запели «Катюши»,
Тогда и пришло время наших надежд!..

А жизнь продолжается – помнят потомки,
И внуки, и правнуки шлют им привет,
Кто мир отстоял, кто прошел по Европе –
Он – русский солдат, он – отец наш и дед.

Три четверти века храним мы Победу!
И Память ушедших. И Знамя живых!
А то, что с войны не пришли наши деды.
Всем нам и всем вам надо помнить о них...

Воинам...

*Всем выдержавшим и павшим на последнем рубеже
под Москвой в декабре 1941 г.*

Вставай, страна! –
гремело как Набат...
От боли
задышался репродуктор,
Вы шли на запад,
а потом – назад...
Чтоб защитить Москву морозным утром...

И было страшно –
не считать потерь,
чтоб овладеть
лишь высотой соседней...
А каждый бой
похож был только тем,
что обещал
кому-то
быть последним...

Вы выжили,
а враг был обречен...
И пали стяги,
и замолкли Гимны...
Ведь Русским сказано:
кто к нам придет с мечом,
тот от меча
погибнет...
и повезли вас поезда домой,

где ждали вас
и утром,
и под вечер...

А тех,
кто не пришел с передовой...
В дом будут ждать...
Пока не минет Вечность ...

На счастье пацанам

Пацанам моего детства...

Нам в детстве часто грезилась Война,
И торопились мы уйти в солдаты,
Чтобы потом, на счастье пацанам,
Домой назад вернуться старшим братом.
Вернулись мы и в дом родной вошли,
Как будто бы с войны – чуть-чуть уставши,
А пацаны давно уж подросли,
И, как всегда, похожие на старших ...

Мы уходили по стопам отцов,
Мы защищаем труд и славим подвиг,
Чтоб снова не дышать земле свинцом,
И чтобы было матери спокойно,
Чтоб в жизни было больше светлых дней,
Чтобы врагу не изменяла память,
И чтобы дети знали о войне,
Лишь о навек застывшей, в сером камне...

Мы по рассказам знаем о боях,
О мужестве и выстраданном горе,
И верим в то, что

Русская Земля

Стоит
Неколебимо!

Свято!

Гордо!!!

И что отцы,
Когда пришла Война,
Заторопились уходить в солдаты,

Чтобы потом, на счастье пацанам...
И вам, и нам
Домой назад вернуться в сорок пятом...

На Родине звонят колокола

*Колокола и колокольный звон –
наше национальное достояние*

На Родине звонят колокола,
Их перезвон наполнит всю округу,
Блестят и золотятся купола,
А я иду в поля к земле и плугу...

Мы разучились сеять и пахать,
В полях и в душах – больше все бороним,
И за собой, не ведая греха,
На землю смотрим взглядом посторонним.

А надобно б прижаться к ней щекой
И уловить ее сердцебиенье,
А то, что прадед мой пахал сохой,
Так делал он с душой и упоеньем.

Себя он часто осенял крестом,
У Господа просил Благословенья,
Земле, семье и самому, потом
Он приступал и, может, ждал Знаменье...

Я тоже жду тот самый добрый знак,
От Господа, от прадеда, от Веры,
С колоколами было все не так...,
Но, слава Богу, – возвращаем меру.

Нам надо бы хоть чуточку Добра
И капельку Души к родному дому,
Тогда и зазвонят колокола,
И их Земля услышит по-другому...

Екатерина Конова

*Ученица школы № 45 г. Красноярска. Внучка В.Н. Конова, координатора совместных проектов лит. клуба «Высокий берег».
Делает первые шаги в поэтическом творчестве.*

Стихотворение о войне

Что для нас значит война?
Простое слово.
Но нет. Это когда все стало наоборот.
Наши прадеды пошли туда и не вернулись.
А сейчас ее нет.
Но подумай и вспомни!

Война

Война – и вспомнить страшно,
Как танки нападали.
И страх – он лезет в глаза –
Боишься умереть.

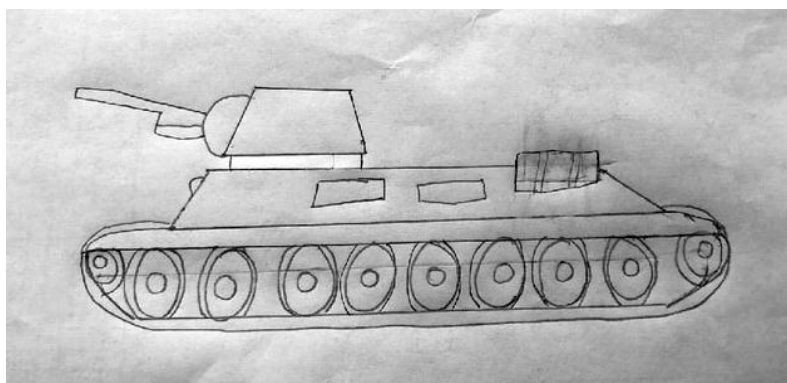

Рисунок Е. Коновой

Данил Лапердин

Студент Института нефти и газа СФУ.

Мой прадед

Семья Лапердиных из села Бырка Читинской области Приаргунского района внесла свой неоценимый вклад в судьбу страны в те страшные дни Великой Отечественной войны. 23 февраля 1942 на фронт был призван Пётр Ананьевич Лапердин, и ровно через год в дом постучалась беда – пришла похоронка. Пётр Ананьевич погиб под Ленинградом. Остались сиротами семеро его детей. Восемнадцатилетний сын Василий, как и многие его сверстники, в 1942 был призван в армию, чтобы встать на защиту родного Отечества.

Бригада, в которой служил Василий Петрович, участвовала в самых тяжёлых кровопролитных боях, в наступательной операции 1944 года по освобождению Белоруссии и Литвы от немецких поработителей. Очень тяжёлыми были бои при освобождении небольшого белорусского села Крынки. Маленькое, вроде бы ничем не приметное селение, а ведь именно здесь, много лет назад, на пути отборных гитлеровских частей стеной встали на защиту родной земли гвардейцы 99-й бригады, преграждая путь врагу. Ценой тяжёлых потерь было отвоёвано село: погибли 254 воина, 904 получили тяжёлые ранения.

За успешные боевые действия, за мужество и отвагу, проявленную в боях, Василий Петрович был удостоен высокой награды – ордена Красной Звезды. Боец Лапердин участвовал во взятии Кёнигсберга, где получил лёгкое ранение. Здесь вместе с боевыми друзьями встретил он долгожданный час Победы.

Но не было в мире спокойно. На востоке поднимал голову враг – милитаристская Япония. 99-я бригада, бойцом которой был Василий Лапердин, защищала и восточные рубежи нашей Родины.

*Василий Петрович
Лапердин*

Я всех призываю беречь Победу – ее цена слишком дорога.

99-я гвардейская танковая бригада

Нелли Мазур

Красноярская писательница.

*Выпускница Института биологии и биотехнологий
СФУ.*

Про бабушку

Из всех моих ныне почивших родственников бабушку Людмилу, папину мать, я вспоминаю чаще всего. Возможно, из-за того, что она выжила в блокаду и стала прекрасной бабушкой, а, может быть, потому, что она хотела бы, чтобы мы её вспоминали как можно чаще.

*Людмила Петровна
Вадимова-Помазан*

Когда я закрываю глаза, то вижу её, сидящую на кровати в цветастом платье, в квартире, давно уже проданной салону красоты. Она улыбается во всех моих воспоминаниях. На дворе всегда май. Из всех праздников День Победы я до сих пор люблю больше прочих других и с удовольствием вспоминаю, как мы отмечали каждую годовщину 9 мая.

Из всех бабушкиных атрибутов, среди тяжелых деревянных коричневых сервантов, шкафов и столов, я любила мелкие сувениры, связанные с творчеством, и морковного цвета помаду. Не оранжевого и не персикового, а именно морковного. В тюбик с помадой воткнута

спичка – так делали многие русские дамы. В книжном шкафу стояли фотография Деда (Красноярские Столбы) и литой кораблик, с которым мы особенно любили играть.

Другой дед, мой настоящий, папин отец, не дожил до моего рождения. У него своя история Победы, он брал в плен немецкого генерала, но мне всё-таки интереснее история бабушки, потому что и сейчас, по сей день, неясно, как можно жить на такие скудные пайки хлеба.

Вот из бабушкиного блокадного дневника:

«12.11.1941г. Сейчас у нас с завтрашнего дня норма на хлеб снижена. Было 200 гр. в день, завтра, говорят, будет 150 гр., а, может быть, и меньше. В стране хлеба много. В Москве дают 1 кг хлеба на день. Под Тихвином стоит масса эшелонов с продуктами для Ленинграда, но подвезти не могут, дорогу немцы отрезали, сейчас их оттуда усиленно выбивают наши, как только выбьют – все будет у нас: и хлеб, и другие продукты. Сейчас часть продуктов перевозят на самолетах, но для такого большого города, как Ленинград плюс войско, это капля в море».

Бабушка выживала в Ленинграде вместе со своей матерью, моей прабабкой, Антониной Васильевной Помазан.

«Во время войны я и мама до 8 апреля 1942 года находились в г. Ленинграде – где мама работала в вышеуказанном институте, а я училась на 2 курсе 2 Ленинградского медицинского института. Во время плановой эвакуации студентов-медиков из блокированного Ленинграда, т.е. 8 апреля 1942 года, выехала на Кавказ в район Минеральных вод, где были размещены медицинские институты, вывезенные из г.Ленинграда. Здесь я жила в г.Железноводске, а затем была переброшена в г.Кисловодск, где работала в качестве медсестры в госпитале и одновременно проходила студенческую практику. В конце июля или начале августа (даты точно не помню), во время временного прорыва немецких захватчиков на Кавказ, я и мама пешком вышли вместе со всеми студентами и преподавателями институтов, не желавших оставаться у немцев, через Военно-Грузинскую дорогу (на которую мы все получили пропуска, т.к. шли организованно) прибыли вместе с медицинским институтом в г.Тбилиси, где нам дали эшелон и отправили в г.Красноярск, куда я прибыла 01 октября 1942 года, уже студенткой 3 курса, т.к. во время блокады Ленинграда окончила 2 курс Мединститута по ускоренной программе, а летом закрепила свои знания практической работой в госпитале.

С 1 октября 1942 года я и мама безвыездно проживаем в г.Красноярске до настоящего времени».

Блокадный бабушкин дневник отдали в один из музеев Красноярска, где он потерялся, а, может, лежит в фондах и поныне. Не успела она дописать и свои мемуары заново. Нам остались только крохи и те истории, которые баба Люся любила рассказывать сама.

Например, однажды, у Аничкова моста она спасла мужчину. Они одновременно подошли к мосту с разных сторон и стали спорить, кто должен первым пойти на мост. Пока спорили, в мост попал снаряд. Мужчина же продолжал ругаться. «Ты чего кричишь? – отвечает бабушка. – Я тебе жизнь спасла!».

Она также жалела о том, что топила в квартире не деревянными полами, как многие, а своими институтскими конспектами.

«В нашем Таврическом саду упал недавно сбитый фашистский самолет. Где бомбы падают, уже не считаем, сбрасывают беспорядочно и целятся в госпитали. Месяц тому назад сгорело здание пром. Академии им. Кирова, там был госпиталь, и немцы сбросили туда комбинированную бомбу фугасно-зажигательную, все здание вспыхнуло сразу и погибли около 1000 раненных. Всего не описать, да и писать некогда. Бомбы около нас упали 2 в Таврическом саду. Повредило пикет милиции. Одна упала на панели на углу Потемкинской и Кировной, другая упала на Кировной, д.13, где достраивалась красноармейская казарма, это около нас, а вообще много падает бомб, но многие не разрываются. Праздники ноябрьские прошли скромно, особенно для нас, когда с питанием плохо. Но очень подбодрила речь т.Сталина в Москве на митинге депутатов трудящихся г.Москвы. Митинг был 6 ноября вечером, за время речи т.Сталина у нас было две тревоги, но речь мы слышали. Речь была правдивая, честная и бодряя, стало веселее на душе. 7 ноября утром на параде военных сил в г.Москве опять выступал т.Сталин, опять сказал хорошую речь. Он сказал, что надо потерпеть 0,5 года, может быть, год и все уладится к лучшему, враг будет разбит, победа будет за нами!!! И мы в этом нисколько не сомневаемся».

В последние годы бабушка вспоминала о том, что чрезвычайная слабость приводила к тому, что целый день уходил на то, чтобы встать и пойти за пайком хлеба.

«Когда началась ВОВ, я оканчивала 1-й курс мединститута и сдавала экзамены: 23.06 (уже началась война) – сдала физику, а

29.06 сдавала Основы марксизма-ленинизма преподавателю, фамилию которого уже не помню, но он был уже в форме, принимая экзамены, прощался с кафедрой – мы прошли через все аудитории после сдачи экзамена.

С 17 июля по 04 августа была на оборонительных работах под Красным селом – село было уже полностью эвакуировано, в нем не было ни единого жителя, кроме воинской части, которая располагалась в районе этого села. Жили мы в совершенно пустых домах, спали на полу на голых досках, но уставали так, что нас это не беспокоило. На трассе работали весь световой день с 5 утра до 22 часов. 4 августа военные вывели нас с трассы в Ленинград, шли пешком, и глубокой ночью я пришла в город. В институт, где я училась, я стала попадать редко и с трудом, т.к. транспорт ходил нерегулярно, а частые воздушные тревоги, во время которых по городу ходить было нельзя, не давали возможности в него попасть. В довершение всего, в анатомический корпус 2-го Медицинского института попала бомба и там не разорвалась, но учить анатомию стало негде. На улице Петра Лаврова, прямо напротив дома, где я жила, находился Стоматологический институт, куда я и перевелась в сентябре 1941 года. От Стоматологического института ездила на окопы в район завода Ломоносова, не помню точно в какой месяц, вероятно, в октябре, было уже очень холодно и голодно. Институт переехал на Невский в Стоматологическую клинику, напротив Гостиного Двора, его немного протапливали и давали на несколько часов освещение – занятия не прекращались – стране нужны были врачи и мы учились. В этом же здании находился обогревательный пункт – в городе открыли несколько таких пунктов – куда привозили упавших от голода и замерзающих на улице людей, иногда некоторых удавалось спасти, когда их поили кипятком и давали жидкий «суп» – горячая вода не знаю с чем (только не с овощами – их просто не было). Многие умирали. В обязанности студентов входило сносить трупы (со второго этажа) вниз и складывать для отправки на захоронение.

В апреле 1942-го года все медицинские институты были вывезены из Ленинграда по Дороге жизни. Медиков набралось 2 эшелона. Самый большой 1-й Медицинский институт ехал целым эшеленом, 2-й Медицинский и Стоматологический, где я училась, и где у меня работала мать преподавателем политэкономии, ехал вторым эшеленом. Нас везли на Кавказ, до сих пор непонятно, зачем. По дороге на Кавказ нас бомбили, в частности, в Тихорецкой (ночью мы не могли открыть дверь своего товарного вагона, так как были слабы). 1-го мая 1942 года мы были в

Сталинграде, 4 мая 1942 года приехали в район Минеральных Вод и уже через 10 дней, еще неокрепшие, работали в госпиталях – все курсы, кроме первого (то есть второго). Те, кто не сдал сессию в блокаде, остались на второй год, их послали в совхозы Ставропольского края, что стало с ними – неизвестно, так как немцы начали занимать Кавказ, и в ночь на 6-ое августа мы вышли пешком с госпиталем, где работали, из Кисловодска в Пятигорск. В Пятигорске встретились с мединститутами и дальше шли пешком от Пятигорска до Тбилиси. Прошли около 500 км., через Нальчик и Орджоникидзе, по Военно-Грузинской дороге – медиков по ней пропустили. В Тбилиси пришли в начале сентября. Там ждали эшелона для отправки в тыл, ждали долго. От 2-х эшелонов, выехавших из Ленинграда, остался один неполный, где остальные люди – неизвестно. Как и куда попали студенты, работавшие на полях, куда немцы пришли сразу и какова их судьба, так и осталось для нас неизвестным. Одним словом, мы проехали через весь Советский Союз: Среднюю Азию, Россию... это целая эпопея ленинградских студентов-медиков, которых неизвестно зачем и кто послал на Кавказ, когда в Ленинграде стало уже терпимо с продуктами – давали то ли 300 г, то ли 400 г хлеба, открыты были стационары для тяжелых дистрофиков, уезжать никто не хотел, но студенты-медики хотя и не были военными, все были военнообязанными и противиться приказу в военное время не могли. По дороге в Сибирь нас на больших станциях хорошо кормили и отправляли все дальше и дальше. Так 1 октября 1942 года мы приехали в Красноярск (ночью). Раздетые и босые, утром не могли выйти из вагона – был мороз, легкий морозец, чудесная погода – солнце, чудесные холмы, покрытые золотыми и зелеными деревьями. Я вышла в тамбур и, увидев такую красоту, сказала: «Девочки, среди такой красоты мы не умрем». И действительно, пришли представители городских властей, увидели нас в таком виде – и прямо в вагоны принесли валенки, серые ватные брюки, шапки-ушанки. Накормили нас, устроили в школе №19 на улице Ломоносова и дали возможность продолжать учебу дальше.

17 октября институт начал работать. Мы получили здание технологического института, где было общежитие, на ул. Карла Маркса, 124. 07 ноября мы были на демонстрации – нам выдали халаты, и в них мы вышли на демонстрацию (может быть, где-то сохранились фотодокументы тех лет).

В 1945 году я окончила Красноярский мединститут, в 1948 – клиническую ординатуру. С 1948 года – на практической работе,

работала всю жизнь врачом – терапевтом госпиталя УВД. С 1985 года на пенсии».

На пенсии бабуля любила штопать и вышивать. Раньше картинки для вышивания печатали рисунком на холсте, а само изображение – всё в квадратиках. Бабушка долго делала картинку с красивым петухом на фоне природы, а другую её вышивку – с зеленоглазым котом – уже заканчивала я.

Конечно, пластинки она слушала, и для нас сестрой ставила сказки (наша любимая «Молодильные яблоки») и детские песенки Шаинского («Дважды два четыре»).

«10.09.1941

Поразительно, пишу в дневнике всегда всякую чепуху и ничего важного. А важного сейчас очень много. Все планы на лето рухнули, да оно уже и прошло. 22.06 началась Великая Отечественная война. 23.06 сдавала физику, сдала только на «хорошо». 29.06 сдала на «отлично» марксизм и ленинизм. Стипендию буду получать и в этом семестре. Дневник не писала долго, о чем очень сожалею, теперь, когда у нас по 14 раз в день воздушные тревоги, решила брать всегда с собой дневник и писать все, что происходит.

С 17.06 по 04.08 была на окопах, очень жаль, что не было со мной моего дневника, записать было что, а теперь писать как прошлое неинтересно. Копали много, работать было трудно, но весело. Вставали в 5 часов утра, ложились в 10 вечера, весь день на трассе. Но все к лучшему, потому что у меня увеличились мускулы, я загорела и даже как будто окрепла. Кормили неважно, но хлеба давали очень много, только в сильные бои мы мало его получали из-за плохого подвоза.

Настроение у бойцов бодрое, мы часто с ними беседовали, очень хорошие парни. Там чуть ли не каждый день летали фашистские самолеты (главным образом разведчики). Нас фотографировали чуть ли не каждый день».

По телевизору Людмила смотрела развлекательные передачи и так называемые «мыльные оперы». Однажды мы с одноклассницей придумали сценарий своего сериала и показали бабуле. Кажется, Дон Педро там тоже был.

Баба Люся умерла 01 января 2000 года. Накануне у неё была отличная кардиограмма и вообще она шла на поправку после приступа.

На похороны нас с сестрой не взяли – стояли морозы выше сорока градусов.

Моя сестра потом видела во сне бабушку рядом с дедом.

Из всех книг про блокаду она выделяла две как самые правдивые: «Моё военное детство» Виктора Иванова и «Блокадные новеллы» Олега Шестинского.

«Хочется поблагодарить всех красноярцев тех лет, которые в такое тяжелое время приютили и впустили нас в свой город, не дали умереть с голода и холода. Красноярску я обязана жизнью, люблю этот город, никуда из Красноярска никогда не хотела и не думала уезжать, хотя Ленинград я тоже очень люблю....»

Для тебя, Бабуля!

Ленинград, Ленинград!
Я сегодня пел тебя,
И назад, и назад
Не вернуть уже ни дня.

Свой фасад, свой фасад
Протянул ты по Неве
Вдоль оград, вдоль оград
Все стихи бегут к тебе.

Петербург, Петербург!
Разводи свои мосты.
Демиург, Демиург
В этой сырости простыл.

Царь святой и простой
Карту взял и прочертил,
У болота с сосной
Острова он замостил.

Петроград, Петроград!
Собирай свои мечты,
От дворца через сад
Мне о них поведай ты.

Ленинград, Ленинград!
Сколько бед ты пережил!
Про блокадный свой ад
Всеми миру Расскажи...

Carpe diem⁵

Она поняла, что кризис миновал, когда вышла на улицу, засыпанную блестящими крупинками падавшего снега. Вопреки её состоянию, мир выглядел не просто дружелюбно, он преобразился, зажёгся предпраздничным состоянием. Для сказки не хватало только странного незнакомца, такого волшебника, замаскированного бродягой. Вслед за ней из подъезда вышел молодой мужчина неопределённого возраста, которого она окрестила Спасителем. Спаситель её сначала спугнул, а лишь потом спас. Он повернулся к ней, когда она стояла у лифта, не в силах уйти, и пялилась на рекламный щиток.

«Альфа-самцы едят пиццу», репертуар театра, клиника для похудений... слова объявлений надёжно спрятаны на обозрение под оргстекло.

Она смотрела на пластик, надеясь на то, что в отражении увидит, как дверь лифта откроется, и появится Другой, Её мучитель. Она бы тогда повернулась к нему и сказала: «Какая неожиданность!». Глупо. Не сказала бы она ничего. Встретилась бы с ним взглядом, а дальше, после нескольких секунд жгучего унижения, увидела его реакцию. Он бы мог удивиться, мог бы сделать вид, что помнит запах её губ, мог бы... Но Другого не было. Отражение показало, как из квартиры напротив вышел незнакомый человек и вызвал лифт. Всё совсем наоборот. Она бы ещё вот так продолжала стоять, она бы выдержала, но незнакомец спросил:

- Вы едете?

И она поехала. Сама не знала, как смогла уйти, наконец, но поехала. Уже в лифте поняла, что незнакомый мужчина это Спаситель. Его прислали откуда-то свыше, чтобы она больше не мучалась, ожидая Другого.

Она быстро выбежала из подъезда, пока еще какое-нибудь чувство не придавило её к земле.

На перекрёстке парочка школьников бегала друг за другом. Парень, в конце концов, поймал девочку, обхватил сзади и рванул вверх.

И тогда к Ней пришло озарение: Другого не было. Его никогда не было. Всё крутилось вокруг него, но именно Его... Его никогда не было рядом. Все годы и годы напролет, и последние месяцы, когда она следила за Его перемещениями по рубашкам на фото чужих апартаментов в социальной сети... Всё, что оставалось ей –

⁵ «Живи настоящим» или «лови момент» (латынь).

напряжённое ожидание и попытка сохранить достойный вид, когда Он в очередной раз уходил из её жизни.

Она почувствовала такое несогласие до отвращения, что ей захотелось кричать. Это была невыносимая боль.

Она удивилась, нет, поразилась, что с годами утихшая боль внезапно прорезалась таким страстным порывом, о каком не могло быть и речи. Обнажился глубокий шрам, прорезанный постепенно капавшей болью, вкуче с разочарованием.

Она не помнила, как закрывала входную дверь и разогревала чай.

Когда она мешала сироп в чае, ложка, сжатая пальцами, билась о края стакана с невозможной громкостью.

Её тошнило. Так всегда было, когда она долго ждала Другого, увлекалась фантазиями и не получала любви.

Всё потому, что Его никогда не было рядом.

Она перебирала воспоминания, как поздравительные открытки от чужих людей, с удивлением, без всякой радости.

Проверила и поверила, что Его никогда не было рядом.

Рыдания вырвались сами собой – так тело спасало себя от психической нагрузки.

Она плакала сильно, но всего пару минут.

Тело сбросило отчаяние, размякло.

Ладно, и не такое можно пережить.

Она ещё молодая, влюбится.

Люди и после 40 лет влюбляются.

Уже перед сном она подумала вдруг: наверное, Спаситель решил, что я не в себе.

И засмеялась от души.

Молли все считали немного не в себе. Ей часто снились наполненные бесконечным горизонтом и буйными красками сюрреалистические пейзажи и обрывки картин далекого будущего. Однажды она с такими деталями описала устройство приемника связи инопланетян, что её подруга-художница даже нарисовала картину, названную сенсацией на крупной выставке молодых талантов, проходившей в ближайшем мегаполисе. В другой раз муж, шутя, описал со слов Молли форму монахов иной цивилизации и получил за своё письмо довольно крупное денежное вознаграждение от киношников, ломавших голову над костюмами к фантастическому фильму.

Молли к тому же не работала. Это вызывало непонимание со стороны феминисток-соседок, которое особенно остро на себе

прочувствовала дочь Молли, Тамсин. У сверстниц было более чем достаточно причин ненавидеть Тамми: она делала успехи, она превращалась в миловидную девушку, она никому не завидовала. А факт наличия чудаковатой мамы у начинающей балерины придавал маленьких сплетницам чувство азарта, замешанное на глубоком страхе непонимания. Однажды, когда Молли забирала дочь, то с удивлением обнаружила девочку, задыхавшейся от слез и ярости. Она оттолкнула мать и пошла вперед, тяжело шагая мимо музыкальных классов, а вслед за тем – обращаясь в бег. До самой ночи она краснела и обижалась, молча ела ужин и говорила лишь с отцом. Ему-то она и рассказала об обидном прозвище, которой ей дали одноклассницы – прима. Оба родителя не могли понять, что же такого унижительного в слове «прима», забыв то школьное время, когда важно не какое прозвище тебе дали, а как его произносят. Перед самым сном Молли зашла к дочери, села на край кровати и погладила ребенка вдоль позвоночника. Дочь тихо сопела, не обращая внимание на родителя.

- Если они тебя будут еще называть примой, поклонись, и не принимай близко к сердцу.

- Ты ничего не понимаешь. Уходи! – отреагировала дочь. Тут же спохватилась, что нарушила клятву, данную самой себе перестать разговаривать с матерью, а потому резко повернула голову к Молли, краснея на глазах. Но, встретив добрый взгляд в ответ, спросила тихо: – А если мне страшно?

- Если страшно, то зажми уши и пой свою любимую песенку, – ласково поправила её одеяло мать. И, уже стоя у двери, добавила: – Страх – это просто иллюзия. Весь наш мир ненастоящий.

- Мама, а ты ведь не сумасшедшая? – заискивая, спросила Тамми.

- Нет, конечно. Я просто другая. А другой – не значит сумасшедший.

После этого дочь старался забирать с танцев отец, но в последнюю субботу июля у Тамсин ожидалось большое выступление для аттестации и перехода в следующий класс. Муж Молли обещал отвезти дочь лично, но неожиданно уехал на деловую встречу. Молли, повинаясь обычному режиму, легла вздремнуть, зная, что до пробуждения дочери оставалось еще сорок минут. Уже смыкая глаза, женщина с недовольством поняла, что сейчас увидит кошмар – она знала, что этому всегда предшествовала странная тяжесть во всем теле и тревога. Сон начинался с танца Тамми. Она с природным обаянием, присутствием её подростковой скромности и доброй душе, осторожно подымала вверх ручку, уже держа другую в напряжении, переходя в следующее движение, плавно покачиваясь на носочках. Молли смотрела на дочь не из зрительного зала, а стоя за кулисами. В конце номера она принялась аплодировать вместе со всеми, когда увидела

черную тень сбоку от дочери. Прежде чем Молли начала паниковать вслух, Тамсин повернулась к залу лицом.

Женщина не успела предупредить ребенка – её оглушило ударом по голове. Она не могла понять, что за тяжелый предмет мог свалиться сверху. Но вслед за ним мимо пролетели и другие такие же. Балетные пачки. Ливень из балетных пачек обрушился на Молли с такой силой, что она упала и провалилась в тьму, задыхаясь.

Следующая картина началась с Тамми. Она сидела на полу в балетном классе, обнимая пальчиками круглую подарочную упаковку. В зеркалах отражались её суетливые движения, полные радостного ожидания. Но в коробке лежала коробочка меньшего размера. И так далее. Вдруг Молли забеспокоилась. Она почувствовала недоброе, и, прежде чем Тамми дернула за подарочную ленту, схватила за руку ребенка и потянула за собой. Раздался грохот, будто взорвалась бомба. Тамси была жива, живой оставалась и её мать, но балетная юбка девочки застряла в механизме, опускавшем кулисы. Действие перенеслось обратно, в концертный зал. Юная балерина с большими от страха глазами жаловалась, что не может выбраться, а платье снять не может, потому что ей стыдно. Молли, не понимая почему, торопилась увести дочь на сцену. Еще шаг, еще усилие, казалось ей, и они бы успели! Но обе замерли: на сцене начался дождь из пепла.

Молли проснулась от предчувствия и, глянув на часы, поняла, что они с Тамми опаздывают. Разбудив дочь, она одновременно звонила хореографу и искала ключи от машины. На её удивление, Тамми ничего не сказала. Видимо, ребенок еще не проснулся.

- Мама, ты проткнешь мне голову, – недовольно заметила балерина, когда Молли промахнулась шпилькой. Обычно проворные пальцы женщины никак не слушались её в тот день. Она, все еще охваченная дрожью от кошмара, внутренне ругала себя за халатность, не могла понять, почему не выпила кофе, отказав себе в каждодневной привычке дремать после завтрака.

Наконец, они вышли из дома. Тамсин так и не посмотрела на часы и не понимала, почему мать суетится. Молли совсем ушла в себя, а в такие моменты её движения становились плавными, но, в то же время, она ускорялась. Пока она закрывала входную дверь, её окликнули. Она заложила прядь волос за ухо и, крепче сжав руку дочери, обернулась. Перед ней стояли тридцатилетний мужчина и женщина среднего возраста в деловых костюмах.

- Добрый день, мэ. Вы верите в Бога? – спросил незнакомец.

- Что? – не своим голосом спросила она. Появление парочки совсем сбило с толку Молли. Сначала она пыталась принять эту неожиданность. Тут же к ней пришла мысль о Боге. Она, вообще-то видевшая и верившая в высшие силы, никогда не думала о Всевышнем.

И вся эта вера, заложенная в её подсознании, никогда не пыталась оформить себя в словах. Поэтому растерянность её приняла двойной оборот. Дочь безуспешно дергала женщину за руку.

- В Бога вы верите? – повторил он, пробиваясь в сознание к Молли.

- Подожди, – тихо сказала ему спутница и положила ладонь на его кисть. Сразу же после этого движения она подошла на шаг к женщине. – Мы из церкви Святого Бэзила, меня зовут Пейшнс Смит, – представилась она, протягивая руку для пожатия. – Вы хотели бы изучать Библию?

- Библию... – автоматически повторила Молли, переводя взгляд округленных от удивления глаз с парня на женщину.

- А кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира, – продекламировал он и поднял вверх Библию. – Псалтирь, глава 36, стих 11.

- Мама, пойдем же, мы опаздываем! – не выдержала Тамси, вырвала свою ладонь и прошествовала мимо Молли к машине.

- Да, да, мы опаздываем, – словно во сне произнесла Молли. И тут же, встретившись взглядом с самоуверенным молодым мужчиной, которого явно невозможно было уличить в вышеназванной добродетели, она отрезвела и собралась с силами.

- Тогда мы можем оставить вам брошюры, – заискивающе заулыбалась женщина, протягивая три тоненькие цветные тетрадошки, на обложках которых улыбавшиеся лица светились безбрежностью.

Молли схватила их с решительностью и, в сердцах ругаясь, просунула под дверь своего дома, чтобы не возиться с ключами.

- Там указаны наши контакты, – кричала вслед им женщина, когда Молли поворачивала ключ в замке зажигания. – Мы будем ждать звонка!

Тамси не обижалась и даже не ругалась больше. Она вдруг вся замерла в напряженном ожидании, поднявшемся в ней откуда-то из подсознания. Перед последним поворотом она подпрыгнула в кресле и сказала:

- Давай не поедem. Я больше не хочу туда ходить.

Молли не успела отреагировать – она увидела дым и сигналы машин. Перед ней вырос, словно из ниоткуда, патрульный полицейский. Он не пускал её дальше.

Здание горит. Дальше ехать нельзя. Их просят проехать... Им позвонят...

Пассажиры переглянулись и, не произнеся ни слова, обо всем договорились.

Молли развернула автомобиль и поехала в сторону кафе быстрого питания.

Марина Надикова

Ученица МАОУ КУГ №1 – Универс.

«Основное моё занятие – школа, а также я занимаюсь танцами. В свободное время я люблю рисовать, читать стихи, немного играю на фортепиано».

Сержант Шинкевич

Шинкевич Николай Трофимович, родился в 1908 году, сержант. Умер от ран 16 октября 1944г. Похоронен в селе Торна-Струга Варшавского воеводства, Польша, дивиз. кладбище.

Николай Трофимович – мой прадед по папиной линии. Служил санитаром, вынес много бойцов с поля боя, в одном из боев спас самого командира санитарной роты.

Это стало известно из письма самого командира роты, которое он прислал в 1944 году на имя жены Николая Трофимовича – Матрёны Федосовны. В этом же письме командир писал, что Шинкевич Николай Трофимович умер от ран в госпитале и похоронен под Варшавой.

*Николай Трофимович
Шинкевич*

Эти подробности рассказала мне бабушка. Письмо долгое время хранилось в ящике комода, и неизвестно, при каких обстоятельствах оно было утеряно, также и похоронка не сохранилась.

Моему прадеду было всего 36 лет, когда он погиб, защищая Родину! У него был младший брат Михаил 1912 г.р., который тоже был на фронте. Принимал участие в боях за Сталинград, он был шофёром на «полуторке», под бомбежками возил снаряды на передовую. Также в том комодке хранилось и благодарственное письмо за бои под Сталинградом, подписанное самим Сталиным, также были и медали, ордена.

Прадед Михаил Трофимович вернулся с войны. Он вернулся в семью старшего погибшего брата, Николая Трофимовича, по настоянию своего отца, который сказал: «Ты не должен бросать семью своего погибшего брата, должен помочь им выживать.» Время после войны было голодное и холодное. Разруха. Дед Миша был очень добрым, честным человеком, вырастил своих детей и детей своего брата, трудился много и умер в возрасте 82 лет.

Письмо внуку

Здравствуй, дорогой внук Егорушка. Я пишу тебе это письмо из далекого 1941 года. Ты меня совсем не знаешь, Я – твой прадедушка. Тебе, наверное, тяжело представить военное прошлое нашей страны. Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года. Немецкие фашисты напали на нашу страну, хотели захватить наши города и сёла, а советских людей превратить в своих рабов. Но на защиту Родины встал весь наш народ, от мала до велика. Даже дети боролись с врагом, становились разведчиками, связными. Много дней длилась эта страшная война. Но советские солдаты героически сражались с фашистами и победили. В этой победе огромную помощь оказали труженики тыла, не жалея сил и здоровья.

Ты много можешь узнать про войну из моих писем с фронта, которые хранятся у твоих дедушки и бабушки, в тех письмах много воспоминаний о войне, о послевоенной жизни в сёлах, интересные фотографии односельчан. Также ты узнаешь, что я работал до войны фельдшером. Когда началась война, я ушел на фронт, оборонял Москву от фашистов. Уже в то время, идя на фронт, я знал, что буду сражаться за твоё будущее, за детей, внуков и правнуков. Думаю, что много раз в тихие, мирные вечера ты с мамой и папой будешь перебирать мои ордена и медали – память о том жестоком, но героическом времени.

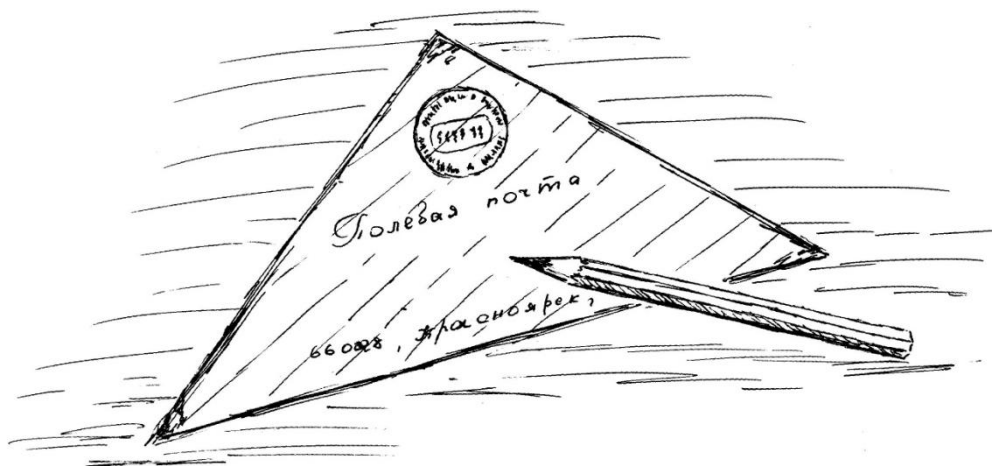
У каждого поколения своя судьба. Нам выпала война с фашизмом. Если бы не такие отважные, смелые, сильные духом солдаты, вставшие на защиту Родины, неизвестно, какая судьба выпала бы вашему поколению 21 века. Хотя и в вашем веке может быть не всё так

идеально. Всё будет зависеть от самих людей, от их характера, желаний, нравов, достатка... В общем, от душевного состояния. Мы – единый народ, только вот почему-то не все берут пример с тех, кто своей дружбой и отвагой победили.

Когда ты, Егор, пойдешь в школу, у вас обязательно будут открытые уроки, посвященные Великой отечественной войне. Вы будете писать сочинения, учить стихи, песни – они хоть и военные, но сколько в них вложено души и смысла!

За четыре года война унесла миллионы жизней. Среди них были дети, старики, женщины, мои ровесники, а им так хотелось жить, радоваться солнцу и мирному небу! Из письма ты поймешь, дорогой, что война – это слёзы, потери, смерть, это страдающая от взрывов наша родная земля, израненная и залитая кровью детей своих.

У вас совсем другое время по сравнению с нашим, выпавшим на Великую Отечественную войну, ваше поколение вырастет поздно, но оно должно знать, какой ценой завоевано счастье. Ваша задача как молодого поколения – сберечь светлую память о тех, кто отдал жизнь за вас, кто сражался за мир на земле.

Ольга Нифантьева

Сотрудница СФУ. Творческий человек и активистка литературного клуба «Высокий берег».

Помнить, чтобы жить

На параде в День Победы –
Ветер, холод, даже снег.
Водку тянут «для сугрева» деды.
Плачут миллионы человек.
Было семьдесят парадов
В День Победы над войной.
Ну, а в этот год, отрадно:
Солнце, зелень. На Душе покой.
Семь десятков лет Вселенной надо,
Чтоб сердца от горя излечить.
И найдёт героев новая награда –
Светлой памятью в потомках будут жить.
Семь десятков лет Вселенная «латала»
Память тех военных лет.
Свет Любви в сердцах оберегала,
Чтобы тьма сошла «на нет».
Кто-то скажет:
- Для чего нам помнить
Про бомбёжки, голод и нужду?
Лучше жизнь богатствами наполнить
И всего побольше притащить в семью.
Я отвечу:
- Нет семьи, в которой нет потери.
Нет семьи без предков боевых.
Помним для того, чтоб крепче верить.
Помним для того, чтоб в мире жить!

Мои предки – участники Великой Отечественной Войны⁶

Иван Степанович Тусеев (1887-1969 гг.), мой дедушка. Закончил Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана. В годы Великой Отечественной войны Иван Степанович работал старшим инженером в Наркомате боеприпасов в Москве. На 1957 год И.С. Тусеев – персональный пенсионер Всесоюзного значения. Участвовал в доставке боеприпасов в блокадный Ленинград по «дороге жизни» через Ладожское озеро. Награжден Орденом Красного Знамени РСФСР и Орденом Красной Звезды

Иван Степанович Тусеев

И. С. Тусеев и В. И. Ленин (карандашный рисунок с фотографии 1918 г.)

Анна Тарасовна Тусеева (1901(?)–1976(?)), моя бабушка, была учительницей английского языка. Во время войны она работала переводчицей при правительстве Москвы. Во время арталётов на Москву дежурила с детьми и мамой, Ириной Григорьевной Ивлевой (1879-1979), моей прабабушкой, на крышах московских домов, забрасывая песком осколки от зажигательных бомб.

Иван Яковлевич Землянка (1901–1941 гг.), мой дедушка, политрук, участник финской и Великой отечественной войн. Был в партизанском отряде, в августе 1941 г. пропал без вести.

Евдокия Артёмовна Чернова-Землянка (1905–1993 гг.), другая моя бабушка – труженица тыла. Была учительницей русского языка и литературы. В годы войны вязала варежки и шила фуфайки, работала в колхозе и школе, а также в колонии для несовершеннолетних беспризорников.

⁶ Подготовлено по материалам Ртищевской краеведческой энциклопедии

*Иван Яковлевич
Землянко*

*Евдокия Артёмовна
Чернова-Землянко*

Информация о чете Землянко размещена на стене памяти в городе Миасс (конструкция 4).

*Анна Тарасовна Тусеева (слева) с
дочерью Ией Ивановной*

*Ирина Григорьевна Ивлева (слева) с внучкой
Ией Ивановной Тусеевой*

Мои бабушка и дедушка Нифантьевы.

Евгений Сергеевич (1909–1977 гг.), техник-строитель, член Союза архитекторов СССР, руководитель государственных органов архитектуры, крупных проектных организаций в крае, автор путеводителя «Город на Енисее» (издан в 1954, 1973 годах). За заслуги перед Родиной Е.С. Нифантьев имеет множество наград, в том числе медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Надежда Николаевна (1911–1984(?)) во время войны работала фельдшером в военном госпитале, расположенном в школе № 10 г. Красноярска, вместе с Архиепископом Лукой Войно-Ясенецким. Кроме того, занималась благотворительной деятельностью по линии Красного Креста. Награждена медалью «За победу в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.

Еще один мой родственник, двоюродный дедушка, профессор Иван Исидорович Гунар (1906–1984 гг.). В свое время он был человеком довольно известным, одним из ведущих ученых Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева, учеником и продолжателем дела академика Д.Н. Прянишникова, основателем крупной научной школы.

Иван Исидорович Гунар

В тяжелые годы Великой Отечественной войны, от ее начала и до Победы, Иван Исидорович служил офицером-химиком в действующей армии. В военной лаборатории в трофейных научных материалах нацистов он сумел найти информацию об испытаниях гербицидов, на то время очень ценную.

За свою службу Иван Исидорович был награжден орденом Красной Звезды и многими медалями.

И после войны он вел активную научную деятельность, развивал биологическое образование в нашей стране, за что и был удостоен почётных званий Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, отличника Высшей школы СССР, отличника социалистического хозяйства СССР. За работы по химической защите растений Иван Исидорович был удостоен Государственной премии СССР. Под

редакцией профессора были изданы более 200 книг по современной биологии.

Умер Иван Исидорович в 1984 г. и похоронен на Востряковском кладбище в Москве

Из цикла «Примирение»

Сын

Моему сыну Алексею

Как удаётся женщине узнать,
Кто должен у неё родиться?
Откуда знает молодая мать,
Что сын иль дочка могут появиться?

Я знала сразу – это будет сын.
Уверенность была такая.
И я старалась, чтоб он счастлив был.
Трудилась, рук не покладая.

Стремилась изо всех я сил
Побольше денег заработать,
Чтобы о чём мой сын просил,
Смогла бы всё это исполнить.

Пришлось поездить мне по краю.
Работать и учиться по ночам...
Но как случилось так, не знаю,
Что холодно вдруг стало нам?

Казалось бы, чем меньше мелочной заботы,
Тем лучше для мальчишки развиваться.
Ведь в жизни нет важней работы,
Чем дать мужчине состояться.

Остался в детстве рано без отца,
Хоть на дворе не сорок первый.
Казалось мне, не отопреюсь никогда,
И стала я растить стальные нервы.

Себе отказывала в малом
И груз чужой вины тащила.
И не заметила, как стала
«Железной леди» я для сына.

А он старался с детским простодушием
Меня от непогоды защитить.
Затем стал дерзок, непослушен,
Когда любовь не смог мне объяснить.

Всё больше было отчуждение,
Ты начал грубость проявлять.
Ну что ж, видать пришло мгновение
Тебе, сынок, всё откровенно рассказать.

Ты, сын, уже мужчина взрослый.
Пора тебе, мой дорогой, понять,
Что женщине одной непросто
Детей растить и поднимать.

И всё же, я горжусь тобою
Не в смысле неземного восхищения.
Идёшь ты верною тропюю.
Так будь, мой сын родной, благословенный!

Муж

Дарил букеты ты мне часто,
Браслеты, кольца покупал.
Писал стихи довольно страстно,
В кафе водил и целовал.

Друзья тебе завидовали потихоньку,
Меня стремились соблазнить.
Мои подруги полегоньку
Старались «колья между нами вбить».

Я, как могла, наш мир оберегала,
Старалась всем им «показать».
Но, видит бог, лишь одного желанья мало,
Ведь надо мир любви вдвоём оберегать.

Решила я, пусть чередом своим идёт.

Понаблюдаю я чуть-чуть в сторонке,
Но вскоре поняла, что это мой просчёт,
И получила я щелчок от жизни звонкий.

И всё же прошлым не хочу я жить,
Ведь жизнь моя не лыком шита.
И хватит прошлый мусор ворошить,
Да, ведь сегодня мы с тобою квиты.

Давай же, муж, сумеем мы простить,
Откажемся от распрей и скандалов.
И каждым днём с тобою будем дорожить,
И жизнь свою начнём и ты, и я сначала!

Внуки

Даются внуки нам в награду,
Чтоб след оставить на земле.
Благодарить нам Бога надо
За поворот такой в судьбе.

Даётся нам с тобой возможность
Ещё раз счастье испытать.
Воспитывать детей нам было сложно.
Нам дали внуков, чтоб Любовь понять.

Мы детям уделяли крохотное время.
Всё зарабатывали место, деньги, имидж.
Вдруг появилось незнакомое нам племя.
Они такие. Примешь ты или не примешь.

И лучше будет, если ты сумеешь
Понять язык, которым внуки говорят.
Ручонками обнимут – ты от счастья млеешь,
Готов расцеловать ты всех подряд!

Вы знаете, какое милое занятие
Рисунки вместе рисовать?
И вместе посещать кружки, занятия,
Ходить в кино, игрушки покупать.

Мы с ними молодеем год за годом,
Умнеем вместе с ними по часам.

Как будто снова слышим зов Природы,
Порой не верим мы своим глазам.

И хочется нам внукам дать так много,
Насколько обделяли мы детей.
На внуков мы глядим не слишком строго,
И наши лица становятся светлей.

Для внуков ты всегда находишь время
Вести беседы без начала и конца.
Воспринимаешь внуков ты как гениев,
И это не для «красного словца».

На мир ты смотришь удивлёнными глазами
И в каждой мелочи находишь красоту.
Не верите? Попробуйте, взгляните сами.
Так внуки в нас рождают доброту!

Невестка

Моей невестке Светлане

Кто нам внушает глупость эту:
Невестка и свекровь – враги?
А я хочу сказать на всю планету:
Невестка и свекровь – подруги.

Ведь как доверить дорогое
Невестке, если она – враг?
Как вырастить зерно благое
Помочь тебе сумеет враг?

Нам надо изменить понятие,
Забывать, что разные по крови.
Навстречу распахнуть объятия
И от души желать здоровья.

Светлана – имя у невестки,
Что значит светлая, родная.
Я не могу понять, хоть тресни,
Нам для чего вражда чужая?

Она заботлива, приветлива.

Прекрасная жена, подруга сыну.
Как молодая женщина – кокетлива.
Кто ж будет против этой «половины»?

Могу своей невестке пожелать одно:
Стремись, дерзай. Люби самозабвенно!
Твори своей семьи ты полотно.
Шагай по жизни смело и уверенно!

Полёт на воздушном шаре.

«Нам часто приходится выбирать между безопасностью и личностным ростом. И в таких ситуациях мы всегда должны выбирать рост, снова и снова преодолевая свой страх».
Абрахам Маслоу

Решенье важное не можешь ты принять,
Не можешь отказать чужим желаниям?
Я предлагаю на воздушном шаре полетать
И с высоты взглянуть на мироздание.

Там, наверху, твои «серьёзные» вопросы
Теряют важность, их значение мельчает.
Там, наверху, мгновенно ты находишь способ
И «зёрна от плевел» прекрасно различаешь.

Ты не решилась новым древность заменить,
Сменить занудного и жадного мужчину?
Вперёд, вперёд с воздушным шаром ты лети!
Держись руками за плетёную корзину.

От широты пространства радостно и ясно.
Ты можешь смело трогать облака рукой
И понимаешь, что живёшь ты не напрасно,
Вдохнёшь, и, обновлённая, идёшь домой.

Моя Стипенсия! Ура?

С благодарностью Василию Никуленкову⁷,

И вот приходит день и час,
Когда страна родная нас
Пенсионерами готовится назвать.
И время нашего «дожития» нам «предсказать».

Душа трепещет и вздыхает,
Над миром больше не порхает.
И сны весёлые не снятся боле,
Пардон, «по старости старушке» Оле.

Так продолжалось месяц, два и три.
Затем Душа сказала: »Знаешь что, смотри.
Ведь пишут много где чего, и на заборе тоже,
Но нам об этом говорить негоже.

Ты у меня спроси, насколько я стара.
Могу стихи писать я до утра.
Или пешком ходить помногу километров.
Иль с внуками общаться беззаветно.

Иль, например, устроить фотосессию природе.
Могу одеться «по последней моде».
Легко и женственно на сцене выступать,
С восточной группой танцы «зажигать».

С друзьями встретиться в кафе
Научном, а не так себе.
И с радостью зайти в салон
Литературный, рядом он.

Ты посмотри со стороны,
Как будто это и не ты.
Сама-то как относишься к себе?
Какие мысли бродят в голове?

⁷ Научный сотрудник СФУ, кандидат исторических наук, смелый, решительный и оптимистичный человек

Давай, родная, мы утопим это горе
В стакане подогретого Кагора.
Смотри, и мысли стали чище,
И облака красивее и выше.

Ну вот и слава богу, отошла.
И новое занятие для себя нашла.
Теперь ЖИВИ и РАДУЙСЯ, родная.
Иди вперёд, улыбкою сияя!».

Бабье лето⁸

Золотые рубрики
Под ноги ложатся,
Бабье лето длится,
Будет продолжаться.

Мы напьемся солнышка
Досыта, до донышка.
Осенью надышимся,
Ветром наколышемся.

Шёлковые рубрики
По ветру кружатся,
Первые снежинки
Под ноги ложатся.

Бабье лето коротко
В душу нашу стукнется,
Звонкою кукушкою
По лесу аукнется.

«Приходи, подруга,
Вместе покукуем.
Перед стужей зимнею
С Солнцем побалуем».

⁸ Так называется начало осени (с 1 до 10 сентября), когда по воздуху носятся белые нити (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона).

Моё место в Мире

*С благодарностью
Александру Парфёновичу Свитину⁹*

Кто Я? И место в ЭТОМ мире где моё?
К чему сейчас моя Душа стремится?
Как распознать предназначение своё?
И где возможностям моим раскрыться?

И каждый, рано или поздно,
Себе подобные вопросы задаёт.
Везде ответы ищет, где возможно,
И разными путями к ним идёт.

Бывает беготня по кругу,
Бывает труден и извилист путь.
И смотрят люди друг на друга,
Определяя, где наверняка свернуть.

Итак, мы все идём к единой цели:
Стать частью целого хотим.
Проходим круговерти, мели,
Пока свои задачи не решим.

В конечном счёте, мы приходим к Богу,
Осознавая сопричастность с ним.
И принимаем слово мы от Бога
Всем сердцем, разумом своим.

В основе мироздания – Любовь,
И к ней Душа твоя стремится.
Чтобы почувствовать единство вновь и вновь
И заново в Любви родиться.

⁹ Красноярский поэт и писатель, кандидат химических наук, доктор философских наук, профессор СФУ.

Счастье – это свеча

*«...Счастье – это свеча, не смейся громко,
чтобы не задуть его...».*

Кристоф Маэ, «Где оно, счастье».

Счастье – это свеча.
Перестань рубить с плеча,
Перестань говорить сгоряча,
Счастье – это свеча.
Дом, где живёт мечта,
Дом, где живёт красота,
Счастье – это свеча.
Пусть ты грустишь иногда,
Пусть ты молчишь иногда,
Счастье – это свеча.
Хоть одинок ты сейчас,
Хоть кричишь ты подчас,
Счастье – это свеча.
Разве ты любишь себя?
Разве ты ценишь себя?
Счастье – это свеча.
Жизнь незаметно прошла,
Жизнь потрепала тебя,
Счастье – это свеча.
Но прекрасна твоя Душа,
Но сияют твои глаза,
Счастье - это свеча.
Бывает невидимо иногда,
Бывает хрупкое иногда,
Счастье – это свеча.
Открой для счастья глаза,
Открой для счастья сердца,
Счастье – это свеча.
Оно здесь и вокруг тебя,
Оно было с тобой всегда,
Счастье – это свеча.

Игорь Носков

Выпускник физического факультета КГУ. Творческий путь начал в 1992 году. Писал по большей части песни, которые исполнял под гитару. Участвовал в бардовских фестивалях г. Красноярска. Был активным членом литературного клуба «Высокий берег» и литературного общества «Русло». Публиковался в альманахах «На высоком берегу», «Русло» и в двух коллективных сборниках. Был участником межрегионального поэтического состязания «Король поэтов» в 2004 и 2006 годах и финалистом «Короля поэтов» 2008 года.

Я не мог не вернуться с войны...

Я ведь мог, милый мой, не вернуться с войны,
Я шагал по войне, что есть силы,
И навек заработать глоток тишины,
И вообще не увидеть Россию.
Должен был быть подкошенным в первом бою,
Мне тогда, дай Бог памяти, братцы, –
(хоть я не был в обиде на память свою) –
Отстучало всего девятнадцать.

В сорок третьем под Курском горели хлеба,
Словно щепки, с пронзительным треском,
А раз так – пострашнее была молотьба
В поредевшем сухом перелеске.
Там наш взвод окопался в июньской ночи –
Все подряд молодые ребята.
Только наш лейтенант, он был лет двадцати –
Тот считался бывалым солдатом.

Разобрались, легли, получили приказ,
Чтоб ни шагу назад – и засохни!
Перед самым рассветом глядим, а на нас
«Тигры» прут, ну, примерно полсотни.
И в башке не осталось ни мыслей, ни слов,
Вот и здесь – маета спозаранку...
А до танков всего две-три сотни шагов...
Тут и вся моя жизнь наизнанку.

Дальше что? – мясорубка напрямую была,
Все легли во главе с лейтенантом,
Но из этих зараз ни одна не прошла –
Были живы ещё мы с сержантом!
А потом и его, а потом и меня
Враз накрыло всего с головою.
Только помню: подумал, что, видимо, я
Встречусь только со смертью одною.

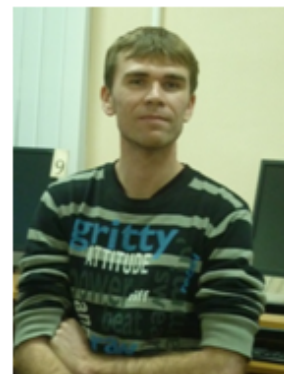
Но ведь нет – сквозь песок и кровавую муть,
Сквозь колодец глухой и бездонный
Кто-то вытянул вверх и позволил вздохнуть.
И какой-то был голос знакомый...
Оклемался чуть-чуть, посмотрел – Бог ты мой!
Меня за ноги тянет куда-то
Вполовину поменьше, в сравнение со мной,
Медсестричка родного санбата.

Долог, короток ль путь, а кругом только ночь,
И в глазах только черные искры.
А она мне: «Терпи! Надо жить! Надо смочь!
Здесь уж рядом, совсем уже близко!».
И почти доползли, но случился налет –
На войне это так, между делом,
И она посреди пересохших болот
Вдруг закрыла меня своим телом.

И уж больше не встала сестричка моя,
А осталась лежать, обнимая.
Как же так? Не она ведь должна быть, а я
В землю вбитым до самого края!
И тогда я решил, что уже не умру,
Не сгорю, как полено от спички,
Я дойду до Берлина и там тишину
Раздобуду для этой сестрички!

Константин Полянский

*Выпускник Института космических и
информационных технологий СФУ. Аспирант.*

Тем, которые воевали за мир

Был воин из брони и стали,
Но вдруг большое сердце сжалось...
За храбрость бы носить медали,
Да пал, за Родину сражаясь...
Он до последнего держался,
Фашистам не давая хода,
Но с пулей вражьей повстречался
Защитник русского народа...

И крест на жизни... Все тут, точка!
Судьба героя решена.
А дома ждут жена и дочка...
Им не вернет его война...
В Европе он четыре года
За счастье Мира воевал.
Жизнь за судьбу всего народа
Он без раздумья всю отдал...

Он не дошел к заветной цели,
И путь к Берлину был далек,
Но, погибая, твердо верил –
Победы вспыхнет уголек...
За мир, которого нет краше,
За то, что бомбы не летят,
Мы головы склоняем наши
Пред мужеством твоим, солдат...

Пусть отзвук славы будет громок,
И в светлой памяти хранит
Бессмертный подвиг твой потомок!
Ничто не забыто, никто не забыт!

Война

Посмотрев на вещи шире,
Понимаем мы вдвойне –
Лучше сгинуть в дряхлом мире,
Чем цедить жизнь на войне...

Лик войны суров и мрачен,
Но забыт и он в момент...
И его сквозь время прячем
Мы в архивы кинолент...

И забытою старухой
Вновь приходит к нам она...
Пахнет смертью и разрухой,
Зло несет с собой война....

Сотни лет, какая мерзость,
Новых не найдя затей,
Человек имеет дерзость
Истреблять других людей...

Ведь для счастья был рожденным,
Но однажды, в смутный век,
Встал под темные знамена...
Что с тобою, Человек?

Ты ли тот венец природы?
Ты ли мудрость, ты ли стать?
Отчего ж твои народы
Так привыкли воевать?

Тут разумных объяснений
Как ни бейся – не найти,
Череда всех разрушений –
Словно крест в конце пути...

И на грани увяданья
Мимолетных мирных лет
Ты, как будто в наказание,
Тянешь вновь войны билет...

Самозванною старухой,
Зла, убога и скверна...
Вновь и смертью, и разрухой,
Обернется вдруг война....

Только вот какая штука –
Мир войной стал одержим,
И война нам не наука,
Миром мы не дорожим...

Что это – закон природы,
Просто участь, злой ли рок?
В войнах пропадают годы,
Не пора ль извлечь урок?

И страдания, и слезы
За какие нам грехи?
Ну, к чему от мирной прозы
Лезть в военные стихи?

Чтобы дряхлая к нам снова
Как обычно, не одна
Приползла змеей очковой?
И опять, опять война....

Посмотрев на вещи шире,
Станем мы умней вдвойне...
Скажем «Да» мы жизни в мире,
И ответим «Нет» войне!!!

Главный день Мира

Девятым днем Святого Мая
Из всех прошедших годовщин
Грядет важнейшая – я знаю,
Где будут чествовать мужчин!

Весенний снег там будет таять
На плитах вечного огня...
Он возвестит о том, что память
Не гаснет в нас день ото дня!

И, глядя с трепетной любовью
На грудь в медалях боевых,
Мы вспомним мужество героев,
Ушедших, но в сердцах живых...

Их дело доблестно и свято,
Живет их подвиг сквозь года,
Они в далеком сорок пятом
Нам подарили Мир тогда...

И в этот славный юбилей
Придем с поклоном, как один,
Мы к тем, кто в Матушке-Земле,
И к тем, кто дожил до седин...

А ветераны будут гордо,
Годам прошедшим вопреки,
Стоять величественно, твердо,
Прижав гвоздичные цветки!...

И в вихре праздничного света
Под звон бокалов грянет пир,
И будет праздновать Планета
Когда-то долгожданный Мир!

Относись к ближнему

Философия сильных – «Уступит слабейший»,
Философия слабых – «Умей уступать»...
Я сижу у окна, глядя в мрачное небо,
Кто же прав, я пытаюсь понять...

Тяжкой думой окутан, бросает в смятенье,
Мысль терзает и держит меня лишь одна:
Философию чью, взяв на вооруженье,
Жизни чашу мне выпить до дна?..

Посудите вы сами, какое блаженство
Свою силу и власть ощущать,
Быть сильнее других, знать, что ты – совершенство...
А на всех на других наплевать...

Ты силен! Ну, подумай, чего ж тебе боле?!
И кому-то зачем уступать?..
На чужую на грудь ставить ногу ты волен,
Целью средства решив оправдать...

Сам себе господин и, не внемля пророку,
В поединке со злейшим врагом
Не подставишь за правой ты левую щеку,
Жалость вновь отложив на потом...

Так закружится дней одиночества рой...
Станешь ты лишь врагов наживать...
А друзья? Их, увы, рядом нету с тобой.
Это те, кто не смел впереди друга встать...

И пройдут твои годы бесследно, бесценно.
Не один уж успел впереди тебя встать...
«О, мой друг, ты силен?». Скажешь: «Нет, несомненно!
Почему я не мог уступить?».

Через тернии к звездам

В пространство сказочных миров
Стремилась, целилась Планета...
А он один лишь был готов
Подняться к звездам. И ракета
Его звала в далекий путь
Навстречу к славе незабвенной...
И видел каждый, что чуть-чуть –
И распахнется дверь Вселенной...
Летели мачты, был металл
Под гул турбин раскатом грома...
Гагарин раньше и не знал,
Что невесомость так весома...
И был отмечен тот полет
Под легкий взмах его руки...
«Поехали!», нас Космос ждет –
Он всем запомнился таким,
И через призму многих лет
Его потомкам стало ясно –
Он шел тропой больших побед,
Он шел «Per aspera ad astra»!...

Маргарита Радкевич

Поэт, одна из победителей поэтического конкурса «Король поэтов-2004», автор проекта компакт-диска «100 женских творчески лиц Красноярского края», композитор-песенник, участник проекта «Песни на берегах Енисея». Публиковалась в краевых, региональных и всероссийских изданиях.

*Светлой памяти моего дедушки
Александра Алексеевича Романова (1895 – 1994 гг.)*

Я сегодня хоронила деда...
Сжалось болью у меня внутри,
Послезавтра будет
 День Победы,
Цену дню такому плохо
 знаем мы.

И за что и как мы заплатили –
Знают вот такие, как мой дед.
И взамен награды не просили,
Им наградой были жизнь и свет.
Но уходит это поколение,
И ушёл сегодня мой... родной.
Силой было у него – терпенье.
И теперь настал его покой.

Он за долгий век
 (почти столетье!)
Чистоту души не растерял,
Сердца доброту и человечность –
Самый главный жизни материал.
Он достойно прожил свои годы,
Прошагал немалый жизни путь.
И, я думаю, совсем неплохо
Походить на деда
 в чём-нибудь.

Россия, прошлое твоё нам не чужое...

Кто говорит, что лечит Время?
Защиты раны нитью лет.
Войны осколочное бремя,
И радость снова видеть свет.
Как метроном часов – стук сердца,
Ритмичен жизни мерный шаг.
И снова песни будут петься,
А рядом – друг и рядом – враг...
А по ночам мне снятся пули,
Свистящие вновь у виска.
Летающий рой – свинцовый улей,
По мирной Родине тоска.

*Погибшим
в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг. посвящается*

Мне никогда не будет двадцать два,
А так хотелось, Боже, как мечталось...
И на перроне вечная вдова
Среди случайных поездов металась.
Мне никогда не будет двадцать пять,
Лишь, тихо пробираясь к обелиску,
Безвременно стареющая мать
В поклоне трепетном к земле пригнётся низко.
Мне никогда не будет тридцать лет,
Когда, зажав в своей руке ручонку,
Войдём мы в класс, а значит – добрый свет
Увидят ясные глаза ребёнка.
Мне никогда не будет шестьдесят,
Когда, преодолевая боль с трудом,
Детишкам-внукам, севшим дружно в ряд,
Поведаю о времени военном том.
И старости в глаза мне не взглянуть,
И не увидеть будущего лица.
И хоть недолгим был мой жизни путь,
Пусть война не сможет повториться...

Раз в год

Раз в год на праздник в День Победы
Идёт, как прежде, ветеран.
Ладонка правнука в руке у деда –
Лекарство от душевных ран...

Эхо войны

Лишь в сорок третьем воевать он начал.
Над ним смеялись: полуфронтовик.
Не обижался. Он-то знал, что значит
Два года и послевоенный лик...

Ночами плакал. Не коснулась пуля
Ни рук, ни ног... лишь, душу прострелив,
Порою над виском, как будто улей,
Звенело эхо...той войны мотив.

Понять он до конца не мог такого –
Вины своей послевоенный груз.
Он никому не говорил ни слова,
Как в сорок первом клялся: «Я вернусь!».

Исполнил клятву он, но Память чёрной раной
Мешает жить и вновь встречать рассвет.
И объяснять, пожалуй, слишком рано,
И за плечами – время горьких лет...

Торопитесь мир обнять руками,
Чтобы понял он, что нужен вам,
Обменяйтесь добрыми словами,
Улыбнитесь добрым тёплым сном.
Это – СЧАСТЬЕ! Люди, это – СЧАСТЬЕ!!!
Утром – вновь по травке босиком!
И соседки-бабушки простое: «Здрасте...»,
И, что жив на свете, – в горле ком.
Торопитесь мир обнять руками...

Просьба солдата

К фронтовику меня позвали в гости,
И я пошла, чтобы его послушать.
Я знала: у солдата ноют кости,
И память болью разрывает душу.

Остановилась молча у порога,
Услышав тихое: «Ты где там? Проходи...».
Ответила: «Я ненадолго...на немного...».
Похолодело у меня в груди.

«Садись...». Я села. Не подал он руку,
Моя протянутой осталась без ответа.
Два рукава – пустым пространством муки.
«Вот... в сорок третьем...тем июльским летом».

Я наливала чай и говорила что-то,
Я так боялась звука тишины.
А он мне: «Как учёба? Как работа?».
В сознании эхо выстрелов слышны.

В углу покрытый пылью ящик-чемодан...
С солдатом старым мы слышали друг друга.
Играл когда-то шустрый мальчуган:
Звучали вальсы, танцы, песни, фуги...

И вот в моих руках аккордеон.
Давно не знали слёз глаза солдата.
И вместе с ним звучал, играя, он,
Как в киноленте, промелькнули даты.

«Ты приходи ещё, – сказал солдат, –
Не должен вновь молчать аккордеон.
Я буду ждать, я буду очень рад,
А день сегодня светлый, будто сон...».

Ольга Рушелюк

*Выпускница Инженерно-педагогического факультета КГТУ.
Пришла в литературный клуб «Высокий берег»
пятиклассницей. Сочиняет с пяти лет. Ее папа –
преподаватель – всячески поощрял талант дочери.*

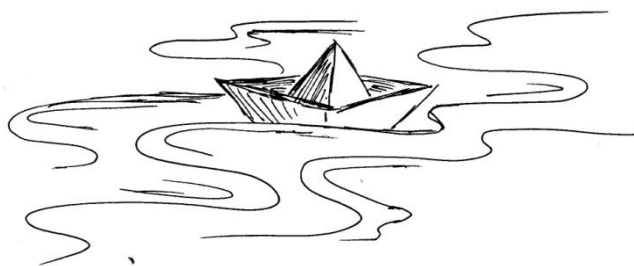
Россия

Здравствуй, матушка Россия!
Ты пьяна не от вина,
Ты пьяна победой, силой,
Тем, что кончилась война.

Годы быстро пролетают,
Но тебе и они ни о чем,
И все также купола сверкают
Русских церквей, золоченые.

Также весело, быстро и радостно
Ручейки по весне зазвенят.
И как будто войны – нет и не было,
Птицы вновь по лесам загалдят.

Заспешат на работу прохожие,
Дети в школу с утра заспешат,
И счастливые, полные радости
Их сердца все сильнее застучат.

Ирина Синьковская

Кандидат социологических наук, доцент кафедры Социологии Института педагогики, психологии и социологии СФУ.

Сибирский характер

Известно, что не каждому по плечу стать военным. Это святая профессия. Чтобы им быть, надо, прежде всего, родиться воином. Далеко неслучайно во все эпохи люди в военной форме были привилегированным слоем общества, находясь не просто на службе у государства, а на особой госслужбе. Во времена военных вторжений, когда необходимо защищать свою территорию, свою независимость, свой народ, страна превращается в единый боевой лагерь, (как во время Великой Отечественной войны (ВОВ), и роль военных профессионалов резко возрастает, ибо цена военных успехов и военных поражений – жизни сограждан. Нет сомнения, что День защитников Отечества и День Победы – важные государственные события, позволяющие определить морально-нравственное состояние народа и обороноспособность государства, высокий уровень которых становится надежным гарантом мирного сосуществования в международном масштабе.

В нашей семье эти праздники мы отмечали всегда вместе с моим дедом – Васильевым Георгием Александровичем, профессиональным защитником нашего Отечества. Он потомственный красноярец, родился в 1921 году, в семье военного инженера 2-го ранга. После окончания школы № 36 (базовая школа пединститута) он собирался поступать в Оренбургское летное училище, но увлекся футболом и стал одним из основных игроков в юношеской футбольной команде «Динамо», которая в 1938 году, победив в кубке РСФСР команды Дальнего Востока, Сибири, Урала, вышла в полуфинал, где уступила команде Московской области. После игр в Оренбург ехать было поздно. До призыва в армию еще оставался год, поэтому, получив направление, дедушка уехал на работу учителем физкультуры в Березовскую сельскую школу, где из-за отсутствия преподавателей ему в 17 лет пришлось ещё вести уроки физики, математики и черчения.

Местный военком ему посоветовал поступить в старейшее в России Ленинградское артиллерийское училище и в августе 1939 г., выдержав сложный экзамен, он в него поступил. В самом начале мая 1941 года дедушка закончил его с отличием по первому разряду и, получив звание лейтенанта, стал командиром взвода разведки 200-го гаубичного полка, расположенного на Карельском перешейке, на границе с Финляндией. Именно там, в первый день войны, ему пришлось вступить в бой.

*Георгий Александрович
Васильев*

Георгий Васильев с сослуживцами

Тем самым, начав войну командиром взвода разведки, он закончил её в 23 года – майором, начальником разведки 17-й артиллерийской Киевско-Житомирской орденов Ленина, Красного Знамени и Суворова 2-й степени дивизии прорыва Резерва Верховного Главного Командования (РВГК). Дедушка сражался на Ленинградском, Карельском, Волховском, Брянском, Воронежском, 1-м Украинском фронтах. Участвовал в обороне Ленинграда, в прорыве его блокады, в Курском, Киевском, Корсунь-Шевченковском, Львовско-Сандомирском, Карпато-Дукельском и других крупных сражениях. В боях он получил 5 ранений, из них 3 – тяжёлые.

Не так часто вспоминая о войне, дедушка рассказывал о событиях, участие в которых определяло не только его судьбу, но и, иногда, ход всего сражения.

Букринский плацдарм. Полевой штаб 17 артдивизии прорыва РВГК во главе с её командиром, генералом С.С. Волкенштейном, обогнав походные колонны своих частей, первым подъехал к Днепру. На противоположном берегу кипел бой. Нашим стрелковым подразделениям, под покровом ночи, удалось переправиться и захватить небольшой плацдарм. Связь с ними отсутствовала. Но было

ясно, что там положение сложилось критическое. Как начальник разведки этой дивизии, мой дедушка получил приказ: с небольшой группой разведчиков и связистов любой ценой переправиться через Днепр, установить связь, чтобы корректировать огонь наших батарей. Взяв рацию, телефонные аппараты и несколько катушек кабеля, преодолев протоку, они вышли на остров, который обстреливался неприятелем. Отыскали лодку, но она оказалась под прицельным огнем. Попытка воспользоваться ей окончилась неудачей и принесла первые потери. Обстановка ухудшалась. Полученный приказ исключал всякое промедление. Дедушка решил плыть на этой лодке. Отобрали самых надежных, условились, что делать тем, кто уцелеет. Помог случай: появилась эскадрилья наших штурмовиков, и начался штурм вражеских позиций с воздуха. Противник заметил их только на середине реки и открыл яростную стрельбу. Повредило рацию, ранило радиста, но они все же смогли миновать зону обстрела и высадились на берег. За собой им удалось протянуть телефонный кабель – связь была установлена. Мощная артиллерийская поддержка подоспела вовремя, решив исход боя. Ночью через Днепр переправилось подкрепление, враг отступил. Так возник знаменитый Букринский плацдарм.

*Наградной лист Г.А. Васильева за операцию у
Букринского плацдарма*

Последнее сражение, в котором дедушка участвовал, произошло осенью 1944 года в Чехословакии, в невероятно трудной и

кровопролитной Карпато-Дуклинской наступательной операции. Для проведения этой операции были отобраны наиболее боеспособные воинские соединения. В Карпато-Дуклинской операции с обеих сторон участвовало более 30 дивизий, свыше 500 танков, 1000 самолетов, 4000 орудий и минометов. В жестоких боях враг потерял 31000 солдат и офицеров. Наши невосполнимые потери составили не менее 20000 человек. На Дуклинском перевале, в ноябре, мой дедушка получил последнее ранение осколком снаряда в ногу. Оперировал его начальник медсанбата, а ассистировала Елена Михайловна Волкенштейн – жена командира дивизии. Когда врачи ему ампутировали левую стопу, в расположение штаба дивизии проник хорошо вооруженный диверсионный отряд противника, завязалась перестрелка. Вместе с бойцами сражался и личный состав медбатальона. Операционную палатку пробивали осколки и пули. Дед был под общим наркозом, но врачи, спасая его, успешно закончили операцию и День Победы он встретил в Тбилисском офицерском госпитале. Накануне (утром) дедушке сделали очередную операцию, острая послеоперационная боль заполняла все, но фронтовые события, начиная с рокового 22 июня 1941 года, все время мелькали в его памяти... Он только в марте 1946 года выписался из госпиталя. И снова в строй – помощником начальника штаба по артиллерии 49-го Бухарестского гвардейского стрелкового корпуса, который тогда находился в Красноярске. В июне 1946 года, когда рана снова открылась, он демобилизовался из армии.

За ратный труд Георгий Александрович награжден орденами: Красного Знамени, двумя – Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и медалями: «За Отвагу», «За оборону Ленинграда», «За оборону советского Заполярья», чехословацкой «Честь и слава Дуклинским героям», двумя чешскими памятными медалями в связи с 50-летием и 60-летием окончания Второй мировой войны, а также отечественными юбилейными медалями.

Завершить тему войны хочу информацией о командире 17-й артдивизии прорыва РВГК, Герое Советского Союза генерал-майоре С.С. Волкенштейне, под командованием которого воевал дедушка. Маршал И.С. Конев в своей книге «Записки командующего фронтом» написал, что она «... была лучшей дивизией фронта». И неслучайно, на Параде Победы в Москве, генерал С.С. Волкенштейн прошел во главе батальона в парадном расчете Сводного полка 1-го Украинского фронта. Кстати, интересны моменты, которые связывают С.С. Волкенштейна с нашим городом. В начале ВОВ он был начальником Киевского артучилища, эвакуированного в Красноярск. Здесь он был награжден именованным маузером за помощь в подготовке командных кадров для фронта. Наш знаменитый писатель В.П. Астафьев воевал в составе 17-й артдивизии прорыва РВГК, и после войны был хорошо

знаком с С.С. Волкенштейном. В журнале «Енисей», №6(192), 1989, стр.70-73, в рассказе «Дальний свет», он о нем много рассказал: «На склоне лет со всей уверенностью могу утверждать, что есть у человека путеводная звезда и судьба, ему предназначенная свыше. Из многих поразительных судьбоносных совпадений в моей жизни выделю вот это: на пути в 17-ю артдивизию я мог...». Так начинался его рассказ.

В послевоенные годы мой дедушка преподавал специальные военные дисциплины в Красноярской школе военных техников, был замначальника этой школы. В сентябре он поступил в пединститут, а в 1951 г. с отличием окончил исторический факультет. Работал учителем в школе №7, директором школы №12. В октябре 1952 года прошел по конкурсу в Сибирский лесотехнический институт. В 1959 г., минув аспирантуру, он защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом и, прослужив здесь непрерывно 4 десятилетия, вышел на пенсию. Он много времени уделял научному изучению истории ВОВ и гражданской войны в Сибири. Им опубликовано более 80-ти книг, брошюр и статей. Не прекращая сотрудничество с вузом, он на общественных началах вел большую работу по патриотическому воспитанию школьников и молодежи в совете ветеранов Центрального района г. Красноярска.

В 2000 году ему присвоено звание Почетного Ветерана труда СибГТУ и воинское звание полковник.

20 ноября 2012 г. за 2 недели до кончины (6.12.2012г.) он выступал с большим докладом «Судьбоносная быль» на Всероссийской научной конференции «СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах (1939-1945 гг.)», посвященной 70-летию Сталинградской битвы.

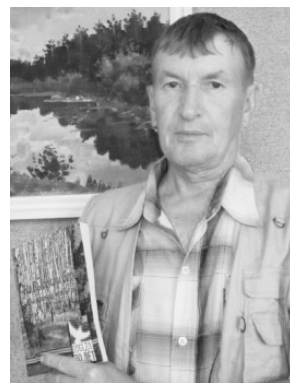

Георгий Васильев с женой Ольгой Павловной

Евгений Топорков

«Я не рассчитываю на признание меня профессиональным поэтом, но рад, что у меня есть этот скромный дар, позволяющий глубже понять и принять окружающий мир, делиться своими открытиями с близкими и друзьями».

Читателям альманаха «Высокий берег» Евгений Топорков знаком как один из авторов предыдущих сборников. Сегодня мы публикуем его новые стихи.

9 мая 20.. года

С ветераном последним, ушедшим вчера,
Закрываем страницы великой войны.
И пронзительной болью вздохнёт тишина,
Мне вовек бы не слышать такой тишины.

Я рассеянным взглядом вокруг поведу –
В этот год они с нами сюда не придут.
Да имеющий сердце не сдержит слезу,
Батальоны солдат в наших мыслях встают.

Не пришлось им увидеть победы огни,
Не пришлось им награды носить на груди.
Шли на запад потом. А пока – на восток.
Из наград – лишь один неприметный значок.

Мы из хроники старой увидим войну,
Сквозь года лица в кадрах глядят на живых.
Ведь они отстояли твою тишину
И погибли в боях за потомков своих.

С ветераном последним, ушедшим вчера,
Закрываем страницы великой войны.
И пронзительной болью вздохнёт тишина –
Мне вовек бы не слышать такой тишины.

Лилия Федяева

Выпускница Института экономики, управления и природопользования СФУ.

Активистка клуба, творческий человек и мастерица на все руки. Любит природу, путешествовать и, конечно, писать стихи.

*Моему деду Игнату
и всем воинам, погибшим в боях ВОВ*

Мой дед Игнат был на войне, на танке бил врага,
Наград он много заслужил, и ранена нога.
Пришел с войны немолодой – уж скоро пятьдесят,
Но полон сил и чуть хромой. Что жив, конечно, рад.

Вернулся он в родной Убей, к семье, к своей жене,
Забот полно, он на коне работает в селе.
Поднять совхоз, построить дом и распахать жнивье,
Чтоб заработать трудодни и средства на житье.

Не любит дед мой вспоминать про бой и жуткий час,
О том, как ранен был, и друг его от смерти спас.
О том, как страшно на войне товарищей терять,
Как трудно было, и порой к машине примерзал.

И вот теперь он – ветеран, в стране ему – почёт.
Открытка, праздничных сто грамм нальют один раз в год.
А память блекнет с каждым днём, уходит вдаль война,
Но только не забыть тот бой, где ранена нога.

Игнат Егорович Сиротинин (1914–1964 гг.)

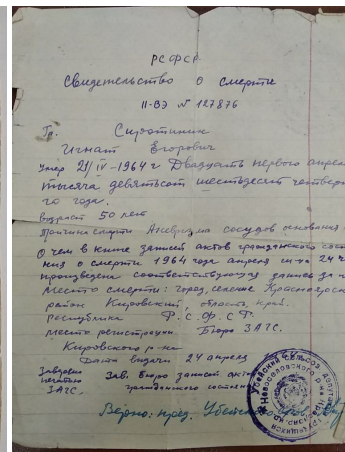
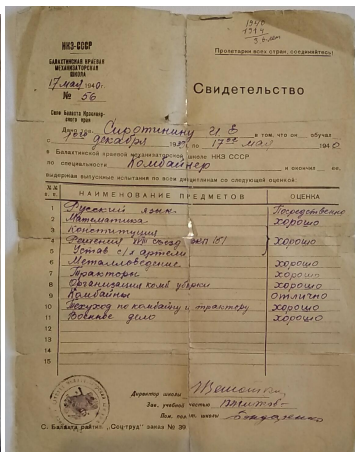
В 1939-1940 гг. обучался в Балахтинской краевой механизаторской школе НКЗ СССР и получил специальность комбайнер.

На фронт призван в 1941 году, из села Брагино, Новоселовского района. Рядовой.

Воевал на Украине вблизи села Волохов. В одном из боев был ранен в ногу, попал в плен, увезен в германский лагерь для

военнопленных. Из плена бежал, но был пойман и затравлен собаками, но мысли о побеге не оставил. И когда немного окреп, то в мае 1943 года совершил второй побег из плена. Оказавшись у своих, был отправлен на лечение в военный госпиталь. На фронт не отправили из-за ранения.

В родное село вернулся после окончания войны, работал на ферме ветеринаром.

Справа налево: Сиротинин Игнат Егорович, свидетельство об окончании школы комбайнеров, свидетельство о смерти

Осеннее сватовство

Снова осень примеряет снежный сарафан,
Кружевной тесьмою белой подвязала стан.
Словно юная невеста нарядилась в белый цвет,
Золотые косы листьев спрятала под снег.

Ей несмело лёг на плечи первый рыхлый снег,
Нашептал хмельные речи, замуж звал навек.
Обещал дворец ледовый, с серебром вуаль,
Словно в сказке расписную, снежную, миткаль.

Только осень рассмеялась, скинув первый снег,
Прыснув соком спелых ягод, словно захмелев.
Закружила вальсом в поле: «Золотой мотив»...
Вновь надев наряд осенний, листья подхватив.

Нет, не хочет покориться стуже, снегу и зиме,
Златокудрая Царица, крона в ярком янтаре.
Будет осень снова мерить желтый сарафан,
А зима ей шить ночами свадебный наряд.

Судьба

Никто ни в чём не виноват,
Судьба порою бьёт наотмашь.
И хочется от боли выть, кричать
Иль просто оступить в пропасть.

Никто ни в чём не виноват,
Как говорят, всего лишь случай...
И не вернётся миг назад,
Где нам с тобою было лучше.

Никто ни в чём не виноват,
В твоих глазах я вижу ужас.
И не прорваться нам назад,
Где рядом был и был мне нужен.

Никто ни в чём не виноват,
Но где же ты, тебя нет рядом.
Мне больше нет пути назад,
И не поддержишь больше взглядом.

Никто ни в чём не виноват,
Да не ищу я виноватых,
Такой уж у судьбы расклад,
Пусть он не будет нам расплатой.

Пусть не коснётся он тебя,
У каждого своя дорога.
Я знаю твёрдо во сто крат –
Никто ни в чём не виноват...

Юность пахнет первым цветом вишни,
Свежим, летним ветерком ночным.
Сладким, опьяняющим дурманом,
Первым поцелуем колдовским.

Ежегодный цикл

Низко серое небо нависло,
Облаками касаясь земли.
Головою берёзка поникла,
Ветры косы её расплели.

Уронила рябина горсть ягод,
В ряд осинки трепещут листвою.
Пробежал тихо заяц трусливо,
Притаился в чащобе лесной.

Вновь пришла в лес пора золотая,
Всё осыпав багряным листом.
Журавли клином вдаль улетают,
Покидая на время свой дом.

Ветер листья срывает и кружит,
Словно в вальсе танцует октябрь.
Чуть подмёрзли осенние лужи,
Листья клёна горят, как янтарь.

...А потом будет зимняя стужа,
К нам тепло долетает сквозь сны...
Снегом белым засыплет-завьюжит,
Засыпает Земля до весны.

Ах, Весна! Снова солнце и просинь!
Обновится природа, и вновь
Будет лето, за ним – снова осень,
С золочёным из листьев ковром...

Счастливый день

Мы с тобой катились с горки,
Был морозный зимний вечер.
Ты была в таком восторге,
Обхватив меня за плечи.

Помню, как пылали щеки
От твоих прикосновений.
Как с тобою было классно –
Мы неслись судьбе навстречу.

Вдруг свалились санки набок,
Очутились мы в сугробе...
Стало нам с тобою жарко:
Целовались на морозе.

Опьянели мы от счастья,
Ты шутила остроумно.
Целовал твои запястья
И любил тебя безумно.

Мы потом катились лихо
Снова, в пышные сугробы.
Про любовь шептал я тихо,
Про мороз, про день особый.

Было утро, был ли вечер,
Утонули дни в сугробе.
Вспоминаю наши встречи,
Поцелуи на морозе.

Пешеход

Если ты в автобусе едешь – время «Пик»,
Значит, ты дорожного движения участник.
Если ты ногой ступил на переход,
То тогда ты будешь, конечно, пешеход.

Если же собрался дорогу перейти,
Руку ты повыше смело подними.
Чтоб водители авто или КАМАЗов
О твоём намерении догадались сразу.

Спорить пешеход с машинами не пробуй,
Быстро пробегай-ка ты через дорогу.
Даже пусть горит тебе зеленый свет,
Веселей беги - времени ждать нет.

И по «зебре» проходи быстрее, не ленись,
Ожидающих тебя авто ты остерегись.
Коль умеешь сладить с «дорожной чехардой»,
То домой, конечно, вернёшься ты живой.

Скажите, кто не верит в чудеса,
Кто не желает счастьем поделиться?
Быть может, и живёт такой чудак,
Которому и сказка никогда не снится?

Скажите, кто не любит помечтать
О волшебстве, о чём-то бесконечном?
Или судьбу свою предугадать
И знать, что твоё счастье будет вечным.

Вы знаете, а я люблю мечтать,
С мечтами на Луну слетать несложно.
Люблю стихи о волшебстве слагать,
Ведь с волшебством все Чудеса возможны...

Безмятежность

А летом надо жить в деревне
И, конечно, у самой реки...
Чтобы курочки жили на ферме,
В полях чтоб росли васильки.

Чтобы чай с молоком и ватрушкой,
Цветы поливать из кадушки
И бегать тайком на опушку,
Чтоб жизнь нагадала кукушка.

А ещё собирать на лице веснушки,
Обгореть от пят до макушки,
Потом купаться в прохладной реке
И загорать на мягком песке.

Носить с большими полями шляпы,
Мечтать в тени под еловой лапой.
Ночами вдыхать ароматы прохлады,
А утром следить за звездопадом.

Собирать гербарий в старые книжки,
Носиться на велике, словно мальчишка.
До восхода солнца поработать тяпкой
И кушать свежий укроп – прямо с грядки.

Грусть

Я давно не писала стихи:
Захлестнула печаль и кручина...
Сердце сжалось от смертной тоски,
Спросишь ты: ну какая причина?

Потеряла я в жизни смысл,
Сердце гложет и гложет утрата,
В целом мире осталась одна,
За какие грехи мне расплата?

Заблудиться хочу я в лесу,
Потерять там хочу свое горе,
Уронить в омут слёзы, тоску,
Схоронить и запрягать - под корень.

Я весёлых стихов не пишу,
Ну, а грустных – хватает с избытком.
Стиснув зубы, по жизни иду,
День пытаюсь встречать я улыбкой.

Отпусти меня, боль и тоска,
Дай расправить мне крылья, как птице,
Мысль упрямо стучит у виска,
Дай мне к детям родным возвратиться.

Знаю точно, я детям нужней,
Видят помощь во мне и отраду.
Просто станем мы вместе сильнее –
Мне другого для счастья не надо.

Влюбленность

Увы, я не знаю «люблю» как сказать,
При виде тебя я собой не владею.
При каждом касании не смею дышать,
Себя я сдерживать от любви не умею.
Скажи же, куда мне можно сбежать,
Меня полюбить ты совсем не хотела.
Но снова и снова я буду мечтать,
Твоей благосклонности ждать неумело.

И опять снегопад

Снег идёт, какая прелесть! Стало всё белым-бело.
Пусть идёт, от снега свежесть и красиво, и светло.

Снег идёт, фильтрует воздух, очищает кислород.
Пусть идёт, хороший признак, вновь прозрачен небосвод.

Снег идёт. Но он не знает, что растает позже, днём.
В солнечных лучах играет, осыпает серебром.

Снег идёт, забылся малость, ведь зима уже прошла.
Для него весна, как шалость, только чувства разожгла.

Живи без слёз

Говорят, что слёзы очищают душу,
Говорят – поплачь и легче станет.
Может быть, и вправду мудрецов послушать,
Порыдать, поплакать – душу облегчая.

Говорят, от слёз проблемы да морщины,
Говорят, что слёзы портят цвет лица.
Говорят, что слёзы лишние причины
Завладеть симптомом «красные глаза».

И не стану плакать. Я - сильнее боли,
От обид-печалей ни к чему рыдать.
Слёз моих никто не видит,
Я всегда могу с собою совладать.

Чтобы облегчить свои страдания,
Лучше я в стихах вам душу изолью.
И пускай в слезах утонут стих и проза,
Как цветы, слезами строчки окроплю.

А бумага стерпит, мы ведь это знаем,
У нее нет сердца – доброты людской.
Ведь она от слёз, как мы, не раскисает
И всегда поддержит, словом и строкой.

Лето

Вот и снова лето! Будет скоро отпуск!
Я куплю билеты – на край света пропуск!

Сложу в чемодан свой нехитрый скарб:
Положу купальник да парочку панам.

Полечу на лайнере очень далеко,
Туда, где много чаек и море глубоко!

Там, где солнце жаркое, там, где лето – Рай,
Где песок у берега, только загорай!

Сяду я у моря на бархатный песок,
Ты побудь со мною, ласковый дружок.

Море тихо плещется, тих и свеж прибой,
Поболтаем весело ни о чём с тобой!

Будет солнце жаркое, будет полный пляж.
Буду вспоминать зимой летний свой вояж!

Натюрморт

Рисую я картину, ей тема – Новый год,
Гирлянды, серпантины, с гранатом натюрморт.
Художник я несмелый, и кисть дрожит в руке,
И краски неумело смешаю на доске.

Сначала нарисую сюжет карандашом,
Бокал стоит хрустальный, наполненный вином.
Вино и мандарины несложно рисовать,
Граната вид роскошный труднее передать.

Один мазок и третий, палитра всех теней,
И ярче светят звезды, мой замысел смелей.
Закончена работа, любуюсь в тишине,
В огранке величавой картиной на стене.

Светлана Царинных

Сибирячка. С 1999 года была участницей литературного клуба «Высокий берег» при Красноярском техническом университете.

В настоящее время живет в городе Анапа.

Печаталась во многих газетах, журналах, коллективных поэтических сборниках. Автор двух книг стихов и прозы. Участница проекта компакт-диска «100 женских творческих лиц Красноярского края». Номинант Международного конкурса «Филантроп».

Письмо с фронта

С Днём Великой Победы!

Моя родная недотрога,
К тебе всем сердцем я тянусь.
Ты подожди ещё немного,
Совсем чуть-чуть, и я вернусь.

Ты подожди ещё немного,
Война окончится вот-вот.
В разлуке мы четыре года –
Мне важно знать, что кто-то ждёт.

Не забывай, что крепко любит
Тебя твой парень, твой солдат.
Разлука пусть недолгой будет...
А как я встрече буду рад!

Ты, только ты, моя отрада!
Дождись меня, цветочек мой!
Другой на свете мне не надо! –
Уж скоро, скоро мне домой!

Для меня ты живой!

Одиноко стою
Среди белых берёз,
Доверяя дождю
Тайну девичьих слёз.
Нас навеки с тобой
Разлучила война.
Я тебе, мой родной,
Буду вечно верна.
Для меня ты живой,
Мой любимый герой!
И в мечтах, и во сне
Ты приходишь ко мне.
Для меня ты живой,
Сокол мой золотой!
И я вижу тебя
В каждой капле дождя.
Сердце плачет, зовёт:
«Где ты, миленький мой?
Жду тебя у ворот,
Возвращайся домой!
Я тебя никогда
Не устану любить.
В моём сердце всегда
Будет образ твой жить!».

Помнить заветы

Прошу, уберите из сердца обиды,
Очистите душу сознанием своим!
Обязаны Господа помнить Заветы –
Нельзя человеку жестоким быть, злым.
Нам всем надо помнить, мы – Божьи создания,
Отец наш небесный всё знает про нас.
Нельзя жить без веры и без покаяния,
Взгляни на себя по-иному сейчас!
Творите добро, к своей цели стремитесь,
Изменится всё, стоит только начать –
Друг друга прощать и любить научитесь.
Достойно свою будем жизнь воспевать!

К воюющим...

Грехами души осквернять
Негоже вам, друзья!
Пора давно уже понять –
Так дальше жить нельзя.
Повсюду льётся кровь ручьём,
Жизнь превратилась в ад.
Национальность не при чём –
Смерть косит всех подряд.
Уймите гнев! Умерьте пыл!
Всему же есть предел.
Господь нас разумом снабдил
И в мире жить велел.
Страданье очень велико,
Погибшим не ожить.
Прийти к согласию нелегко,
Но, надо приходить!

Мои Учителя

Два бесценных памятных портрета
В глубине души своей храню.
Лермонтов и Пушкин... Два поэта.
Восхищаюсь ими и люблю.
Преклоняюсь перед их трудами,
О кончине скорой их скорблю,
Называю их Учителями,
Изменившими меня и жизнь мою.

Лермонтов

Ах, Лермонтов! Какой ты молодой...
Совсем мальчишкой пал в смертельной схватке.
С такой прекрасной юною душой
Простился с жизнью. Смерть таит загадки.
А сколько мог ещё ты сотворить,
Ведь нет цены трудам твоим прелестным.
Ушёл, вместо того, чтоб долго жить, –
России, всему миру быть полезным.

Надо жить!

Человек, не теряй своих сил!
Ты – не свечки потухшей огарок.
Надо жить! Бог не зря нам вручил
Жизнь однажды – прекрасный подарок.
Подарил Он Свою нам Любовь,
Мы вольны и свободны, как птицы.
«Я счастливый!» – тверди вновь и вновь.
Пусть в глазах твоих солнце лучится!
За свою жизнь зубами держись!
Верь всегда, что живёшь не напрасно.
Только вверх безудержно стремись –
Вниз легко, а зачем? Жизнь прекрасна!

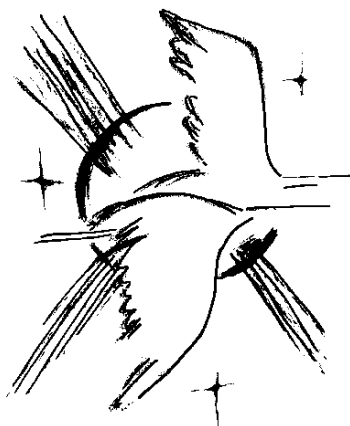

Рисунок С. Царинных

Свои законы у природы

Проходят дни, проходят годы,
Проходит наша с вами жизнь.
Свои законы у природы,
Не скажешь ей: «Остановись!».
Природа жаждет обновления,
А значит, так тому и быть.
И с Богом, то же, без сомненья,
Она – связующая нить.

Воспоминания ожили

Была когда-то я на море
И познакомилась с тобой.
Случилось это на танцполе,
Ты в форме был тогда морской.
Всю ночь по берегу гуляли,
Сияла полная Луна.
Морские волны волновали,
Сердца тревожила Весна.
Ты целовал меня так нежно
И нежно, нежно обнимал.
И взглядом томным, безудержным,
Меня тогда околдовал.
Медузы ласково теснились,
И звёзды окружали нас.
Те времена давно забылись,
Но помнится сиянье глаз.
Где мои годы молодые,
Где моя первая любовь?
Воспоминания ожили,
Мне не дают покоя вновь.

В Анапе

Погода в Анапе – шик, блеск...
Идёт свет волшебный с небес.
На мне шоколадный загар,
«Красавица!» – кто-то сказал.
Бросаюсь в морскую волну,
Улыбка не сходит с лица,
Нет страха, что вдруг утону,
Смеются от счастья глаза.
Приветлив прибрежный песок,
Горячий и нежный такой...
Нет больше печали, тревог –
Простор и свет Солнца живой.
Крылатые чайки снуют,
Взмывают то вверх, а то вниз,
И в дальние дали зовут,
Где ждёт меня сказочный принц.

Душа моя

Душа моя, не унывай!
Не надо плакать понапрасну.
Печали воли не давай –
Жизнь коротка, но так прекрасна.
Душа моя, проснись и пой!
Забудь обиды и тревоги!
Верь, впереди у нас с тобой
Одни счастливые дороги!

Радость светлая

В лёгком вальсе закружила нас любовь,
Радость светлая коснулась сердца вновь.
Встречу нашу можно сказкою назвать,
Мы о ней с тобой не будем забывать.

Звёзды россыпью к нам падают с небес,
Всюду лунный свет, волшебный дивный блеск...
Аромат душистый сказочных аллей
Завораживает тайною своей.

Украшают парк ночные фонари,
«Светлячками» яркими горят огни.
Пусть гуляет с нами ночка до зари,
Греют душу нежные слова твои!

Месяц таинственный

Я всей душой благодарна тебе,
Месяц таинственный, странник лучистый.
Ты для меня в моей грешной судьбе –
Друг самый верный, надёжный и близкий.
Радуюсь каждому новому дню,
Вся переполнена благостным светом.
В сердце Любовь к жизни свято храню,
С верой живу по библейским заветам.

Солнце море золотит

Вот она... летит! Летит –
Чайка белокрылая.
Солнце море золотит...
Я иду счастливая.
На душе такой восторг,
Что запеть мне хочется.
Сердце больше не гнетёт
Боль от одиночества.
Берег моря весь блестит
И переливается.
Южный край меня пленит,
Хорошо мечтается.
Оживаю с каждым днем,
И самой мне верится –
В сердце раненом моем
Скоро все изменится.
На душе такой восторг,
Что запеть мне хочется.
Сердце больше не гнетёт
Боль от одиночества.

Зачем?

Зачем мне думать о тебе?
Но, я всё думаю.
На счастье встретился ты мне
Иль на беду мою?
Твои печальные глаза
Меня заметили.
Луна и звёзды в небесах
Тому свидетели.
Зачем, зачем поцеловать
Себя позволила?
Любовь мне эту не понять,
Ей всё дозволено.
Зачем бежать мне от себя
И от любви своей?
Быть может, ты – моя судьба,
Свет жизни всей моей.

Звезда летит!

Звезда летит – какое чудо!
Никто не видит, только я.
Не спится мне, и спать не буду –
Пусть сказка длится для меня.
Звезда летит! На небе ясном
Она мерцает и блесит.
Картина дивна и прекрасна!
Звезда летит! Звезда летит!

Они

Они наблюдают за нами,
Они из других миров.
Они – инопланетяне,
Они, как мечта из снов.
И добрые или злые,
Неведомо тоже нам,
Они, это – внеземные,
Подвластны своим Богам.
Они для землян – загадка,
Они для людей – вопрос.
Они есть повсюду, правда,
Нельзя к ним совать свой нос.

Кудесница природа

Нынче разгулялась непогода –
Вольная кудесница природа.
Ливень зарядил без перерыва,
Зонтик вверх – иду, вокруг красиво.
Гром гремит и молния сверкает,
Ветер тучи в кучу собирает.
Свежесть и прохлада умиляют,
Молодеть душою заставляют.
В лужицах – весёлые дождевики,
А в глазах – весёлые смешинки.
Ветер меня кружит, забавляет,
Я смеюсь, а он со мной играет.

Проснись!

Пусть чудеса Весна творит:
Пусть в небе молния сверкает,
Резвится ветер-озорник
И гром гремит и дождь буянит.
Довольно спать! Проснись, мой друг!
Взгляни, как бодрствует природа,
Как хороводит непогода –
Свежо, торжественно вокруг.

Зимний вечер

В романтический сказочный вечер
Я в объятьях волнующих рук.
Весь бульвар огоньками расцвечен,
Всё блестит и мерцает вокруг.
И Луна в небесах золотится,
И колдует над нами Зима.
Может быть, сон чудесный мне снится?
Может быть, я не знаю сама.
Сердце бьётся всё чаще и чаще,
Мы одни – и кругом ни души.
Вдаль идём по тропинке хрустящей
И шаги свои слышим в тиши.
Звёздный дождь хороводит над нами,
Мы так счастливы – слов просто нет.
Загадали одно лишь желанье –
Вместе встретить наш первый рассвет.

Весёлое время

На улице ветер гудит в проводах,
Наводит на многих и ужас, и страх.
Как воет проказник, но я не боюсь –
Иду по дорожке и в лужи смотрюсь.
Мой зонт разноцветный играет в руках,
А дождик приветный поёт: «кап» да «кап»...
Весёлое время! Мне грусть нипочём –
Пусть ветер гудит, и дождь льётся ручьём!

Осенний день

Осенний день, а словно он весенний,
Гуляю в парке с книгой не спеша.
Читаю Пушкина стихотворения,
Всё хорошо, светла моя душа.
А Солнце светит радостно, как летом,
Я улыбаюсь, глядя в небеса,
И заряжаюсь вся осенним светом,
И внемлю птичек певчих голосам.

В зимнем саду

Какой чудесный снегопад!
Снежиночки летят, летят.
Они кругом, со всех сторон,
Покрылась вся земля снежком.
В твоей руке – моя рука,
И мы взволнованы слегка.
Идём, куда глаза глядят
Через прекрасный зимний сад.
Порхают белые цветы
Волшебной, дивной красоты.
Ты говоришь мне о любви,
А я смотрю в глаза твои.
Зимой любовь ко мне пришла,
Ты тот, кого всю жизнь ждала.
Какое счастье, что мы здесь,
Что ты, мой друг, на свете есть!

Забудем и простим

Бывает в жизни много огорчений,
Бывает, что не хочется нам жить.
Не знаем, куда деться от мучений...
Что сделать, чтоб беды не натворить?
Забывать скорей нам надо всё плохое –
Очистим души, всех за всё простим,
И сердце своё доброе большое
Мы мудростью и светом зарядим.

А море сказочно блестит

Смотрю в безоблачную даль,
Мне что-то шепчет море...
Вдали виднеется корабль,
Знакомый мне до боли.
От счастья слёзы на глазах,
Мой взгляд к нему прикован.
Корабль на алых парусах
Стрелой летит по волнам.
Сверкает в солнечных лучах
Красавец белоснежный.
Его ждала в своих мечтах,
Жила одной надеждой.
Спустили на воду баркас,
Рукой мне кто-то машет.
Увижу милого сейчас,
Миг близок встречи нашей.
На берег сходит капитан,
Идёт ко мне навстречу.
Волн бирюзовых караван
Ему вслед что-то шепчет.
Кружатся чайки над водой,
Танцуют вальс дельфины.
Нарушен девичий покой...
Я слышу голос дивный:
«Известно Богу одному,
Объездил сколько стран я.
Всю жизнь искал тебя одну –
Тебя, моя Светлана!».
За плечи Грэй меня обнял
И с нежным поцелуем
С любовью в руки передал
Шкатулку золотую.
В ней обручальных два кольца,
Сердечко моё скачет...
Одна: нет матери, отца –
Одной решать мне, значит.
А море сказочно блестит,
А море меня манит...
Мой принц в глаза мои глядит,
Я верю, не обманет.

Осенний ветер

Осенний ветер охватил весь город,
Летят с деревьев жёлтые листья.
Иду, подняв у куртки выше ворот,
Зонт надо мной, где синие цветы.

Всё небо в тучах, солнышка не видно,
Дни коротки, прохладны вечера.
Листою лужицы, земля покрыты...
Такая вот осенняя пора.

Весеннее

За полосой студёных дней
Настанут оттепели скоро.
Весна – Любовь души моей,
Она – предвестник жизни новой.

И яркость, звонкость светлых дней –
Они уже не за горами.
Любимый месяц мой – апрель,
В апреле – день рожденья мамин.

День рожденья

Сегодня праздник – День рожденья!
Подарков много и цветов.
И я вдыхаю с наслаждением
Приятный запах пирогов.

Арбуз огромный, сочный, сладкий
К нам напросился на десерт.
А боевые шоколадки
В свой адрес жаждут комплимент.

Нарядный стол, а в середине –
Букет прекрасных алых роз.
И мы сидим, словно в малине...
В конфетах – щёки, в торте – нос.

Мне снились звёзды

Мне снились звёзды, они с неба падали,
Сияла в небе дивная Луна.
Вселенная пестрила вся нарядами,
И жизни и огня полна она.

Прекрасный Ангел моё сердце радовал,
Крылами белыми махал слегка.
Летал вокруг меня, мечты угадывал,
Я слышала советы знатока.

Звучали песни, и звучала музыка,
Космическая музыка любви.
Казалось, моё счастье не нарушится...
Исчез мой Ангел при лучах зари.

Весёлая птица

Весёлая птица играет с водицей
И хвостиком крутит, встречая рассвет.
Весёлая птица на травке резвится,
Щебечет и солнышку шлёт свой привет.

Вот, в небо взлетела и песню запела
О жизни чудесной, о солнечных днях.
И гордо и смело она вдаль смотрела,
Земную планету крылами обняв.

Весёлая птица в высоком полёте,
Её окружает простор голубой.
Порхает, кружится и рада свободе,
Любуется сверху земной красотой.

Но вскоре на землю она возвратилась
К зелёным лугам, к разноцветным цветам.
Хрустальной и чистой росой умылась
И вновь полетела к рассветным лучам.

Иван Цуриков

Участник литературного клуба «Высокий берег» с 2019 г.

«Учу детей шахматам, попутно работаю над шахматной книгой, посвящённой претендентским матчам 1965 года, работу над которой планирую закончить летом 2020 г.».

1945 год, 9 мая, после обеда...

*Здравствуй, мама, возвратились мы не все,
босиком бы пробежаться по росе.
Пол-Европы прошагали, полземли,
этот день мы приближали, как могли.*

Фашизм побеждён. Ликует Москва. И в Зале Колонном Дома Союзов
Собрались мастера, мастерицы поэзии-прозы. Со времени съезда
Поэтов-прозаиков пролетело одиннадцать лет.

Кто-то умер, а кто-то погиб.

Кого же из них настигла такая беда? Мы скоро узнаем об этом.

За столом, где стояли тарелки с салатами, вкусными яствами, чашки
С чёрным чайком, собрались маститые мэтры,
а также новички поэзии-

Прозы. Расселись они, и тут зарычал Нахалёнок Мишутка.

В этом рыке и радость победы была

И скорбь о погибших в тылу и на фронте, и память о поэтах-прозаиках,
Ушедших навеки.

Грустный клоун Михалыч Михал подтолкнул поэтессу
Блудливую, а она зашипела, как кобра, и толкнула ногой под столом
Константина, Мещёры певца.

Заворчал он, как пёс, на Сурка Александрыча,

А Сурок засвистел на Льва Кондуита.

Посмотрел тот сердито на гимнаста

Тибула. Затопал ногами Тибул, кулаком погрозил Иванычу Лебедю,
По прозванию Кумач, зашумел Мойдодыр Крокодилыч. Только мудрый
Царь Соломон оставался спокойным. Поднял он руку, и все замолчали.

Покачал Соломон головой: «Неспроста так рычит Нахалёнок Мишутка.
Мы врага победили, но немало пролили крови.

Мишутка скорбит и о тех,
Кто был среди нас, но не дожил до этого дня. Собрались мы на съезде
Тридцать четвёртого года, а два года спустя Челкаш улетел на тот свет,

К птицелову-поэту. Затем Воробьянинов Киса в мир иной улетел.
За год до войны дядя Сэм Беню Крика подставил коварно
Под смертельный удар. В тот же год умер Воланд.

А затем прилетела война.
Эрвээсовец партизанил под Киевом и погиб у Лепляво в бою.

Три года назад, в январе, возвращался с фронта О. Бендер,
но случилась беда:
Он погиб в Подмоскovie, в самолётной аварии. Красный граф Гарин
Продолжал Петру Первому памятник строить,
но не смог закончить работу:
Умер красный граф в феврале,
не дожив месяцев трёх до Победного Дня».

Пять минут все молчали.
А затем Соломон рассказал о пошлых людишках.
«Увы, есть не очень хорошие люди.
Они позволяют себе неуместные шутки
О Ленинградской блокаде, полицаям на слово верят,
и лепят плохие Сценарии фильмов.
Кое-кто с дядей Сэма посланцами дружит. Неспроста

Гений Двуликий сурово их судит.
Мы тоже будем судить их, строго судить.
И пусть они не кричат, что мы их зазря обижаем. Они заслужили
Суровую критику.
Сейчас приведёт их Тёркин Василий, и мы начнём суд».
Поэтесса блудливая и клоун печальный Михалыч Михал начали было

Грехи отрицать, но Лебедь, по прозванию Кумач, пребольно их клюнул.
А затем в Зал Колонный приполз на бровях гиена пятнистая –
Разгромный
Стахович-Фомин.

Вслед за ним притащился Пан-Фёров, полубык-полуконь,
Неся на закорках бруски.

Ковыляя, пришёл Демьян Бедный – поседевший
Опальный шакал.

В Огне Украины вошёл Петрович Довженко, опальный
Павлин. А затем прибежали макаки. Вслед за ними Вася Тёркин
Вошёл по-солдатски. Попытались шуметь литераторы пошлые, и тогда
Вася Тёркин вынул «Вальтер» трофейный. Пара выстрелов в воздух –

Пошляки замолчали. Лев Швамбраныч записал пошляков в Конduit.
Вася Тёркин руками махнул, и кино закрутилось. Поэтессу блудливую,
Грустного клоуна грозный волк Жданов нещадно кусал.

Гений Двуликий
Разгромил киноповесть Довженко «Украина в Огне»,
Александра Петровича

Тотчас освистали и прогнали в опалу.

Пан-Фёров пытался бруски продавать,
Но получал вместо денег насмешки. А Разгромный Стахович-Фомин
Шёл сквозь строй, где музы стояли с крапивой.

Получал гиена пятнистая
Уколы крапивы, как уколы стыда, а музы твердили:
не верь полицаям, дурак.

А в ушате большущем собрались персонажи повестей разных лет:
оружейник Просперо, Крокодил с Мойдодыром, Буратино,
а также гости и гости

Из будущих повестей и романов – например, коротышки.
Закончился фильм, Мастера поэзии-прозы начали суд.
Оправдаться пытались поэтесса

Блудливая, грустный клоун, опальный павлин,
Разгромный Стахович-Фомин,

А также опальный шакал.

Но переть супротив Кондуита – напрасно и глупо.
Мещёрский певец Константин воевал с поэтессой блудливой.
Нахалёнок

Мишутка по рогам бил Пан-Фёрова.
Грустного клоуна Вася Тёркин сатирой

Громил. На шакала несносного Александрыч Суток заседал.
Павлина опального Кумач-Лебедь нещадно щипал.

Мойдодыр Крокодилыч
Насмешкой стрелял по макакам. Чем же суд этот кончился?
Пошляки-литераторы пострадали от собственной пошлости.

Первый писательский съезд

1934 год, конец августа – начало сентября. С колхозами полный порядок. Писательский съезд в разгаре. Сразу вспомнилось гекзаметрическое стихотворение Жуковского об одном из последних заседаний литературного общества «Арзамас». И захотелось таким же стихом рассказать о Всесоюзном съезде писателей и поэтов.

Кончается лето. С колхозами полный порядок.

Пришло время собраться

На съезде советском мастерам поэзии-прозы. И съезд собирався
Не в Литератора Доме, а в Зале Колонном Дома Союзов.

Собрались литераторы, и случилось вдруг чудо: начал ворчать
Нахалёнок Мишутка, и послышался шёпот Тихого Дона.

Участники съезда

Смутились. Воробьянинов Киса и Бендер Остап обменялись
Удивлёнными взглядами.

Смоленский поэт подтолкнул Беню Крика, а тот

Громко цыкнул на Гарина,

инженера-писателя, того, кто босыми ногами

По мукам ходил. Красный граф Гарин невольно облапил
Поэтессу блудливую, а она зацокала белкой и ткнула под бок
Константина,

Мещёры певца. Зашипел он, как кот, на Льва Кондуита.

Кондуит удивлённо зафыркал. Суетился вовсю эрвээсовец, и Челкаш
Клекотал, как орёл. И лишь патриарх нашей детской поэзии-прозы,
Мудрый Царь Соломон, был спокойней слона. Поднял он руку, а затем
Преспокойно сказал: «Вас смутило ворчанье Мишутки.

Но разве он спокойно

Молчал, когда бушевала война, и когда покраснел Тихий Дон?

Нахалёнок Ворчит неспроста:

шакалы-гиены из РАППа твердят, будто бы Тихий Дон

Плагият. Мы знаем прекрасно, что в РАППе сидят только те, у кого нет
Таланта поэта-прозаика. Но не об этом сегодня будем мы говорить.

С Толстым я встречался не раз и беседовал даже с
товарищем Сталиным.

После этих бесед думу я думал и понял, что нужно
Вам кое-что рассказать. Слушайте, братья и сёстры!».

На трибуну поднялся Царь Соломон и начал он свою речь. Мастера,

Мастерицы нашей прозы с поэзией каждое слово ловили.

Вот что поведал Царь Соломон: «Я рад, что у нас появилось созвездье Поэзии-прозы творцов. Но вот что скажу я: мы с классикой русской Знакомы, и в том наша главная сила. Есть, правда, одна оговорка:

Зачем великих поэтов-писателей прошлого смешивать с теми,
Кто национализм проповедует? Революция всё оправдает, возразят
Фанаты сатиры. Но много ль толку с сатиры, если с ней рядом нет
Смеха доброго, юмора? Сатира – всё равно, что огонь, а также её

С электрическим током можно сравнить. Фанатик жанра сего возразит:
Юмор – клоунада вульгарная. Это неправда. Юмор – сила большая, он
Укрощает ярость сатиры, как вода укрощает огонь. Почему-то сегодня
Слишком много людей хотят лишь сатиры, юмор им скучен.

Но сатира без

Юмора – клоунада утробная, смех без веселья. Но это не всё: мы, как

Пижоны, православье хулим и тем самым вторим
ватиканским тартюфам.

И обижаем тем самым мы классиков русских. Отрицание прошлого –
Плохая традиция, надо её устранить.

Ведь когда у народа нет прошлого,
То чего можно ждать в будущем? Увы, ничего, окромя отрицания.

Православье хулить перестанем – обезвредим наш злой атеизм, выгнав
Прочь из него русофобии беса.

И пора перестать мерить классиков русских
Гнилыми шаблонами: страданье народа, протест и так далее. Оставим
Шаблоны шакалам-гиенам из РАППа и прочим письменникам. А мы

Возродим «Арзамаса» традицию.

Будем спокойно пить чай, как китайцы,
Классиков русских читать не спеша. Насладимся прозой-поэзией,
Посмеёмся, взгрустнём,

улыбнёмся с иронией и прикинем, чему научиться
Мы можем у классиков русских.

Мы сделали всё, чтоб мечта «арзамасцев»

Сбылась, и журнал заработал. Аминь».

Царь Соломон в ладоши похлопал, и появилось красивое здание.

По-над воротами вспыхнула надпись: «Газета-Роман».

Участники съезда
Подошли, посмотрели, от восторга присвистнули.
Вскоре зданье исчезло.

Вслед за этим послышался топот.
Эрвээсовец в зал затолкал писак пошлых
Из РАППа. Важно шёл впереди Разгромный Сан Саныч,
гиена пятнистая,
Как всегда, подшофе. Притащился Пан-Фёров, полубык-полуконь,
Запряжённый в повозку с брусками.
Вслед за ними пришёл Демьян Бедный,

Несносный шакал. И свора макак прискакала. Им хотелось и дальше
Словоблудить, однако Нахалёнок Мишутка грозно рыкнул на них,
Эрвээсоец маузер поднял. Притихли писаки из РАППа.
И кино закрутилось.
Сначала под руку шли Кондуит со Швамбранией,
затем фильм «Чапаев».

А затем РВС и Военная Тайна, Мальчиш-Кибальчиш.
Танцевали детские
Книги, затем появился Луначарский, министр отупения.
Рядом с ним музы
Шли и стегали крапивой его, говоря: брось дурить. А затем появился
Здоровенный ушат. Там плескалась публика пёстрая: Крокодил
С Мойдодыром, Присыпкин с Олегом Баяном, комиссар Чубарьков,
Персонажи Булгакова, а также старое с новым.

Кончился фильм, начался съезд поэтов-прозаиков.
Любо-дорого было послушать, как писатели весело спорили. Беня Крик
По-одесски заспорил с гимнастом Тибулом. Печальник
Коровий Платоныч-Платонов деревенские лясы точил
с автором новой избы.

Красный граф Гарин воевал с поэтессой блудливой. Киса с О. Бендером
Вдвоём наседали на Льва Кондуита. Константин из Мещёры шумел,
И Челкаш с протоколом бегал по залу. Эрвээсовец пари предложил
Нахалёнку. Съезд закончился делом:
Газета-роман продолжает работать.

Примечания к произведениям

«1945 год, 9 мая, после обеда...»

Нахалёнок Мишутка – М.А. Шолохов (1905 – 1984), автор повести «Нахалёнок» и романа-эпопеи «Тихий Дон». Как раз к моменту писательского съезда 1934 года спор на тему «Роман «Тихий Дон» – плагиат или нет?» дошёл до пика.

Грустный клоун Михалыч Михал – М.М. Зощенко (1894 – 1958), известный сатирик; хотя Зощенко умел писать весёлые рассказы, характер писателя был скептическим.

Кумач-Лебедь – В.И. Лебедев-Кумач (Лебедев; 1898 – 1949), знаменитый поэт, автор песни «Священная война».

Петрович Довженко, опальный павлин – А.П. Довженко (1894 – 1956) в 1944 году попал в опалу за сценарий киноповести «Украина в огне».

Александрыч Сурок – А.А. Сурков (1899 – 1983), поэт, автор «Песни смелых».

Разгромный Стахович-Фомин – А.А. Фадеев создал роман «Молодая гвардия», и автора обвинили в клевете на «молодогвардейцев» Виктора Третьякевича и Демьяна Фомина.

Упоминаются писатели, не дожившие до победного дня:

Челкаш улетел на тот свет – А.М. Горький (Пешков) умер летом 1936 года.

Затем Воробьянинов Киса в мир иной улетел – И.А. Ильф (Файнзильберг) умер в 1937 году от туберкулёза.

... *Дядя Сэм Беню Крика подставил коварно* – спецслужбы США вербовали И.Э. Бабея, как и других известных евреев, для борьбы с Советским Союзом, а потому писатель попал в расстрельный список.

Воланд – М.А. Булгаков умер в марте 1940 года.

Эрвэсовец партизанил под Киевом – А.П. Гайдар (Голиков) в июле 1941 года стал участником партизанского отряда; 26 сентября, когда отряд попал в фашистскую засаду, Гайдар бросился на врагов, спасая товарищей ценой своей жизни.

О.Бендер... погиб в самолётной аварии – Е.П. Петров (Катаев) погиб в январе 1942 года из-за аварийной посадки самолёта.

Красный граф Гарин – А.Н. Толстой умер в феврале 1945 года, так и не закончив работу над романом «Пётр Первый».

Также упоминаются события:

Поэтессу блудливую, грустного клоуна грозный волк Жданов нещадно кусал – А.А. Жданов в 1946 году обвинил А.А. Ахматову (Горенко) и М.М. Зощенко в глумлении над СССР, и сотрудничестве с американскими спецслужбами.

Гений Двуликий разгромил киноповесть Довженко «Украина в огне» – И.В. Сталин (Джугашвили) в январе 1944 года выступил на партсобрании, раскритиковал сценарий киноповести «Украина в огне»; по приказу Сталина киноповесть стала запрещённой для печати и выхода на экраны.

«Первый писательский съезд»

Воробьянинов Киса и Бендер Остап – И.А. Ильф (Файнзильберг; 1897 – 1937) и Е.П. Петров (Катаев; 1902 – 1942), писатели-сатирики, создатели романов «12 стульев», «Золотой Телёнок».

Смоленский поэт, автор новой избы – А.Т. Твардовский (1910 – 1971) в 1925 году прославился благодаря стихотворению «Новая изба», а с 1928 года жил в Смоленске.

Беня Крик – И.Э. Бабель (1894 – 1940), создатель прозаических циклов «Конармия», «одесские рассказы»; ключевой персонаж этих циклов – лихой налётчик Беня Крик.

Красный граф Гарин – А.Н. Толстой (1883 – 1945), автор романа «Гиперболоид инженера Гарина», в 1934 году завершал работу над вторым томом трилогии «Хождение по мукам»; Толстого иронически называли «красным графом».

Поэтесса блудливая – А.А. Ахматова (Горенко; 1889 – 1966), известная советская поэтесса.

Константин, Мещёры певец – К.Г. Паустовский (1892 – 1968) с 1930 года жил в Мещёрском крае.

Лев Кондуит – Л.А. Кассиль (1905 – 1970) в 1931 году закончил работу над повестью «Кондуит и Швамбрания».

Эрвээсовец – А.П. Гайдар (Голиков; 1904 – 1941), автор рассказа «Р.В.С.», повести «На графских развалинах».

Челкаш – А.М. Горький (Пешков; 1868 – 1936) стал известным писателем ещё в 1890-х годах; рассказ «Челкаш» был написан в 1894 году.

Царь Соломон – С.Я. Маршак (1887 – 1964), создатель Общества детских писателей СССР, автор детских стихов и переводов (например, поэмы «Весёлое путешествие от А до Я»).

Гимнаст Тибул – Ю.К. Олеша (1899 – 1960), создатель известной повести для детей «Три Толстяка».

Печальник коровий Платоныч-Платонов – А.П. Платонов (Климентов; 1899 – 1951), так называемый крестьянский писатель, в 1920-х годах написал рассказ «Корова».

Также в стихотворении упоминаются деятели организации с пафосным названием РАПП, разогнанной в 1932 году:

Разгромный Сан Саныч – А.А. Фадеев (1901 – 1956), автор повести «Разгром», к концу 1920-х годов начал пьянствовать; фактически руководил РАППом, был одним из тех, кто высказал версию о том, что Шолохов вряд ли мог написать «Тихий Дон»;

Пан-Фёров, полубык-полуконь, запряжённый в повозку с брусками – Ф.И. Панферов (1896 – 1960), в 1934 году создавал третий том романа-квадралогии «Бруски» - творения напыщенного (типичный почерк *гиен и шакалов из РАППа*). Один из непримиримых противников Шолохова; *Демьян Бедный, несносный шакал* – Е.А. Придворов (1883 – 1945), создатель «хулиганской», антирусской поэзии; с 1930 года в опале – ибо начал призывать к восстанию в СССР против Сталина (то есть отстаивал идеи «мировой революции»).

Газета-Роман – Советский журнал «Роман-газета», начал работать с 1927 года; в 1934 году были опасения, что журнал закроется, однако позже опасения развеялись.

Кино закрутилось – упоминаются события до Съезда Писателей или более поздние:

Фильм «Чапаев» появился на экранах незадолго до Съезда Писателей;

Кондуит и Швамбрания – повесть была издана в 1931 году;

Крокодил с Мойдодыром – персонажи сказок К.И. Чуковского (Н.В. Корнейчуков), созданных в начале 1920-х годов;

Р.В.С. – рассказ А.П. Гайдара, напечатан в 1925 году;

Военная тайна – повесть А.П. Гайдара, напечатана в 1935 году (в повести есть «Сказка о Мальчише-Кибальчише», позже напечатана отдельной книжкой);

Персонажи Булгакова – из повестей «Собачье сердце», «Роковые яйца»;

Присыпкин с Олегом Баяном – персонажи из пьесы В.В. Маяковского «Клоп»;

Комиссар Чубарьков – персонаж повести «Кондуит и Швамбрания».

Также упоминается:

Луначарский, министр отупения – А.В. Луначарский (1875 – 1933) в 1929 году предложил латинизацию русского алфавита (поэтому *министр отупения*).

Константин Чиганов

*Выпускник Юридического института СФУ.
Рассказы и стихи пишет с 20-летнего возраста.
Регулярно публикуется в интернет-журнале
«Самиздат».*

Ночь-то какая для полета

*Сам не знаю, как я догадался, но, глядя на них,
я понял, что это летчики и экипажи, убитые в боях,
а теперь они в своих самолетах отправились
в свой последний полет, в последнее путешествие.
(Роальд Даль,
«Они никогда не станут взрослыми»)*

- Верхняя турель, сто девятые на двенадцать часов!

- Есть, сэр, точно!

Трах-та-та-тах!

- Один дымит, падает, падает! Готов!

Бум! Взорвался! Браво, верхняя турель!

Януш вытер пот со лба и покачал спарку «Браунингов» - под плексигласовым колпаком стало жарко. Вёсны здесь вообще теплые, и кузнечики уже донимают. Старик вздохнул и полез вниз с неудобного велосипедного сиденья, хрустя ревматическими суставами. Мальчишки-соседи ох и посмеялись бы, глядя на его полёты внутри собственной головы. Играет, дурень лысый полумёртвый, сам с собой.

Сколько ни носит человека по свету, а всё же в преклонные годы нужен свой дом, хоть как вот такой дощатый белёный коттеджик возле старого лётного поля. Как померла Магда, Януш твердо решил осесть, покончить с сезонными мотаниями туда-сюда, и примеривался, раза два почти решаясь, но вовремя выяснялись разные детали: то термиты, неучтенные милосердными (к термитам) хозяевами дома, то еще что. А тут просто-таки подфартило, как некогда в покер – лет десять он не держал в руках фишек, да, все десять, с тех пор, как обещал Магде. Слово его всегда значило – железно! И друзья-коллеги по картам тоже это знали.

Предложение включало и жилье, и неутомительную работу – хоть не больно денежно, да сколько ему теперь нужно. И, вдобавок, он

теперь живет рядом с любовью всей своей жизни, второй после Магды, а если хронологически, то первой.

Так при маленьком авиамузее под открытым небом, в зелёных полях, на окраине штата, где почти никогда не идёт снег, поселился смотритель – плешивый сморчок, всегда в одной клетчатой рубаше с распахнутым воротом, хлопковом синем комбинезоне и желтых от пыли китайских кроссовках, в юности нахально и безуспешно выдававших себя за доподлинный «Найк».

Скоро среди десятка самолетов, навеки нелетающих, у старика нашлись любимцы. Толстый серебристый и желтокрылый «Буффало», он с чего-то прозвал его Смигом и по своей, тайной примете, дружески попинывал по спущенному колесу, проходя.

Но самой внушительной и самой уважаемой была «Бетти Лу», тускло-алюминиевая громада – «летающая крепость» Б-17. Имя написали желтыми хвостатыми литерами умелые руки на дюрале у носа, они же нарисовали пониже прехорошенькую рыжую стервочку в синем цельном купальнике и ковбойских сапожках, давно, когда «крепость» еще грозно рокотала в свободном небе над пленной Европой.

Внутри «крепость» гораздо меньше, чем снаружи, и тощему Янушу по приставной лесенке приходилось втискиваться через дверцу перед правым стабилизатором, недоумевая, каково же приходилось здоровым молодым пилотам с парашютами. Самолет изрядно послужил – краска на приборах пооблезла, шины колёс стёрлись до лысости, заплатки пятали фюзеляж, а в спинке одного пилотского кресла осталась дыра сантиметров двух диаметром.

Он облюбовал верхнюю турель, где когда-то сидел бортмеханик. Януш за весну вычистил и смазал нестреляющие пулеметы, полозки и зубчатки турели, даже зашил порванную кожу на сиденьице – и теперь перевоплощался иногда, наслаждаясь в полуденные тягучие часы, под хорал бешеных кузнечиков.

В июне, спустя неделю после дня рождения Магды, он проснулся ночью, услышал её шаги, но то всего лишь пришла в гости бродячая кошка. Януш развёл сгущённого молока в блюде, черно-белая путница уткнула туда носик, урча. Старик впихнул узловатые ступни в кеды и вышел поглядеть на Луну, все равно, он знал, теперь будет ворочаться до утра.

Луна выдалась на изумление круглая и тугая, мерцали звездочки в небе и белели звезды на крыльях, в черных сплошных кругах. «Бетти Лу» посверкивала стеклами – Януш через тесный хвост, сгибаясь, через отсек штурмана с астролюком – можно было выпрямиться, через пустой и гулкий бомбоотсек по решетчатому мостику над закрытыми створками – прошел «к себе».

Залез, повозился, взялся за рукоятки, холодные, собственноручно обмотанные изолентой. Теперь он сам стал самолетом. Четыре мертвых мотора выставили черные лопасти пропеллеров. Януш с тихим щелчком повернул установку и прицелился в Луну, четким перекрестьем в самую серединку.

- Огонь, механик, огонь! – прошептал он.

Кто-то кашлянул снизу.

Старик как-то сразу уверился: в кресле командира сидит призрак. Таких лунно-белых лиц у живого не найдешь, а если к тому же гость одет в полный пилотский доспех образца сорок первого года, даже лямки древнего «Ирвина» перекрещиваются на кожаной коричневой груди.

- Простите, – полубеззвучно сказал призрак, – я не ожидал Вас.

- Я... я ничего, не против, – старик замолчал, соображая, о чем будет интересно беседовать призраку. О здешней жизни? Или наоборот, он поймет это как величайшую бестактность?

- Да я и так могу видеть ваш белый свет. Правда, только маленький кусочек и в такие вот лунные ночи. Я Джон, а Вы?..

-... Я... Януш, очень приятно. Да. Вы правда... с той стороны?

- С той стороны, правда.

- И... что там?

- Да... как Вам сказать. Тут такое дело – когда я *там*, здешние прогулки еле-еле помнятся, будто сон, увиденный в детстве и потом забытый. А когда приходишь сюда, от *там* остаются бессмысленные клочки – волокна света, черты чьих-то лиц, пара слов. Наверное, так специально сделано. Для неразглашения, – показалось, призрак улыбается щелью белых губ.

- Военная тайна, значит. Понимаю, – Януш опустил на соседнее сиденье, несколько теперь не боясь. – Хотелось бы мне посмотреть самому.

- Всем бы хотелось, – вздохнул фантом, – да только дорога туда в один конец. Видите? – сквозь его шлемофон глянула звезда. – Если вы *очень* захотите когда-нибудь... Ну, я смогу взять вас с собой – насовсем. Но лучше не стоит.

- Вы как-то связаны с «Бетти», да? Я ведь про нее ничего не нашел, про «крепости» написано много, но о нашей «Бетти» там нет. Нигде.

- Может быть, напишут. Я на ней летал с сорок первого. В этом кресле. А в Вашей турели сидел Майк Толлер – веселый был, одни веснушки. Погиб нелепо, мгновенно, от шальной пули нашего «Мустанга»... Скоро рассветет, мне ничего, а Вы так и не выспитесь...

- Не беда, – хотел ответить Януш и проснулся. Солнце яростно било желтым пламенем в лобовые стекла. Круглое световое пятно

золотой монетой лежало на полу, за креслом ночного пришельца свет протиснулся сквозь дыру в спинке.

День прошел, прохромал, прополз до жути медленно и пусто. К полуночи, не в силах терпеть, Януш накинул байковую теплую куртку и захватил фонарик.

Луна чуть подтаяла с одного бока, и смотритель заволновался – может, уже поздно? Дорога закрылась – и была ли, сон ли?

Призрак уже сидел там.

Он не удивился Янушу, конечно, и не рассердился. А мог бы? Вопрос. Вместо расспросов Януш вдруг рассказал всю жизнь с самого начала.

Призрак умел слушать, только изредка направляя краткими, уместными вопросами.

- Значит, я даже не узнаю, увидимся мы там? Пока не...
- Думаю, так.
- А вы других тут встречали?
- Нет, – сожалеюще пошевелил перчаточными пальцами экс-пилот.
- Ни разу. Мы ведь не в замке, где привидений – что кроликов в садке.
- Так и кишат, так и прыгают!
- Точно. Мне очень приятно было Вас видеть, жаль, завтра прощаться.
- Как прощаться?!
- Полная луна прошла. Еще одна ночь осталась.
- А через год?
- Через год? – призрак отвел темные, размытые глазницы. – Осенью музей переведут в ангары – военные оставляют устаревшую авиабазу неподалеку. Вас отправят на пенсию, не придется мерзнуть от сквозняков.
- И... это точно? Ничего...
- Ничего Вы не поделаете, успокойтесь. А я исчезну.

Последняя лунная ночь.

- Сами говорите, если я *очень* захочу...
- Да Вы подумайте разумно...
- Я с первой встречи только и делал, что думал. У меня ведь есть и другие способы, а?
- Есть...
- Да и какая мне, в сущности, разница? Ну, год, два. Потом - рак или паралич. А так, может, с ней и увидимся...
- Должны увидиться. Просто должны.
- Садитесь в свою башню, Януш, вам лучше будет видно.

Старик забрался под решетчатый остекленный колпак, взялся за рукоятки. Странно, он совсем не боялся, только предчувствие небывалого, невозможно удивительного и безопасного, как для ребенка дальнего путешествия в неизвестное с родителями.

- Верхняя турель готова, командир! – четко сказал он. И засмеялся.

Мумии моторов ожили, загудели тихонько, винты раскрутились и пропали в туманных дисках. Старая «Бетти Лу» развернулась почти на месте, не задев соседей, не замечая сетки изгороди, помчалась по траве плешивыми колесами, подрагивая.

- А огни включать не будем, Джон?! – Януш крикнул и свистнул от восторга, как в двадцать лет. Ему и стало двадцать – не болела докучная спина, суставы работали с глянцевой точностью, глаза видели до заклепочки на плоскостях.

- Нам не нужны огни! Но раз ты просишь!

И трупы аккумуляторов дали свет. Ясная белая звезда на огромном круглом киле, зеленая – на правом крыле, красная – на левом.

«Как на океанском пароходе!» – восхитился бортмеханик-стрелок.

Темная равнина плавно канула вниз, Луна мурлыкнула ласково, словно кошка.

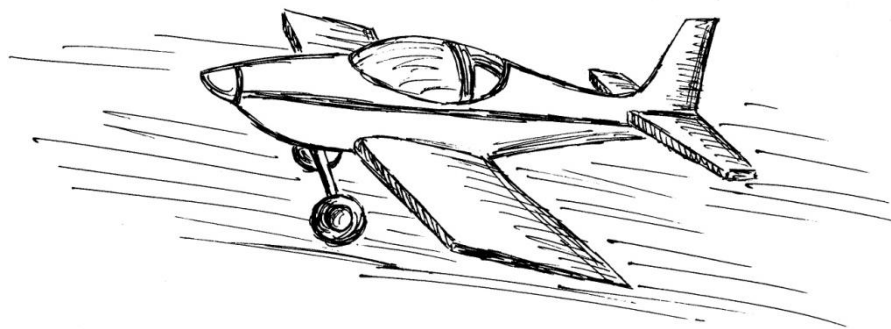
... - Жалко все же старика. Это ж надо, нашел место. Кто его просил тискаться в самолет? Ну и инфаркт.

- Да, Дэнни, я, пока вытаскивали деда, тут на сиденье нашел одну штучку. Серебряная браслетка с...

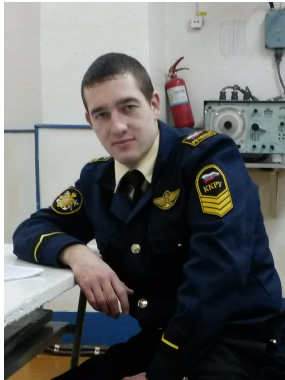
- ...Погоди, «Джон Ирвинг Хаффер, 1941». Посетители лазили, какой-то ветеран потерял. Оставь себе.

- Да уж, где его теперь найдешь...

P.S. Сочиняя рассказ, автор и понятия не имел, что в одном из музеев США сохраняется Б-17 с собственным именем... «Бетти Лу». Творится ли там какая-нибудь бесовщина, автору неизвестно. Так литература отражает жизнь, подчас сама не зная об этом.

КРАСНОЯРСКИЙ ИНСТИТУТ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА

Сергей Дубровин

Выпускник Красноярского института водного транспорта.

Участник многих персональных художественных конкурсов и литературных проектов. Лауреат краевых, региональных и всероссийских конкурсов. Обладатель премии главы Кировского района г. Красноярска «Одарённость -2013». Публиковался во многих литературно-поэтические сборниках.

Солдат России

Солдат России – верный сын страны!
Из года в год сильнее эта вера.
Растут, крепчая в мужестве, сыны,
Становятся они для всех примером.

Не дремлет враг, хоть светел небосвод,
Стоят солдаты, небо охраняя.
И каждый знает, что за ним – народ,
И верит в него Родина родная!

Моей России

Как пережить, Страна, сумела те
Четыре года, что зовутся адом?
И приближаться к светлой той мечте,
Давая веру своим мудрым взглядом.

Вот потому и выстояли мы
На фронте и в тылу, борясь с врагами,
Чтоб под покровом мира видеть сны
И Родину, счастливой вместе с нами.

Александр Переплетчиков

Курсант второго курса Красноярского института водного транспорта электромеханического отделения.

Учится на «отлично», пишет стихи, занимается переводами с английского, интересуется исторической тематикой, классической и современной литературой, играет на гитаре. Публиковался в газете «Речник Енисея»

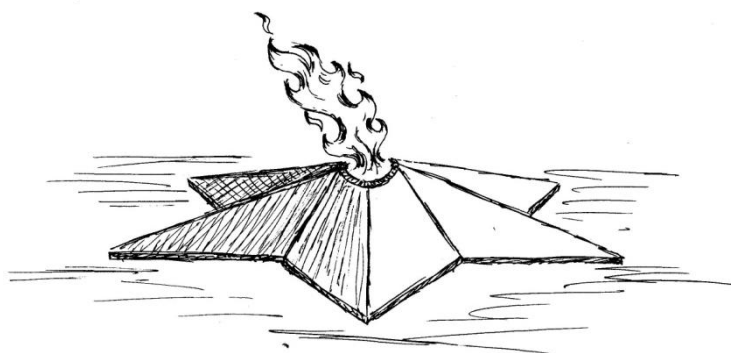

За тех, кто здесь погиб

Страх в тиски сковал здесь всех подряд,
К ужасу война здесь прижилась.
Словно паразит внедрил свой смрад,
Связь людей и мира развелась.

В прах уже развеяны тела
Миллионов жизней навсегда.
Пыль на землю красная легла,
Павших здесь закрыла навсегда.

Отомстим за тех, кто здесь погиб,
И за тех, кого война не пощадит.
Мы – надежда всех людских молитв,
Мы – все те, кто землю защитит.

Духом мы сильны

Тучами покрыты небеса,
Темнота – печатью на устах.
Наша бездна жизни велика,
Но в душе мы победили страх.

Будет тот его последний день,
Когда враг возвысится на миг.
Светлый час придёт, отбросив тень,
Путь открыв всем тем, кто не поник.

Мы подобны солнечным лучам,
Будущим своим возвышены.
Мы докажем всем своим врагам,
Что не сломлены и духом мы сильны.

Я – одинокий зверь

Я – зверь теперь одинокий,
Народом отвергнут и изгнан.
И в мире бездушном жестоком
Свет солнечный больше не виден.

Мне вызов природою брошен,
Теперь я отшельник бродячий.
Один. Никому я не должен,
Не нужен я стае собачьей.

И путь для меня не известен,
Но тайна меня не пугает.
И пусть будут добрые вести,
Пока душа жить продолжает.

Николай Семириков

Выпускник Красноярского института водного транспорта.

Пишет стихи различной тематики, интересуется историей, краеведением. Публиковался в «Красноярской газете». В настоящее время учится в Красноярской академии водного транспорта.

Мне не сдержать слезу мужскую...

Мне в этот день парад не нужен,
Я лишь надену ленточку.
И подарю букет солдатам всем,
Кого сегодня в мире нет, –
Букет потрепанный,
Напомнивший войну,
Что длилась без году
Пять долгих лет.

Пожму я руку ветерану,
Который старый и хромой,
Что носит ордена, а в сердце – раны,
Отмеченные белой сединой.

Мне не сдержать слезу мужскую,
И помяну я время то,
Когда шли в бой за Русь святую,
За честь и славу дома своего.

То время, когда мать, скорбящая по сыну,
Роняла на пол горькую слезу.
Давайте, граждане, помянем, шляпы снимем,
Всех тех, кто отдал жизнь за Родину свою.

Я не видел тебя вживую,
Но знаю довольно давно.
Ты очень мила в общении со мною,
Пусть всё сложится, как домино.

Я не видел тебя вживую,
Но, кажется, что люблю.
Я очень скучаю, тоскую,
Встречи нашей я жду.

Я не видел тебя вживую,
Но очень хочу обнять.
Как кольцо к Сатурну, прильнуть
И не отпускать.

Я не видел тебя вживую,
Но чувствую вкус твоих губ.
Они, как спелая вишня в саду,
Или, как вкусный тропический фрукт.

Прощай

Тебя любил.
Тебя пытался удержать.
Тебе звонил.
И за тебя готов был все отдать.

Но вот, увы,
Нет больше слов.
Не я, не ты и нету слова «мы».
Кончилась любовь.

В любви клялась,
А что в итоге?
Не дождалась!
К чужим коленям голову склонила.

Другого ты сильнее полюбила.

Я не смогу простить,
И знаешь,
Я не в силах
Так, как прежде полюбить.
Пока, прощай...

Кирилл Турчин

Выпускник Красноярского института водного транспорта.

Пишет стихи различной тематики, интересуется историей, вопросами психологии и философии. Публиковался в литературно-поэтическом альманахе «Русло» и «Красноярской газете». В настоящее время учится в Красноярской академии водного транспорта.

Я верю

Ведь ты же сильною была, моя Россия!
И каждый горд тобою был, а ныне...
Нас уважали, мир нас знал, и принял космос.
Ну, а сейчас, увы... у нас одни вопросы.
А у тебя – леса, поля, все те же реки.
Мы сохранить желаем все для человека.
Богатства редкие хранишь на зависть многим.
Я верю в светлую твою, Страна, дорогу!

Люблю я Русь

Люблю я Русь и реку Енисей,
Люблю я прозу русского народа.
Люблю просторы русских я полей,
Меня влекут просторы небосвода.

Люблю я родину свою.
Я здесь родился, здесь – умру...
Как мать родную я люблю,
Её тепло в душе храню.

Мне заграница не нужна,
Хочу я жить в России.
Ведь мне нужна моя страна,
Я верю в её силу!

Моп Амi

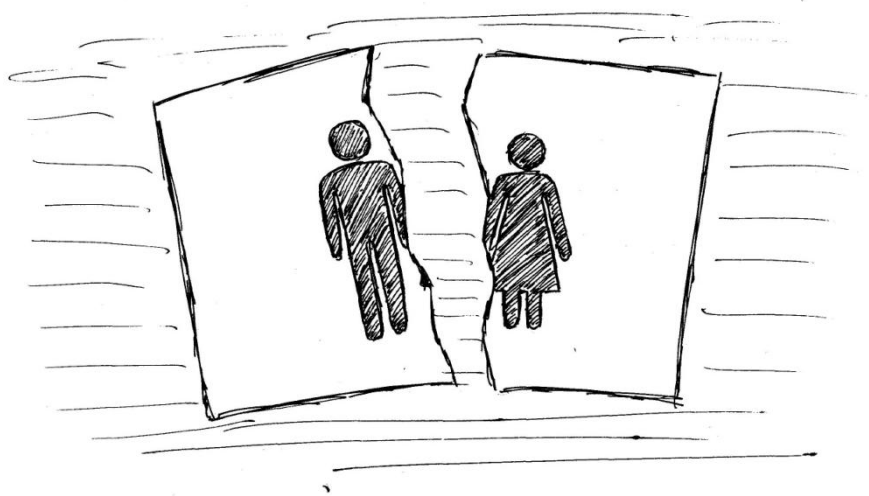
Я помню всё, о Моп Амi,
От первой встречи до сейчас.
Как мы гуляли вдоль реки,
Благословил сентябрь нас.

Как целовались мы с тобой,
И надо мной шутила ты.
А месяц светлый молодой
Дарил нам светлые мечты.

Я жил лишь мыслью о тебе,
И верил я, что любишь ты.
Я благодарен был Судьбе
И верил свято твоей лжи.

Ножом по сердцу: «Не люблю!»,
И сразу день, как будто ночь.
Боготворя тебя одну,
Просил я Господа помочь.

И боль, как квартирант души,
И равнодушие пустоты.
Себе твержу я: «Не спеши
Перечеркнуть свои мечты...».

ТВОРЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЮГА КРАЯ

Для сердца – любая окраина близко.
Кругами очертана наша земля.
Но в каждом селенье стоят обелиски,
Похожие чем-то на башни Кремля...
(Роберт Рождественский)

Уважаемые читатели, авторы и творческие объединения, ваши прадеды и деды, ветераны и потомки тружеников и участников Великой Отечественной войны! Приветствуем вас в нашей Литературной гостиной!

От имени авторов и составителей этого альманаха поздравляем всех с выходом восьмого литературного сборника СФУ «На Высоком берегу», посвященного 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне!

Мы рады, что имеем возможность показать в сборнике «На высоком берегу», посвященном 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. творчество авторов из южных районов Красноярского края, участников фестиваля «Под Рождественской звездой» (05.01.2020, п. Курагино), поэтов и прозаиков, фотохудожников и мастеров чтения и рукоделия. Работы были представлены ими во время чтений и выставок в Центральной межрайонной библиотеке в период с августа-ноября 2012 г. по январь 2020 г.

«Под Рождественской звездой», 05.01.2020, п. Курагино

23-го августа 2019 г в Центральной межрайонной библиотеке п. Курагино состоялась встреча одного из членов редакционной коллегии литературного сборника СФУ «На Высоком берегу» Виктора Конова с

участниками творческого объединения «Вдохновение» из с. Лугавское, Минусинского района Татьяной Снеговых, Павлом Огневым, руководителем объединения Раисой Пустобриковой и заведующей отделом художественной литературы ЦМРБ Ольгой Карамышевой. Именные обращения участников «Вдохновения» (Валентины Подольной и Татьяны Снеговых) к своим землякам-минусинцам мы публикуем в этом литературном сборнике.

24-го августа 2019 г. в библиотеке с. Кордово Курагинского района Виктор Конов встретился с участниками объединения «Литературная капель» из с. Кордово школьницей Леной Базаркиной и ее мамой Мариной, Ириной Завьяловой, Павлом Екимовым, Ольгой и Татьяной Макаровыми Людмилой и Иваном Рожковыми, Александром Рождественским, Александром Сорокиным и руководителем объединения Мариной Базаркиной. Хорошая поучилась встреча, на которой обсуждалось участие авторов «Литературной капели» в новом, тематическом, выпуске «На высоком берегу». Как итог: именные обращение к памяти ветеранам-курагинцам вы сможете увидеть на страницах нашего альманаха.

«Литературная капель», 24.08.2019, п. Курагино

Авторские экземпляры альманаха «На Высоком берегу», выпуски 6-ой и 7-ой, были вручены авторам, библиотеке и школе села Кордово. Библиотека также имеет доступ к электронным версиям альманахов.

На встрече в Кордово мы также уделили внимание прошедшей в 2018 году 140-летней годовщине села и основателям основных направлений деятельности: школе, клубу, госпромхозу, леспромхозу, геологоразведочной партии, ветеранам, селянам, сохранению культурного наследия и природного богатства с. Кордово и прилегающих к кордовскому сельскому совету поселений – с. Журавлево и с. Усть-Каспа. Мы вспомнили историю села Кордово,

этапы становления и развития всех сфер жизнедеятельности, обратились к памяти отцов, дедов и прадедов участников и ветеранов Великой Отечественной войны и ветеранов труда. Главная цель нашего сотрудничества – сохранение Памяти и культурного наследия региона.

Литературное объединение «Проталинка» (руководитель Александр Дрокин) из с. Ермаковское Ермаковского района в этом выпуске представлено Леонидом Латынцевым.

«Проталинка», июнь 2018, с. Ермаковское

Салона авторского творчества «Шестая струна» из с. Краснотуранска Краснотуранского района представляют стихотворения Елены Фокиной, директором Краснотуранского музея этнографии

В нашем сборнике мы в очередной раз печатаем стихи и прозу авторов из клуба любителей поэзии «У Лукоморья» (п. Курагино Курагинского района) – Ольги Ехомовой, Надежды Мисюровой и Александра Полежаева – постоянных участников поэтических чтений «Под Рождественской звездой». Их творчество отличает глубина и искренность, поэтому их выступления всегда интересны и привлекают внимание читателей и слушателей.

Курагинский район и южные районы Красноярского края – регион богатый самобытными и талантливыми людьми, проявившими себя во многих сферах освоения природных ресурсов, производства, образования и культуры, сохранения духовных ценностей территорий, сел и поселков. Мы способствуем реализации их творческого потенциала.

Мы благодарим участников творческих объединений южных районов Красноярского края за участие в совместных проектах с литературным клубом СФУ «Высокий берег».

*Виктор Конов, координатор совместных проектов
литературного клуба СФУ «Высокий берег».*

«ВДОХНОВЕНИЕ»

Творческое объединение, с. Луговское, Минусинский район.
Руководитель Раиса Никитична Пустобрикова

Валентина Подолянова

Родилась в Поволжье. Детство пришлось на годы войны. В Сибирь приехала в 1968 году. Более 40 лет проработала учителем русского языка и литературы. Сейчас на пенсии, активно участвует в общественной жизни.

«Запомните это, люди:
Окончится скоро война,
Смолкнут залпы орудий,
И вот на Земле тишина.

Всюду смеются дети,
Мирно светит звезда,
И расцветает планета.
Вспомните, люди, тогда.

Сколько нас, безымянных, в огне,
Собой заслонив страну,
Полегло на чужой стороне,
Двадцатую не встретив весну.

Заклинаю, люди, берегите
Хрупкий этот мир и тишину,
Землю, небо в солнечном Зените,
Всем народом дружно мир крепите
И не допустите новую безумную войну.

Чтобы не постучалась
Похоронка в ваш мирный рассвет,

Чтобы тишина не взорвалась
Атомом смертных ракет».

Голоса погибших бьют в набат,
И обелисков оживающие тени.
Бессмертный полк защитников-солдат -
Вы совесть, боль и честь
Грядущих поколений.

На краю...

Живя в напряге атомного века
Под тяжестью банкротства, неудач,
В себе теряем постепенно человека.
Опасны стали брат, сосед и врач.

На экранах - войны, изуверства,
Безумный беспредел и передел.
И объято страхом человечество,
Что станет с миром, и спасенье где?

Растеряв энергию в борьбе
За доллары, чины и троны,
Сгинет человечество во мгле
И в той дыре бездонной.

Опомнись, Человек! В агонии планета.
Пока не поздно, остановись!
Всевышний спросит на суде ответа,
Всему расплатой будет твоя жизнь.

Синие метели,
Синие снега,
Синие, холодные,
Как твои глаза.

Синие снежинки
На ладони тают.
Про мою любовь-огонь
Люди не узнают.

Синие сугробы,
Синяя зима.
От синего оба
Мы сошли с ума.

За окошком синим
Синяя тоска...
Это от того, что
Долго нет тебя.

Я бреду по улицам,
Снегом запорошенным.
И метель беснуется,
Как зимой положено.

Провода качаются,
Небо в серой мгле...
А мне все это нравится,
Мети, метель, сильней.

С метелью я поспорю,
А с ветром попою.
Ревет, метет и стонет,
И я в снегу стою.

Гроза

Гроза налетела
С неистовой силой:
Гудела, ревела
И крыши сносила.

Всё гремело, сверкало,
Земля стала адом.
Ливень смешался
С невиданным градом.

Человек и стихия –
Два мира, две силы.
Стоянье на грани
Столетиями длилось.

Человек создавал,
А стихия крушила,
Валила и била,
Сжигала, топила.

Человек не сдавался
На милость стихии,
Он заряжался её
Яростной силой.

Затерявшееся письмо

Здравствуй, чужая милая!
Где ты? В каких краях?
Счастливая, несчастливая,
Милая не моя.

Разделили нас расстояния,
Развела, разлучила судьба.
И грезы, и обещания
В лету ушли навсегда.

И метелями стылыми
Замело, занесло следы.
Вместе не быть нам счастливыми –
Слишком разные я и ты.

Но робкие наши свидания
И подснежники на снегу,
Образ твой в весеннем сиянии
До сих пор в душе берегу.

Прощай же, чужая милая,
Нам не встретиться средь миров.
Видно дьявол рукою хилою
Разрушил нашу любовь.

Татьяна Снеговых

*Участница творческого объединения
«Вдохновение», с. Луговское.*

Родилась на Волге в п. Жажлево.

*«Моя жизнь разделилась на две половины. Часть её
я прошла на Волге, а вторую часть – в Сибири, в
Иркутской области и в Красноярском крае. <...>
До настоящего времени работаю в медицине,*

*стихи пишу с детства обо всем. Последние годы больше пишу о войне
и о жизни».*

Ночная смена

Гул моторов в тишине ночной,
На полях войны не светят фары.
И напарник, сонный, молодой,
Как маяк, стоит в меже усталый.

Режет плуг печальные пласты.
На сиденье в ватнике девчушка
В руль вцепилась, ноги короткие,
До педали дотянуться нужно.

Покачнулся столбик и пропал.
Резко тормозит девчонка трактор.
Спит в меже калачиком, упал
Юный мальчуган. Устал проказник.

Два часа в стогу в ночной тиши
Тракторист-девчонка отдыхает.
Силы набирает от земли,
На «коня» – и вновь её взрыхляет.

Трактора терпели перегруз,
Но пахали, сеяли, косили.
Для свободы не жалели сил,
Никогда пощаду не просили.

Стар и млад в деревне не стонал,
Тыл стоял, ковал победу.
Вытирал слезу, родных терял.
Силу духа не сломили беды.

Вспоминает мать поездку в Горький,
Триста верст дорогой тишины.
В лагерь, с нагруженной кареткой,
Шли четыре женщины войны.

Сухари сложила в куль, продукты
Завернула в ткань и отошла.
- Доченька, дороженька до тятки
Далека, вот валенки нашла.

Подшивала валенки, чтоб ноги
Не зашлись от холода в тепле.
Снарядила старшую кровинку,
Не было отказов на войне.

Шли четыре дня, поспав в приютах.
Вновь с собой тащили за спиной
Сухари, груженные в котомки,
Для мужей, ослабленных войной.

Тощую похлебку принимали
От зари до мрачной темноты,
Ценный груз для фронта отправляли
Мужики – работники войны.

Не забудет дочь до самой смерти,
Как не мог насытиться отец:
Прижимал сухариков котомку
И жевал, как сладкий леденец.

И уснул так крепко, словно небо
Не светилось взрывами войны.
Успокоила краюха хлеба,
Помогла посылка от жены.

Утром в строй метнулся без портянок,
Босы ноги сунув в сапоги.
Два отгула получил как пряник -
Санаторий посреди войны.

Через двое суток вновь дорога,
Крошки хлеба не было с собой.
Подали другой кусочек хлеба
Земляки, сплоченные войной.

Мать открыла двери, зарыдала,
Не ждала, зажатая войной.
Выжить тятке дочка помогала,
Не жалея жизни дорогой.

Оказалась встреча расставаньем,
Вскоре уходил отец на фронт.
И погиб, и не увидел праздник,
Не обнял родных своей рукой.

Кружатся снежинки –
Дочери льдинки,
Ласково ложатся на ладонь.
Вальс их замирает,
И снежинки тают,
Хрупкие, становятся водой.

Столбики в папах,х,
Ветки в полушалках,
Крыши побелели - холода успех.
Белые пушинки, нежные снежинки
Замирают, падая на снег.

В поле микроскопа
Сказочные звезды.
На стекле узоры создает мороз.
И алмазом лунным,
Бриллиантом солнца
Множество снежинок прячутся от слез.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ КАПЕЛЬ»

Творческое объединение, с. Кордово, Курагинский район.
Руководитель Ольга Васильевна Макарова

Елена Базаркина

Ученица средней школы с. Кордово, Курагинского района. Материалы о прадедах были представлены ею в виде школьного творческого проекта.

Время войны

В это время всех убивали,
Пощады и милости не знали.

Это – война!
Мы забывать не вправе страшные года!

Забыть прадедушек мы не должны,
Они шли на бой ради нас и семьи.

Много их полегло в боях
На высотках, в болотах, в полях.

Кто вернулся домой, был готов
Проливать трудовых сто потов.

Но вот по радио голос звучит:
«Победа! Победа!» – оно говорит.

Все рады! И слезы из глаз.
Победа – лучший подарок для нас!

Моя семья

У нас у каждого есть семья. Мы все любим свою семью. А что такое семья? Об этом я задумалась, когда училась ещё в первом классе и выполняла творческие задания по окружающему миру «Моя семья». Я рисовала папу, маму, старшую сестру и себя. А ведь у меня ещё есть бабушки и дедушки, как быть? Папа – Сергей Георгиевич и мама – Марина Геннадьевна предложили мне подумать: не только бабушки с дедушками у меня есть, но и прабабушки, и прадедушки!

Так появилась проблема: кто же мои прадедушки и прабабушки? Как их звали, чем они занимались? С этой же проблемой столкнулись и мои одноклассники, когда готовились участвовать в акции «Бессмертный полк». Мои родители и родственники помогли собрать информацию о моих прадедушках.

Вот что я выяснила.

Прадедущка по папиной линии Базаркин Роман Васильевич родился 14.10.1904 г. в деревне Тамбовка Красноярского края Курагинского района. Работал в колхозе конюхом и кузнецом. В годы Великой Отечественной войны воевал под Ленинградом в пехоте. В окопах отморозил ступню, был ранен. Вернулся домой в 1943 г. Воспитал с прабабушкой Таисьей Фёдоровной семерых детей. Потом переехал в с. Кордово, где и был похоронен.

Другой прадедущка по папиной линии - Калинин Александр Александрович. Он жил в г. Минусинске. С 1941 г. воевал под Москвой, был военным хирургом. Фото его, к сожалению, ни одно не сохранилось...

Прадедущка по маминой линии Томозаков Павел Степанович родился в с. Абаза Таштыпского района Красноярского края. Призвали на войну 15.09.1942 г. Учился на сапёра в Киевском военном техническом училище, которое находилось в г. Ачинске.

Был младшим сержантом, сержантом, командиром отдельного сапёрного батальона. Всю войну был сапёром.

Награжден: медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в В.О.В. 1941 – 1945 гг.», медалью «За взятие Берлина»!

Был ранен в руку и в голову – осколок проносил всю жизнь. Воевал на Степном фронте, потом на 2-м Украинском, после ранения на 1-м Белорусском.

Ему пришлось пройти от Хакасии до Берлина через Курск, Брест, Белоруссию, Польшу и Германию.

Вернулся домой, устроился в Абаканскую геологическую партию рабочим. Работал в Абазе, Тёе, Пионерском, Кордово. Был председателем совета ветеранов, организатором создания памятника погибшим в ВОВ односельчанам.

Другой прадедушка по маминой линии – Соколов Василий Поликарпович. Он родился и вырос в с..Салба Идринского района Красноярского края. Он прожил большую интересную жизнь. Всю трудовую жизнь проработал учителем – 40 лет. Участвовал в Великой Отечественной войне.

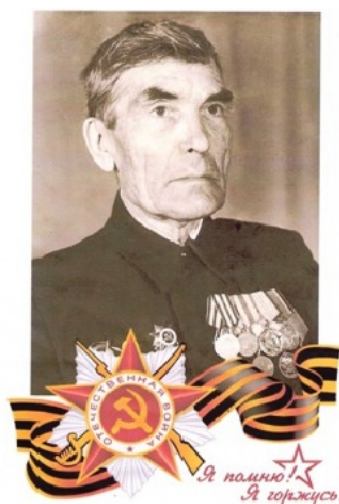
Воевал от первого до последнего дня в «царице полей» – пехоте. Был неоднократно ранен, контужен. За боевые заслуги награжден орденом «Красной звезды», медалью «За Отвагу». Вместе с прабабушкой Устиньей Яковлевной воспитал шестерых детей.

*Базаркин Роман
Васильевич*

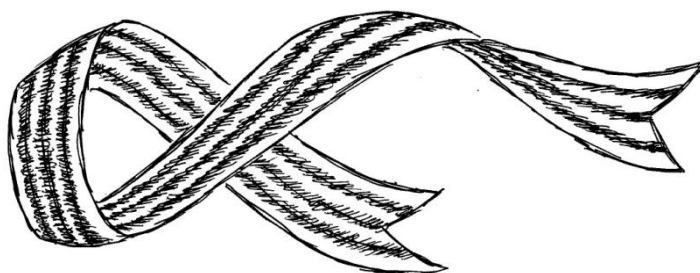

*Томозаков Павел
Степанович*

*Соколов Василий
Поликарпович*

Вот такие боевые оказались у меня прадедушки, и я горжусь ими!

Марина Базаркина

*Руководитель творческого объединения
«Литературная капель», с. Кордово.*

Разговор

Спустились сумерки в наш дом.
Закроем шторы, свет зажжём,
Нальем чайку и за столом
Поговорим о том, о сём.

Как день прошел, что на душе
Осталось в этой суете.
- Мамулечка, ты Расскажи,
Кто мои предки? Кто они?

Достану старый я альбом.
Подумаю, вспомню о былом.
- Смотри, вот это твой прадед,
В военной форме он одет.

Он бил фашистов, ранен был.
Медаль и орден получил.
Прошел все ужасы войны
Один из воинов страны.

- А в мирной жизни кем он был?
- Всю жизнь детишек он учил.
Своих он шестерых поднял,
Большую пасеку держал.

А рядом с ним по жизни шла
Прабабушка Ульяна.
С войны вернулся он к жене
Живой, хоть и изранен.

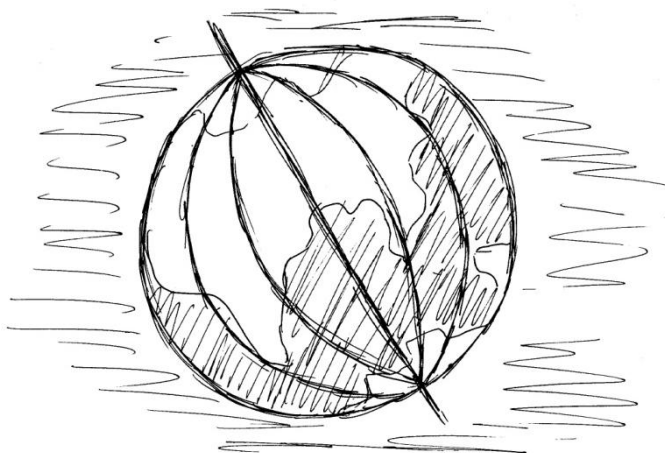
Бог подарил ему судьбу.
Прожил её достойно.
Я фотографию храню,
И на душе спокойно.

- Спасибо, мама, за рассказ.
Какой прадедушка у нас!
И я горжусь семьей.
Прадедушка – герой!

Я постараюсь так прожить,
Чтоб честь прадеда не срамить!

Тепло своих ладоней раскрой,
Отдай другим.
Пусть мир в тепле утонет,
Не будет больше злым.

Чтобы люди всей Земли
Взяться за руки могли,
Чтоб опутать шар земной
Своею добротой!

своём пути. Именно так рисовало моё детское воображение это, леденящее душу, слово – война.

Дед: «Голод не тетка, сосет под ложечкой, а на обочине, в грязи – мертвая лошадь. Брезгуя, затыкаем носы, отворачиваясь от мертвечины, а по ней уже опарыши...». И я чувствую этот смердящий запах, а дед голодный, мне его и солдат жалко! Дед: «А когда наступают сумерки, ползут к этой лошади солдаты и, уже не брезгуя, делят уже не свежую конину. Жить надо, выживать, Родину защищать. А обоз с провизией не подошел...».

А однажды его другу пришла посылка – жареный гусь. Не скажу, как её доставили, и как гусь мог сохраниться, но когда они вскрыли посылку, разрезали гуся, их ждал сюрприз – четверть самогона! Не разрешали из тыла спиртное, а вот таким образом дошло. Помню, дед хитро улыбался, вспоминая жареного гуся.

У деда было 3 ранения и на спине, под правой лопаткой, след от пули. Показывал, только я тогда ещё не понимала, что небольшая ранка могла лишить жизни не только его. У деда – 3 детей, 4 внуки, 10 правнуков, 4 праправнука.

Вспоминал, как по весне, наевшись черемши без хлеба (на западе растет что-то похожее на нашу сибирскую черемшу), ложились спать на голую землю по 2 солдата на одну шинельку, накрываясь другой с «головой», и нечем было дышать, и отворачивались друг от друга согреться, проживая ещё один день войны.

Много лет с тех пор прошло,
Деда нет уже давно.
Поднялась страна из пепла.
Только кажется вот мне,
Будто я на той войне
Видела сама всё ЭТО...

А было это в 1965 году, зимой. Мне было 5 лет, и меня водили в советский, надежный детский сад. Там всегда было тепло, и стоял аромат еды. Накануне я была у деда, и он показал мне новую медаль (юбилейная).

Она была необыкновенная! Нет, у деда были медали, хранились строго на своём месте в жестяной коробочке, но они не блестели, не сияли золотом, как эта. Они были скромнее, хотя по значимости были намного важнее, дороже – «За отвагу», «За взятие Берлина», и не помню какие еще. А эта! Новенькая, «золотая», с изображением неизвестного солдата с девочкой на руках. Я не могла на неё налюбоваться, казалось, что дороже и ценнее её я ещё не держала в своих детских, дрожащих ручонках.

«Дед, подари! Дед, дай поиграть! Дед, дай поносить», - не унималась я. Не устоял дед, пристегнул медаль на внутреннюю сторону полы моей цигейковой шубки. Утром отвезли меня в детский сад, она была со мной с левой стороны, у сердца. Мне не терпелось поделиться со всем миром этой радостью. На прогулке в детском саду я распахнула полы своей шубки и показала детям – одноклассникам «свою» дедову медаль. Дети собрались вокруг меня, толкаясь и перебивая друг друга, каждый хотел увидеть, потрогать, подержать в руках медаль. А я была счастлива и горда! Мой дед дал мне медаль поносить! И вот медаль уже отстегнута и переходит плавно из рук в руки, и радуются дети, и завидуют мне.

Когда за мной пришли родители, медали на внутренней поле уже не было. Что случилось? Где она? Кто её взял? От стыда я прятала глаза, считая себя виноватой в исчезновении моей драгоценности. Дед дал поносить, доверил, а я не сберегла. Меня накажут, поставят в угол или даже посадят в тюрьму. Не хотелось идти домой.

Позже я узнала, медаль незаметно забрала наша воспитательница Мария Константиновна, и во время сон-часа вернула её законному хозяину: «Василий Ефимович, медаль – это не игрушка!» На что дед ответил примерно так: «Да, медаль не игрушка, но если она в детских ручонках, значит, нет войны, ради этого мы воевали!».

В 1975 году дед ушел из жизни. Хоронили дела в летний солнечный день, несли подушечки с медалями. И она была здесь - медаль юбилейная из латуни 1965 г. Не потускнела от времени, а блестела золотом на солнце, провожая своего воина в последний путь.

Светлая тебе память, дед, Мурашов Василий Ефимович 08.03.1908 г/р., и всем-всем, воевавшим и отстоявшим мир и покой на нашей земле. Земля вам пухом!

Годы память не сотрут,
Годы память берегут,
Через время отдается эхом.
И в Победы день страна
Поздравляет ветеранов,
Только не хочу, чтоб повторилось ЭТО.

75 лет прошло с окончания войны! Такие вот простые солдаты шагали до Берлина, освобождая каждый сантиметр нашей святой земли, чтобы мы помнили, чтобы дети держали медали и бережно передавали из поколения в поколение эти святыни.

Пока мы помним – они с нами. Чем дальше от нас день Победы 9 мая 1945 года, тем сильнее, крепче нити памяти. Память – это

невидимая аура, живая энергия – защита от врага. Это божественное крыло над нашей Родиной! Пусть только попробуют!

И опять 9 мая потянутся бесконечные «ручейки» и «реки» «Бессмертного полка».

И опять цветы и слезы!

И опять салюты в честь Победы, в честь наших дорогих ветеранов!

В память завоеванной победы
У каждого из нас медаль в руках.
Мы все достойны этой даты.
Победе нашей –75 , победе нашей ровно 75!

Несутся годы быстротечно,
В одном строю и стар, и мал,
Мы на руках несем Победу!
Победе нашей –75! Победе нашей ровно 75!

Портреты в рамах – есть кем гордиться!
Войны героев памятью обняв,
Нет, не забудем эти лица!
Победе нашей –75! Победе нашей ровно 75!

Их подвиги должны мы помнить,
Стучат набатом в наших сердцах.
Не отдадим ВАШУ победу,
Победе нашей –75! Победе нашей ровно 75!

Блестят медали – ветеранов слезы,
Все меньше их живых в строю.
Мы празднуем сегодня День Победы,
Благословляя Родину свою!

Ольга Макарова

Родилась 1957 в Сибири с. Большая Салба Идринского р-на Красноярского края, в семье учителя. Свою жизнь посвятила служению книге. Более 40 лет отработала сельским библиотекарем. Участница, призер и победитель профессиональных районных и краевых профессиональных конкурсов.

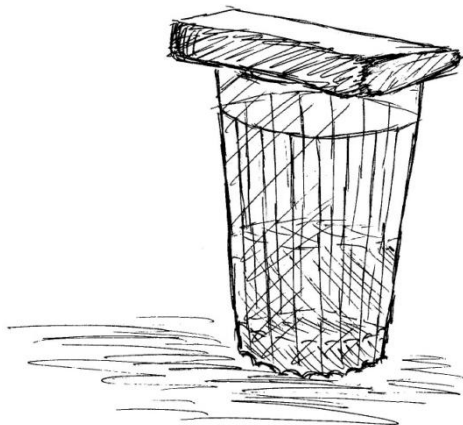
Ветеранам

Славные, хорошие, родные!
Празднует страна Ваш юбилей.
Вы опять, как в годы фронтовые,
Чарочку налейте поплней

И её слегка вы пригубите,
А кто может, выпейте до дна.
Этим недоживших помяните –
У победы горькая цена...

И пускай сияют все награды,
И отпустят все болезни Вас –
Большого Вам в жизни и не надо
В этот долгожданно – светлый час!

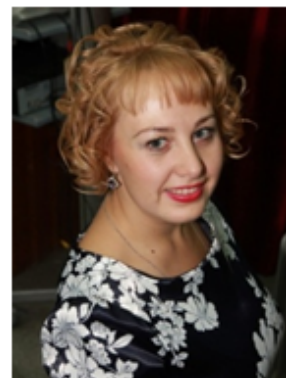
С праздником! С Днём Победы!

Татьяна Макарова

С самого раннего детства любила читать. Любовь к чтению привила ей мама, Макарова Ольга Васильевна, библиотечкарь и основатель «Литературной капели».

«Стихи – как люди. У каждого – своя судьба. За редким исключением, мне кажется, они пишутся по наитию, когда автор выплескивает на бумагу свои чувства и переживания, поначалу не слишком заботясь о том впечатлении, которое они произведут на другого человека».

В «Бессмертном полку»

Со старых чёрно-белых фотографий
Они сегодня в душу нам глядят.
И мы сейчас – их дети, внуки, правнуки
Торжественно шагаем на парад.

У нас в руках – портреты,
Идем мы с ними в ряд,
Чтоб видела Россия
Бессмертных тех солдат.

Так, знай же, планета, и помните, люди,
Защитников наших мы не забудем!
Пусть мирное солнце нам радостно светит,
«Нет» – говорим мы всем войнам на свете!

Наказ людям мира будет таков –
То главная воля «Бессмертных полков».

Людмила Рожкова

Любит путешествовать. Посетила многие европейские страны, страны Африки и Юго-Восточной Азии. Публиковалась в альманахе прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор». В конце 2016 года вышла в свет книжка-раскраска «Стихи для детей и не только...».

Мы пред вами склоняем колени.
Отгremели залпы орудий,
Стихла дальних боев канонада.
Этот бой позади – самый трудный,
И в лесу тишина – как награда.
Неужели конец войне близок,
И забрезжил рассвет долгожданный,
И не надо мерзнуть в окопах,
В грязной яме бинтуя раны?
Не придется топтать сапогами
Пыль дорог и спастись от пули,
Ждать письма от сестренки иль мамы,
И стоять на ветру в карауле.
Светлый май наступил, 45-й!
Почему же еще льются слезы?
Ведь повержен, разбит враг заклятый,
Плачут матери, плачут березы.
Нелегко нам далась та победа:
Все отдали, спасая Отчизну,
Наши воины-прадеды-деды
Ради светлой безоблачной жизни.
Кровью вписаны даты в историю,
Страшен призрак костлявой тени.
В вашу честь звучат оратории.
Мы пред вами склоняем колени.

В память о погибших

Тишина. Давящая, звенящая тишина. Не слышно привычных выстрелов снайперских винтовок, а перед глазами не стволы деревьев, за которыми можно укрыться, целясь в противника, а унылый потолок и стены больничной палаты, в который оказался в 1942 году боец Сибирского лыжного батальона Василий Сергеевич Рожков. Ранением закончилось участие в боевых действиях под Клином ещё совсем молодого воина.

В октябре 1941 года Василий Сергеевич был зачислен в состав Сибирской дивизии, которая участвовала в обороне Москвы. Впервые лыжные батальоны, укомплектованные сибиряками, были переброшены под Клин, в самое пекло. Тогда оборона Москвы буквально висела на волоске. Немцы стояли у окраин столицы. С боями, ночевками в заснеженных лесах в 30-градусный мороз, с ночными атаками они прошли на лыжах по маршруту Клин-Калинин-Кресты-Велиж.

Лыжникам вольно или невольно приходилось следовать заповедям непобедимого русского полководца Суворова – глазомер, быстрота (внезапным появлением ошеломить противника) и натиск (действовать без малейшего промедления, решительно и беспощадно).

Вооружение лыжников составляло лёгкое стрелковое оружие ближнего боя – автоматы, пистолеты и ножи. Всё, включая боеприпасы и продовольствие, надо было нести на себе. Лыжники шли в отрыв от основных сил. Сибирские лыжные батальоны наводили ужас на фашистов. Они сеяли панику среди немцев внезапным появлением в их тылах. Для борьбы с ними немцы бросали лучшие части, не жалели ни авиации, ни артиллерии.

Прицельная дальность стрельбы автомата ППШ - не более 200 метров. И потому надо было незаметно подойти к противнику на максимально близкое расстояние, чтобы «уравновесить» немецкие пулеметы, и перейти, практически, к рукопашной схватке. Зачастую этим целям помогали ночь, сибирская охотничья смекалка и тактическое мышление.

Из воспоминаний Василия Сергеевича:

«Это был тяжелый, многокилометровый ночной переход в составе специального лыжного батальона. Мы на 60 км углубились в тыл врага. Стояли сильные морозы, передвигались по глубокому, до полутора метров, снегу в густом лесу. Приходилось иногда грызть мерзлые продукты, костры не всегда можно было разводить по условиям маскировки, а иногда и вообще приходилось обходиться без питания. Лишь изредка удавалось отогреться в уцелевших избах, обычно после немцев оставались лишь печные трубы».

Тот марш-бросок запомнился надолго. Закончился он окружением Клина. Немцы были выбиты из города. Клин был освобождён.

В этом бою Василий Сергеевич получил лёгкое ранение. После восстановления, в 1942 году участвовал в боях под Ленинградом, был снайпером. На очередном боевом задании, после второго снайперского выстрела, был обнаружен противником, тоже снайпером, и получил тяжелое сквозное пулевое ранение грудной клетки с повреждением легкого. Из-за снайперской засады был вынесен сослуживцами только ночью, т.к. днём поле боя находилось под обстрелом на открытой местности. Потерял много крови, очнулся в госпитале. Шесть месяцев провел в госпиталях, после чего был демобилизован.

Поколение, выжившее в этой страшной бойне и ощутившее весь ужас ада, пыталось увековечить память стоявших за Родину из последних сил. Ведь забыть - это значит совершить преступление перед совестью и будущими поколениями, которые знают об этой войне только из книг, кино, песен и по свидетельству очевидцев, число которых неумолимо тает с каждым годом. Они должны знать об этом и помнить, в каждой русской душе должна жить генетическая память, которая не позволила бы растоптать светлую память о павших героях. Сегодня немало желающих переписать страшные страницы истории, обесценить героический подвиг защитников Отечества.

Сколько же невыплаканных слез, молитв матерей, исковерканных страшной войной судеб погребены в этом скорбном пласте истории!

Сколько же ещё осталось невысказанного, ненаписанного, нераскрытого! Сколько страданий и боли, отчаяния и надежды ушли в вечность вместе с защитниками Отечества – молодыми парнями, которые еще не успели по-настоящему понять, что такое жизнь. Но они хорошо понимали – защита Отечества – это превыше всего! Светлая им память.

Иван Рожков (справа), сын Василия Сергеевича, и литературное объединение «Литературная капель», с. Кордово, Курагинского района

«ПРОТАЛИНКА»

Творческое объединение, с Ермаковское.
Руководитель Александр Иванович Дрокин

Леонид Латынцев

Родился в таёжном Дaurском районе Красноярского края. По профессии техник-механик. Ветеран труда. С большой теплотой и грустью вспоминает детство на берегах таёжной речки Сисим. После строительства Красноярской ГЭС Дaurский район был затоплен, и ностальгия по прошлому не даёт сердцу забыть родные милые места. Ежегодные встречи с бывшими сельчанами находят отклик в его стихотворной лире. Страстный любитель и знаток родной природы.

Танкист Латынцев

Леонид Дмитриевич Латынцев родился 14 августа 1912 года в деревне Усть-Караскыр Идринского района Красноярского края, в крестьянской семье. После окончания школы работал в Новоселовском леспромхозе мастером лесозаготовок. Проходил обучение в г. Канске на курсах повышения квалификации. 17 декабря 1941 года был призван на службу в РККА Новоселовским районным военным комиссариатом. Воевал на Воронежском и Степном фронтах и на Курской дуге в звании младшего лейтенанта, в должности Командира 1-го взвода 1-й мотострелковой роты моторизованного стрелкового пулеметного батальона 96-й танковой бригады.

Леонид Дмитриевич награжден «Орденом Красной Звезды». Как описывается подвиг в учетной картотеке, что в боях за населенный пункт Минутка 27 августа 1943г. личный состав взвода проявил стойкость и отвагу. Первыми ворвались в оборону противника и несмотря на то, что противник имел численный перевес, взвод Леонид Латынцева, вступив в неравный бой, уничтожил до 100 немецких солдат и офицеров, 4 ст. пулемета и 4 противотанковые пушки. Лично сам Леонид Латынцев в этом бою уничтожил 25 немцев, 2 станковых пулемета.

Награжден он также медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Вооруженных сил СССР».

После ранения, придя с фронта, продолжил работу начальником лесозаготовительного участка в Даурском леспромхозе. В 1964 году семья переехала в с. Ермаковское. Там Леонид Дмитриевич и был похоронен в 1983 году.

*Леонид Дмитриевич
Латынцев*

Мой отец воевал,
Он Победу ковал.
И покончив с войной,
Он вернулся домой.

На груди – ордена,
На висках – седина.
Средь наград на груди –
Орден Красной Звезды.

Пулевое раненье в руке,
И осколок от мины в ноге.
Мать встречала, жена,
Сына два и дочурка одна.

Сыновья подбежали, узнали
И ручонками ноги обняли.
Дочка плачет, сопит,
Признавать не спешит.

- Это папка не мой,
Наш совсем не такой,
Он у нас – молодой!
И никак не хромой.

Это дядька чужой
С перебитой рукой,
Я не знаю его,
Мы дождёмся с войны своего!

Отец молча дочурку обнял,
Улыбнулся и на руки взял.
Дочка дико глядит,
Но прижалась к груди

И коснулась щеки,
Слёзы с глаз потекли.
И щебечет, погон теребя:
- Я совсем не узнала тебя.

Это ж ты, дорогой!
Ты, мой папка родной!
Со слезами целует она.
Плачет мать, и рыдает жена.

Все в слезах, обнялись,
Слава Богу, живой! Дождались!

Осколок войны на всю жизнь

Семья у нас большая, не зря мама Фёкла Григорьевна имела ордена материнской славы всех трёх степеней. Но до войны было трое: два сына и дочка.

Воевал отец на Курской дуге, был командиром взвода МСП-батальона. Бои были жаркие. Вот данные учётной карточки бойца: «В боях за населённый пункт 27 августа 1943 года личный состав взвода проявил стойкость и мужество. Первыми ворвались в

оборону противника, несмотря на численный перевес сил, взвод Латынцева вступил в неравный бой, уничтожил до 100 немецких солдат и офицеров, четыре станковых пулемёта, четыре противотанковых пушки.

Лично сам Латынцев в этом бою уничтожил 25 немцев, два станковых пулемёта». Это подвиг командира.

В наградном листе записано:

«За умелое руководство взводом в бою достоин правительственной награды «Орден Красной Звезды» младший лейтенант Леонид Латынцев» Медаль «За отвагу» у него уже была.

В этом бою отец был ранен в плечо и в ногу, думал – всё, отвоевал. И ушла в семью на него похоронка. Но мужики не бросили, вынесли с поля боя. Лежал он уже среди множества раненых возле санитарной палатки, плечо загноилось, можно было потерять руку. Когда очередь дошла до отца, молодой врач глянул, а там уже черви. Говорит: «Терпеть будешь?». «Буду!» – был ответ. Налил ему стакан спирта, несколько раз почистил рану и руку спас. Вот осколок в ноге всю жизнь с ним и прошёл. Когда пришлось лететь на самолёте, никак сначала не могли понять, почему всё звенит и звенит металлоискатель.

А пока отец был в медсанбате, дома, в Сибири, его мать, бабка Пелагея, говорила жене: «Фёкла, не верь, сожги похоронку, он живой!» Наша мама так и сделала. Сердцем чувствовала Пелагея, что жив сынок.

Пришёл из госпиталя в 1944 году, в силе был, и прибавилось в нашей семье ещё четыре брата, так что после войны детей стало семеро, шесть сыновей и дочка.

В 1964 году семья переехала в Ермаковское в связи с заполнением Красноярского водохранилища и ликвидацией Даурского района, где мы жили последнее время в посёлке Шахабаиха. Отец долгое время работал мастером сплавной конторы и жили мы сначала в доме Лепешинских, где теперь музей, потому что это здание принадлежало сплавной конторе.

Запомнили мы из детства, что отец никогда не смотрел фильмов о войне, сразу уходил, не мог. Может, потому, что видел на переднем крае такое, о чём не расскажешь ни в каком кино...

«У ЛУКОМОРЬЯ»

Клуб любителей поэзии, п. Курагино.
Руководитель Любовь Алексеевна Горланова

Ольга Ехимова

Выпускница Московского университета искусств по специальности «Станковая живопись». Работала учителем, заведующей клубом, художником-оформителем. Заместитель председателя поэтического клуба «У Лукоморья». Печатается в газетах «Тубинские вести», «Аргументы Курагино», «Красноярский железнодорожник», в литературно-художественных альманахах «Истоки» и «На высоком берегу», в сборнике сибирских поэтов «Таежные зори». Автор песен о малой родине.

День скорби

Нет, не забыты имена
Всех тех, кто пал на поле брани...
Еще столетия война
Сердца людские будет ранить,
Святая память души жжет
Огнем невиданных сражений...
И скорбью поминальных встреч,
И строчками стихотворений.
Еще дополнятся тома
Открытыми вновь именами,
Словно история сама
Пропавших ищет вместе с нами.
Еще прольется много слез,
И не устанут плакать вдовы...
Но, подрастает в мире грез
Народец юный, солдат новый.
Вот им, рожденным после нас,
Страну и память завещаем;
Чтоб не настал тот горький час,
Тот горький миг, что вспоминаем.

Пораскинулась малая Родина
На просторах сибирской Земли,
Сколько было дорог мною пройдено,
Все к родному порогу вели.
Ты, Курагино, снилось в разлуке
Белой пеной черемух твоих,
И незримые Родины руки
На плечах ощущала своих.
Не томила души понапрасну,
Вновь обласкана ветром родным...
Здравствуй, Родина, здравствуй, прекрасная,
Мне отраден Отечества дым.
Мне отрадны окрестные дали,
Зорь рассветных малиновый свет...
Над моей головой облетает
Вновь черемух твоих белый цвет.
Мне отрадны твой мост над Тубою,
Куполов божьей церкви краса...
Вместе с нашей народной любовью
Да хранят тебя небеса!
В моем сердце осталась навек...

Я на судьбу не сетую,
Я с судьбой беседую,
Не корю судьбу свою,
Мало в этом толку...
Если уж не вмоготу,
То, уткнувшись в темноту,
Посижу я и поплачу
Втихомолку;
На судьбу я не сержусь,
Говорю я: «Ну и пусть!».
Лезу ль вверх, качусь ли вниз,
Говорю себе: «Держись!».
Я на судьбу не сетую,
С нею я беседую.
В жизни всякое бывает,
Так на то она и жизнь!

Надежда Мисюрова

Родилась в Красноярске. С детства занималась спортом – художественной гимнастикой. Мечтала стать балериной. Поступила в Красноярское хореографическое училище, но из-за болезни с мечтой о балете пришлось расстаться. Увлекается рисованием. Автор поэтического сборника «Мне имя Надежда», «Надежда и Мы», детской книги стихов «Изумляндия» и публикаций в различных газетах и альманахах.

Не найти мне Родину другую

Возможно, много на земле красивых мест,
Но не найти мне Родину другую,
Где в небеса летит над колокольней крест,
И осень пишет повесть золотую.

Пусть прост и не всегда богат её наряд,
И в сарафанах тоненького ситца
Берёзки белые, как свечечки стоят,
Как бедного Иванушки сестрицы.

Но, опустели сёла, смотрит сиротой
Журавль-колодец, старый, деревянный.
Он хочет напоить своей живой водой,
Кто в отчий дом вернётся покаянный.

Щемящей грустью веет от тенистых рощ,
Враз небо на закате вдруг поблекнет.
Так пусть пройдёт безверия глухая ночь –
Россия пробудится и воскреснет.

Не раз ты падала и восставала вновь,
Россия, Русь! Ты Господом хранима.
Всегда пусть будут вера, святость и любовь
С тобою на века неразделимы!

О войне

В тот год они все разом повзрослели,
Намного дней тогда померкло солнце.
И платья поменяли на шинели,
Попав на фронт с отрядом добровольцев.

Запрятаны подальше две косички,
И тёмен цвет военной гимнастёрки.
А воздух гулкой тишиной напичкан,
Идут в строю вчерашние девчонки...

Лишь на привале возле стройных сосен
О доме можно вспомнить на минуту:
«Ах, знаешь, мама, здесь такая осень?!
Красивей в жизни не было как будто».

Но застит взгляд колючий дым пожарищ,
Колёса вязнут с рёвом в бездорожье.
«Дай закурить, пожалуйста, товарищ!
Из Омска я, а ты? – Из Запорожья».

Но вот земля, пробитая снарядом,
Вдруг содрогнувшись, словно искривилась.
И санитарка, оказавшись рядом,
Увидев смерть, ничуть не удивилась?

Но, услышав, «Ребятки, помогите!»,
В ней будто сил прибавилось и роста.
– Сейчас, родные! Скоро... Потерпите!
Вы доживите только, хоть непросто...

И в госпитале бережные руки
В который раз запёкший бинт снимают.
– Всё заживёт до свадьбы, по науке,
Вас ещё дети, внуки ожидают...

Ну, а кому-то стала смерть – невестой,
Для павших воинов мать – земля сырая.
И чей-то дед погиб ещё под Брестом,
Отчизну в сорок первом защищая.

Не счесть нам всех имён, не счесть героев,
Отдавших жизнь тогда свою за други,
И сердце ускоряет бег порою,
Невидимую цель сжимают руки.

У Бога мертвых нет, но все живые,
И память бесконечная, как небо.
Но выжжены огнём сороковые,
Те годы юности лихие, роковые...

Первый снег

Ты ждёшь, как спасения, первого снега,
Взывая с надеждой, глядишь в небеса.
Того, что должно быть, теперь не избежать,
Ну вот, до зимы почти четверть часа!

Куда-то вдруг сердце опять улетает,
И вновь начинает захватывать дух –
На тёплой ладони тихонечко тает
Небесных созданий серебряный пух.

И силясь поверить, стоишь изумлённый,
Как первый свидетель чудес наяву,
Как будто бы в детство на миг возвращённый,
И сказки открывший седьмую главу...

Ещё предстоят дни скитаний и странствий,
Там медные трубы, огонь и вода,
И радость открытий, и бремя препятствий,
И то, что уже не вернуть никогда.

Но если в плену Ледяной Королевы
Ты всё же забудешь вдруг имя и дом,
Горячего сердца родные напевы,
И тот распустившийся сад за окном...

Холодного замка высокие стены
Для выросшей Герды теперь ерунда,
Судьбы повороты, пунктиры, рефрены –
Вновь станут водой – все осколки льда!

Тихий Ангел

Тихий ангел с глазами оленьими
Мой наперсник, поверенный друг.
День и ночь он в молитвенном бдении
Не опустит взывающих рук.

Светлый ликом, в простом одеянии,
С дивной песней, звучащей в груди.
Что сказать мне в своё оправдание?
Я прошу только, не уходи!

Ты насквозь видишь сердце мятежное,
Свет надежды и пламень любви.
И откуда в душе столько нежности?
Только, я прошу, не оборви

Эту ниточку, тонкую, хрупкую –
Веру в чудо, добро и людей.
Чтобы сердце пугливой голубкою
Не скиталось среди площадей,

Не металось, ища подаяния:
Не стучалось в дверь, где глухота.
В человеке, как в Божьем создании,
Прозревало бы образ Христа!

Помолись обо мне

Помолись обо мне! Видишь, звёзды на небе погасли!
Снова в душу заполз этот скользкий предательский страх.
Пересохший родник не спасает упавшею каплей,
И лишь память о влаге живой на запекших губах.

Этот мир – Вавилон, поглотивший людей мегаполис,
Среди тысячи лиц мне так сложно увидеть тебя.
Каждый следует здесь сообразно заученной роли,
Убеждая себя равнодушно, что это судьба.

Здесь слова потеряли обличье, былую весомость,
И любовью зовут что угодно, не зная о ней.
Может быть, и тебе это тоже до боли знакомо,
И ты прячешься вновь в лабиринте утраченных дней?

Я не знаю, как мне рассказать, и как мне объясниться,
И для родственных душ непонятным стал общий язык.
Непростому такому искусству как мне научиться?
Чтобы в сердце возник столь живительной влаги родник.

Шумный город огнями рекламы свой торг открывает,
Только нет здесь того, без чего невозможно прожить.
И нередко, кто всё обретает, тот всё же теряет,
Не имея бесценного дара кого-то любить.

Ты прости, что я душу свою пред тобой открываю,
И не следую моде, где каждый лишь сам за себя,
Вновь знамёна свои поднимая, на то уповаю,
Что предать невозможно, вовек бесконечно любя.

Это небо

Посмотри, это небо сегодня немыслимо синее,
Будто вызов немой в суете растворённому городу.
Горизонта манящего краешек, тонкая линия,
Вновь зовёт за собой по какому-то вескому поводу.

Нам с тобой по пути, а ещё с перелётными птицами,
Чей девиз – высота, а полёт – это мировоззрение.
По законам ты помнишь из физики между частицами
Образуется, веришь? Взаимное, что? Притяжение.

И не зря обоснована критика чистого разума,
Есть такое на свете, что больше пространства и времени.
Пусть относятся к этому люди земли все по-разному,
Но в любви невозможно измерить глубины и степени.

Ты прочтёшь те слова... Ещё больше сокрыто в молчании,
И душа, как таинственный остров, никем неразгаданна.
Не годятся ни компас, ни карта, и нет описания,
Лишь навстречу в бескрайний рассвет траектория задана.

Небо любит отважных героев и вечных романтиков,
Не боящихся падать и крылья отрачивать заново.
Всех, кто крови единой, бессмертной любви сопричастников,
Только им это дивное чувство навеки подарено!

Александр Полежаев

Актер Ирбинского драматического театра. Любит заниматься спортом, выступал за команду по волейболу Ирбинского рудника.

Стихами увлекался с юности. Его стихи печатались в местных районных газетах «Твои аргументы» и «Тубинские вести».

Вам, солдатам Священной войны

Боль и горечь от мыслей и слов.
Мы теряем последних из славных,
Их, участников страшных боёв,
Рукопашных, кровавых, неравных.

Мы теряем последних живых,
И от горя наш долг возрастает,
Память, совесть, как вечный огонь,
Среди нас их навек сохраняет.

Вам, солдатам Священной войны,
Мы должны до земли поклониться.
Вам, солдатам, кто мёртв, кто живой,
Продолжают сражения сниться.

А хотелось им петь и любить,
Сеять хлеб и не слышать набата,
Но у русских считалось за грех,
Осрамить честь и славу солдата.

Сохранили. И слава навек,
Вам, солдатам Священной России,
Вы, солдаты, кто мёртв, кто живой,
Стали святы, как свят стал Мессия.

Ведь они до конца, как и Он,
Своей жизнью нам в жизнь путь открыли,
Чтобы помнили: ты – человек,
И чтоб жили. Чтоб просто жили.

Вера в Победу

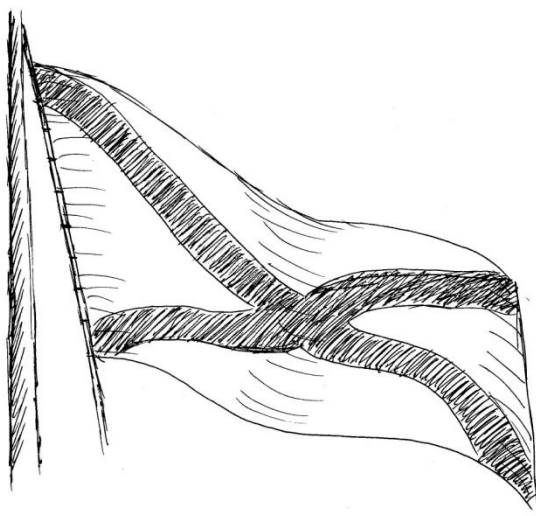
Здесь даже травы рыжие, с оттенком
От пролитой солдатом крови,
Мы помним этот Крым непокоренный,
Мы вновь с тобой, Господь благословил.

Господь благословил объединиться,
Святая Русь в единстве берет силу,
И Севастополь флаг Андреев вскинул,
Как раньше, ведь всегда такое было.

Вновь корабли на рейде, будто птицы,
И моряки в строю чеканят шаг,
Такой, что эхо над морями мчится,
И вновь в тревоге замирает враг.

Мы помним все, политый кровью камень,
Тельняшку, что на сердце, как броня,
Атаку, где гремевшая «Полундра»,
В последний бой бросавшая меня.

Мы выстояли, да, мы победили,
Солдатам слава, мы спокойно спим.
И те, кто до Победы не дожили,
В нас верят, что мы тоже победим...

«ШЕСТАЯ СТРУНА»

**Салон авторского творчества, с. Краснотуранск.
Руководитель Виталий Юрьевич Фалько**

Елена Фокина

*Поэт, директор Краснотуранского историко-этнографического музея села Краснотуранск.
«...Я родилась и выросла в Сибири. Верю в то, что у системы Мира есть Творец – Всевышний. А на Маленькой Голубой планете Земля, самое интересное из того, что Он создал – люди. И, еще, жизнь такая короткая штука, и потому... Цените жизни каждый миг!».*

Лицо войны

Лицо войны – чудовищная маска:
Окопы, автоматы, взрыв вдали.
Солдатская шинель да каска,
Да крови цвет, как алый свет зари.

Лицо войны – истерзанное тело
Многострадальной матери земли.
И слезы медсестры, что так хотела,
Чтобы солдата все же донесли.

И вдовы молодые, слишком рано
Накинувшие траурный платок.
Уже познавшие утраты рану,
Седую прядью обесцвеченный висок.

Лицо войны – цветы у обелиска
И, сердце рвущая тоской, звезда.
Жених, который «близко-близко»,
А мужем он не станет никогда.

Разорванные крылья у мечты
И дети, не пришедшие на свет.

Им не увидеть неба красоты,
Так как отцов их просто нет.

Лицо войны. О, это страшно слишком,
Коль юность кровью запятнать успеть.
Внезапно повзрослевшие
Мальчишки,
Куда теперь им память свою деть...

Снаряды, свисты пуль, утраты,
Кошмаром жутким давящие сны.
Погибшие в бою друзья. Солдаты
России, Родины достойные сыны.

Родители, которым до могилы
Щемящее лицо войны нести.
Пошли им, Господи, душевной
Силы
Их тяжкий, скорбный путь земной
Дойти.

Война чужая, ненависть чужая,
Чужие деньги, но родная кровь.
Кто развязал войну, уничтожая
Жизнь человеческую и любовь?

Пусть никогда войны лихие звуки
Не разорвут звенящей тишины.
И не услышат их ни дети и ни внуки.
Да будь ты проклято, лицо войны!

Вечный солдат

Звезды отблеск бросают на усталые лица,
Словно с неба спустившись, на погонах горят.
Только серая пыль под ногами клубится.
Из какого ты времени, вечный солдат?

Солнце яростно жжет, сапоги истоптались,
Гимнастерка поблекла, запылилась в пути.
Только в памяти нашей навсегда вы остались,
А до дома родного вам уже не дойти.

Ваши верные жены вас, увы, не дождались.
Вы исчезли в пространстве у «вечной реки».
На стене фотографии только остались,
Ваши малые дети теперь старики.

Отгремели, забылись, навсегда замолчали
Дни лихие великой суровой войны.
Сколько жизней Россия в той войне потеряла?
До сих пор у окопов их тени видны.

Незаметно, незримо, невидимой силой
Эти тени в строю, как солдаты стоят.
Волей, духом живой, верно служит России,
Охраняя границу, ставший Вечным солдат.

Колыбельная

В тихом покое все растворилось.
Ночью земли не узнать,
Сном, словно бархатным пледом укрылась.
У колыбели не спит только мать.

Где не носило тебя бы по свету,
Тихая песня слышна.
Черным «крылом» закрывая рассветы,
Пусть в твою жизнь не ворвется война.

Не разрывает снарядами небо,
Взрывами землю не жжет.
Пусть тебя, деточка, где бы ты ни был,
Лихо войны обойдет.

Так, напевая, качает младенца,
К сердцу прижав, на руках.
Вечную песню на русском, чеченском
И на других языках.

Словно молитва, песнь, повторяясь,
Птицей летит от окна до окна.
Матери шепчут, от бед заслоняясь:
«Пусть в нашу жизнь не ворвется война!»

Мы – вам

В затихающих грома раскатах
Вы, потомки, прислушайтесь к нам,
За Россию погибшим солдатам.
Мы с небес обращаемся к вам.

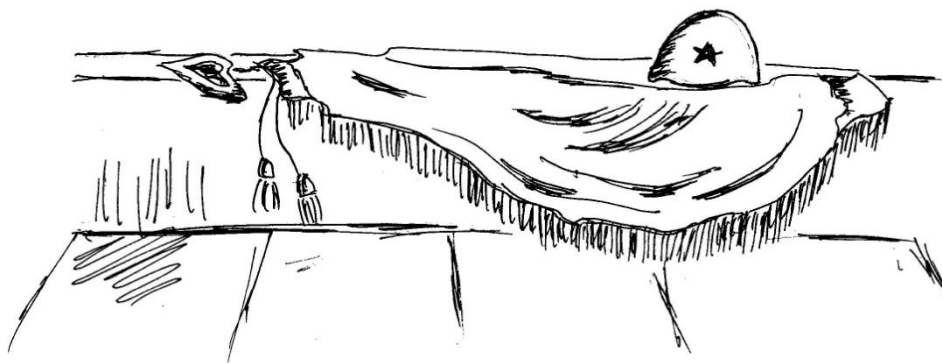
Мы в могиле лежим неизвестной.
Мы взорвались, идя на таран.
Мы раздавлены танком железным.
Мы в санчасти скончались от ран.

Мы, кто вас заслонили собою,
Наши жизни вам были нужны.
Мы к Победе стремились, не скрою,
Чтобы не было больше войны.

Чтоб не знали вы пороха смрада
От израненной взрывом земли.
Чтобы больше не рвались снаряды,
Мы на поле сраженья слегли.

Чтоб трава была только зеленой,
А не красной от крови солдат.
Чтоб родились в стране миллионы
Нам на смену российских ребят.

Чтоб не зря! Вы за это в ответе!
Пролилась нашей крови река.
Чтобы каждый сказал на планете:
«Нет» проклятой войне – на века!

МВОРЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРИЯ

“ВЫСОКОГО
БЕРЕГА”

Владимир Баранов

Выпускник Красноярского политехнического института.

Стихи Владимир Сергеевич стал писать относительно поздно. Он всегда интересовался политикой, социальными проблемами, поэтому в его творчестве преобладают философская и любовная лирика, раздумья о бренности бытия.

Славянское

Обудёнкой я до отчих мест сгонял,
Возле хаты тяти с матой постоял.
Тополь вымахал почти что до небес —
Никогда я не забуду этих мест.

Издобылись нынче реки и леса,
Оскудели деревеньки на Руси,
Потускнела первозданная краса,
И от этого зело щемит в груди.

Мытарь снова верховодит, гой еси!
Вновь языци обирает, супостат.
Недовольство тихо тлеет на Руси,
Если вспыхнет, кто тут будет виноват?

Но не всё так безнадежно. Русь живёт!
Никому своих позиций не сдаёт.
И зверьём, и рыбой будет пополняться.
Надо токмо всей оравой постараться!

Под зонтиком судьбы, как у Христа за пазухой.
Под зонтиком судьбы мы в зоне безопасности.
Под зонтиком судьбы мы смотрим свысока...
А зонтик может быть дырявеньким слегка...

К двадцатилетию клуба «ВЫСОКИЙ БЕРЕГ»

Двадцать лет – конечно, срок. Не так много, но немало.
Двадцать лет не потолок. Трудно начинать сначала.
Двадцать лет «Высокий Берег» продолжает жить, творить.
Двадцать лет, а мы всё верим, эту веру не убить,
В то, что «Берег наш высокий» не обрыв, а старт душе
И стремление к далекой и сияющей мечте.

Мы, в конце концов, исполним эту главную мечту.
И фортуна улыбнется тем, кто верит в красоту.
Поздравляю с годовщиной замечательный наш клуб!
Здесь нет дела дедовщине, каждый здесь желанный друг!
Многих лет и процветанья всем желаю от души.
Вдохновенья вам, дерзайте! Вместе все мы хороши!

Я вместо куклы сяду на капот,
И разгуляй немедленно начнется.
Пусть меня водила провезёт
По благочинным улицам московским.
Охотный ряд, Гостиный двор и Метрополь
Пусть обалдеют от пришествия такого,
Я наступлю им на любимую мозоль
И покуражусь от души и в досталь снова.
На Красной площади скажу спасибо всем
Родным правителям за нежную заботу,
За их решение повесить возраст тем,
Кому давно уже на пенсию охота.
Народ послушный веселиться не спешит.
И стало грустно кукле на капоте.
Нас тихо грабят. Все решенья хороши
Для тех, кто вроде бы всегда о нас в заботе.
Сползу с капота я на улочке глухой,
И мой водила дух переведёт.
Всё как обычно: перестройку, новый строй
Народ привычно на горбу своём несёт.

Моё сердце словно сжимает рукой –
Снова мне по ночам не до сна.
Это значит, что я околдован тобой,
Значит, снова пришла весна.
И поют на душе соловьи,
Мне сияют твои глаза,
Я совсем опьянел от любви,
Но боюсь тебе это сказать.
Почему так устроен мир,
Не могу я никак понять,
Но за все богатства земли
Я не в силах тебя променять.
И поют на душе соловьи,
Мне сияют твои глаза,
Я совсем опьянел от любви,
Но боюсь тебе это сказать.
Может быть, я не твой идеал,
Может быть, не меня ты ждала,
Но я рад, что тебя повстречал,
Что судьба нас с тобою свела.
И поют на душе соловьи,
Мне сияют твои глаза,
Я тебе рассказал о любви,
Я решился, но, кажется, зря.
Она была, как трепетная лань.
О, это было дивное виденье!
И я готов платить любую дань,
Чтоб повторить волшебное мгновенье.
И сердце стало рваться из груди,
Я всей душою жаждал новой встречи.
И вот опять настал чудесный миг,
И был ещё один волшебный вечер.
Теперь и дня я не могу прожить,
Чтобы свою землячку не увидеть.
Я каждой встречей буду дорожить
И не позволю никому её обидеть.

Другу Рябычу

Здравствуй, друг!
Поделись, как живётся, как хочется, может,
Расскажи, ничего не тая.
Мне приехать к тебе очень хочется,
Но не та у меня колея.
Раскидала дорогами разными
Нас с тобой, непонятно зачем,
Но я помню, какими проказами
Были мы в пятом классе, поверь.
Жизнь прошла очень быстро, стремительно,
Захватив нас немного врасплох.
Только всё-таки, что удивительно,
Каждый был в прошлой жизни неплох.
Не хочу подводить я итоги,
Не окончена наша судьба.
Мы не все прошагали дороги,
Может, есть ещё главная, та.
Ты пиши, ты звони, не теряйся,
Я всегда рад общению с тобой.
И подольше прожить постарайся –
Ведь без нас этот мир
Будет просто другой.

Шум дождя за окном навевает мне грустные мысли.
Мы с тобою вдвоём в ресторанчике «Пикры» сидим.
Моя жизнь без тебя не имеет ни капельки смысла –
Что же делать теперь, дорогая моя, подскажи .
Мы знакомы с тобой уже, кажется, целую вечность.
Время быстро идёт и летят, как минуты, года,
Но попрежнему ты для меня неприступна, как крепость.
Словно в небе звезда далека и, как лёд, холодна.
Шум дождя за окном, дождик льёт как из бочки бездонной.
Мы с тобою вдвоём в ресторанчике «Пикры» сидим.
Я люблюсь тобой. Я люблюсь тобой, как Мадонной,
Пью сухое вино и читаю стихи о любви.

Немного осени осталось и – зима...
А дальше снова к нам придут весна и лето.
И отогреется замёрзшая душа,
И оживут в моём шкафу мои скелеты.

Они напомнят мне про бренность бытия,
Что жизнь всего лишь раз один даётся.
И что всё так же крутится земля,
И нам крутиться вместе с ней всю жизнь придётся.

Достойной жизнь бывает не всегда.
Тут от судьбы зависит очень много.
Но есть надежда, что не бросит нас она.
У нас с судьбою – общая дорога.

Первой всегда умирает любовь.
Слишком хрупка она и переменчива.
Вера, обычно, уходит второй,
Вера, как женщина, тоже изменчива.

И лишь надежда, всему вопреки,
Жить продолжает в нужде и ненастье.
С вечной надеждой всегда по пути.
С ней возрождаются вера и счастье.

Эта истина не нова –
Наша жизнь, увы, хренова,
Но не жить, конечно же, нельзя.
Из двух зол, берём мы оба
И несём с собой до гроба.
Вот такая наша трудная стезя.

Дорогу к Богу я покуда не нашёл.
Возможно, шёл не в том я направлении.
И, в результате, не постиг и не дошёл.
А, если честно, вовсе не было стремления.
Ну не созрел я, каюсь, виноват.
И не тому меня всю жизнь учили.
То Атеизм, то клятый Диамат.
И вот, в итоге Атеиста получили.

Принял душ...
После этого принял сто грамм,
Но душа не проснулась для творчества.
Видно, мало ей этих несчастных сто грамм,
Ей, капризной, общения хочется.

Мы в сравнении мир познаём –
Это, кажется, каждому ясно,
По поступкам друзей узнаём,
И общение с ними прекрасно.

Трудно жить в переменчивом мире,
Постоянная с чем-то борьба.
Нас не любят в открытом эфире,
Нас не любят нигде, никогда.

Правда-матка – кому это надо,
Правда-матка всем колет глаза.
Лишь простому народу награда –
Справедливость во всём и всегда.

Пусть не дурят нас властные силы,
Не пытаются с толку нас сбить.
Мы в себе с малолетства взрастили
Дух свободы, и так тому быть!

Памяти Г. Дорзет

Молодеют, в кавычках, друзья,
И обратный идёт отсчёт.
Девять дней, сорок дней и кому-то
Уже целый год.
А ближайшему другу – Дорзету,
На завтра – шесть лет.
Он тихонько «взрослеет»,
Вот только со мной его нет.
А когда – то мы с ним
По тайге с рюкзаками шагали,
Любовались рассветом
И вместе закат провожали.
И по абрису шли вдоль Байкала
С Хакус до Аяи,
До Фролихи тогда мы с Генахой
Упорно шагали.
Всё пришлось одолеть: топь болот,
Валуны и кедрач низкорослый.
И наградой нам стал дивный берег,
Весь мохом поросший.
Белый ягель хрустел,
Было жалко и больно идти,
Но задача была
До Фролихи тропу нам найти.
Много лет с той поры
Незаметно для нас пролетели.
Помню я, мы нашли ту тропу
И дошли до намеченной цели.
Дивный берег Фролихи – Нерунды
Храню я в душе до сих пор.
Как ломились мы с Геной по тундре
В эту сказку байкальских озёр.

Роман Гардер

Студент Института фундаментальной биологии и биотехнологий СФУ.

«Пишу с детства, ещё с тех времён это мне помогало понять, что происходит во мне и вокруг. Люблю науку, научно-популярные книги, играю на гитаре, фотографирую, когда-то танцевал».

Белый

Холодом веет от белых рук –
Тянут «прости» скомканной жвачкой.
Нас обнимают лишь стены, друг,
бледностью краски своей обнимают.

Я обнищал. Во мне был вулкан.
С ним мог согреть больше, чем себя.
Мокну до нитки в чужих слезах.
Вот и потух мой горе-вулкан.

Не зажигают его сигареты,
Теплая пицца, горячее лето.
Вот вновь желтеют мои билеты,
В комнате, где обнимают стены.

Вот вновь сижу, а глаза краснеют.
Бьют по щекам памятные песни.
Я запою,
Комнатным растениям,
И расцветут за окном созвездья.

Солнце

Хочу сгореть. В твоём пламени.
Мы оба состарились,
И свет твой для звёзд других — памятник.
Из рук моих каменных
Сочится тепло для объятий.
Солнце.

Мне мир непонятен.
Люблю и страдаю.
Любовью пишется каждый день,
Но каждый день сидит в темноте,
Выкуривая сигару,
Сверкая красным светофора,
Солнце.

Космос молчит у микрофона,
Слышен треск его распереживавшихся пальцев,
Ими бумагу перебирая,
Он боится сказать первое слово
Перед теми, кого он создал,
Солнце.

Большие дяди до сих пор играют в машинки,
Большие тёти – куклы. Их груди защиты,
А космос боится сказать: «Первое слово
Дороже второго». Дороже молчания.
Солнце.

Ты часто обещаешь повеситься люстрой,
Когда на небесном куполе пусто.
Знаешь, это прекрасное чувство –
Тихо, сердцу не хочется выть, и
Все тревоги – в кофейной гуще событий,
Стекающей в утробу канализации.
Солнце.

Молния попала в радиостанцию,
Из моего приемника доносится голос
На частоте, которую слух не воспринимает.
Видимо, так я говорю с другими,
Видимо, так же меня понимают.
Солнце.

Роман Гернего

Выпускник Факультета информатики и вычислительной техники КГТУ. Участник ЛИТО «Высокий берег» 2000-2008 гг. Печатался в газете «Политехник», альманахах «На высоком берегу» и «Сибирский литератор». В 2008 г. выпустил авторский сборник «Мы дети дел своих».

Интересы: философия, история, литература, ИТ, проектирование новых процессов, развитие региональной экономики, межкультурный обмен.

Звездный путь

Однажды одна луна решила стать самостоятельной и сменить свою планету на новую, более теплую и спокойную. Мимо пролетал крупный астероид и луна увлеклась им и полетела с ним... но не к теплой и спокойной планете, а куда-то вдаль... так они летели, пока астероид не растерял часть своей массы, оставив луне два своих осколка... теперь луна была ведущей в этом бегстве от родной планеты... с течением времени сила притяжения изогнула траекторию луны и ее осколков. И вернула ее на прежнюю орбиту, но, имея большую массу, наша луна с осколками упала на родную планету. С этим падением на планету Земля пришла вода, и зародилась жизнь, т.к. в осколках астероида были бактерии и водоросли.

Мы уходим, чтобы вернуться и начать новую жизнь... ничего не умирает и не исчезает, все видоизменяется и перемещается...

Сказки

Сказки были сказаны,
Песенки пропеты,
И отправился казак
Искать ответа...
Что есть правда на Земле?
Что есть сЧастье?
Далеко ли оНо?
Для кого оНо?
Кому дадено?
У кого отнято?
В этом доля его,
В этом Правда его...

Руслан Головин

*Выпускник Института космических и
информационных технологий СФУ.*

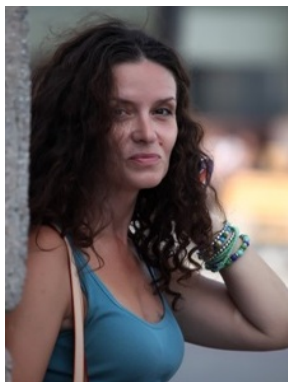
Ты снова гуляешь под окнами,
Опять будто бы невзначай.
Стоишь перед стёклами блёклыми
И ждёшь приглашение на чай.

Мы оба друг друга лишь мучаем,
Но боль для меня эта сладкая,
Ты знаешь, что выпью твою без остатка я.
Ко мне ты заходишь при случае.

И опять посмотрю я со вздохом,
Как тебя белый снег припорошит.
Ты ей нужен, когда ты хороший,
А мне нужен, когда тебе плохо.

Но ты всё стоишь и сжигаешь
Меня ненавидящим взглядом,
За то, что всегда буду рядом.
Я знаю, и ты это знаешь.

Опять погляжу, что смертельно замёрз ты
В метель делать вид, что тебе всё равно.
Так и быть, я открою окно.
Скорее! Пока не заметили сёстры!
Я – та, кто тебя не осудит...

Елена Данилова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры Медико-биологических основ физической культуры и оздоровительных технологий ИФКСиТ СФУ. Преподает ряд предметов, связанных со здоровым образом жизни и оздоровительными тренировками. В числе любимых занятий – взять рюкзак, купить билет и поехать туда, где никто не ждет.

Погулять по новым местам, посмотреть в новое небо, окунуться в новую реку, море или океан.

Камень для абрикосовых косточек

Путевые заметки

Спросите, при чем тут камень? Обязательно расскажу, но чуть позже. Большой и плоский, лежит себе в густой траве под кленами...

Вот вы захотели посмотреть Кавказ. Настоящий. Что делает нормальный человек в таком случае? — Правильно! Смотрит тематические материалы и наводит справки у знакомых, побывавших ТАМ. Покупает билет и едет. Куда-нибудь в Приэльбрусье, а оттуда с группой туристов-единомышленников, нагруженных поклажей, в какой-нибудь заранее выбранный хостел в горах. Далее культурная программа предусматривает завтраки с видом на горы, вечерние песни у костра, уроки лезгинки, покупку домашнего сыра, сувенирной папахи «а-ля Хабиб» и т. д., и т. п. Ну и традиционный шашлык (куда же без него?).

А если соскучились по местам, которые помните с детства и в которых последний раз были тогда же? Тогда все и проще, и сложнее: купить билет, доехать, а дальше... Законспектировала в блокноте пункты пересадок, выучила наизусть номера маршрутов. И, хоть в родных краях дорогу можно найти с закрытыми глазами, многое с тех пор изменилось, давно знакомое пришлось открывать заново. Реальность оказалась не то чтобы другой, она просто не оставила камня на камне от того, что ожидалось.

Вокзал Минеральных Вод, старинное здание с росписью по стенам, вызывающей в памяти лермонтовские акварели. И, конечно, символ Северного Кавказа — орел, клюющий змею, украшающий фонтан на перроне. И прямо у входа: таксисты, таксисты, таксисты...

- Владикавказ – кому ехать? Такси! Автобус!

Так, надо быстро пройти мимо этих приставал. Где-то там, через площадь, должна быть остановка автобуса, на котором можно доехать

до Владикавказа. Странно, или она куда-то переехала вместе со всем транспортом, или у меня и авторов, описывавших дорогу от железнодорожного вокзала, очень различается восприятие этой местности. А ведь только что кто-то из частников звал в автобус — срочно вернуться и найти.

- Кто во Владикавказ едет? Скоро отправление?

- Я же говорю, что во Владикавказ прямо сейчас едем. А ты идешь мимо, будто верблюд.

Ну да, я же одна здесь рюкзаком навьючена.

- Вон мой автобус. Видишь там наверху трубу над улицей? Иди к ней, автобус слева.

- А номер у него какой?

- А зачем тебе номер? Он один там стоит. Садись и жди, скоро поедем.

Расплатилась с водителем, забросила рюкзак в автобус. Ждем еще пассажиров. Между делом водитель интересуется, куда и зачем еду, на отдых, в гости или домой. Даже не знаю, как правильно ответить, поэтому лучше сказать правду. И только сильнее его озадачила.

- И в гости, и домой одновременно. Родилась здесь, почти всю жизнь прожила в Сибири. Теперь вот родные места решила навестить.

- Бывал я в ваших сибирских краях. Хороший город Енисейск, все там растет, даже абрикосы и виноград.

- Может, Минусинск? Там еще помидоры вкусные.

- Точно, Минусинск!

Здравствуй!

Улица, где высадили из автобуса, показалась удивительно знакомой. Вот какое-то неуловимое отличие от той, где я много раз бывала, а не вспоминается... Деревья! Они были вдвое меньше, и все вокруг было залито солнечным светом. А теперь кроны почти сомкнулись, и на всей улице лежит их тень. Да, мы же часто здесь гуляли в той, прошлой жизни, в кавказском детстве. А если так, то до родного дома отсюда всего ничего. Но это оставлю на завтра, а пока надо добраться до гостиницы. Вспомнить бы, что ходит отсюда в центр. Трамвай — точно, часто на нем ездили. Но какой? «Семерка» или «тройка»? Или все-таки «восьмерка»? Как бы на другой конец города не уехать. И куда исчезли автобусы? Были же желтые ЛиАЗы. Ладно, вот маршрутка, написано «СОГУ». А мне как раз надо через дорогу от него. Поехали! Вроде знакомые мелькают места за окном, и название улицы то самое, пора на выход.

Оказалось, что вышла за пару остановок до нужной. Но для

человека с рюкзаком какой-то километр – мелочи жизни. А что дорога в гору, так Кавказ же. Ну и что, что футболка под рюкзаком уже мокрая. С чемоданом на колесиках я выглядела бы гораздо печальнее. А так – бодрым шагом до гостиницы (в темных очках можно делать вид, будто не замечаешь сочувственных взглядов, устремленных на большой рюкзак), заселилась, одним глотком выпила остатки минералки, купленной по пути еще в Саратове, и рухнула под душ. После, осознав действительность (Здравствуй, родной город!), отправилась заново открывать окрестности, начав с самых ближайших – с вида из окна, с огромных елок, вершинами достающих крышу пятиэтажного здания.

Улица Генерала Плиева, Владикавказ

Памятник генералу Плиеву

Сидя на балконе, позвонила маме, студенческая жизнь которой прошла прямо здесь – через дорогу университет – а на первом этаже гостиницы, где я поселилась, раньше размещалась кулинария – в нее студенты за пирожками бегали. Только елки тогда втрое меньше были, оказывается. Кавказские ели вообще выглядят более величественными по сравнению с сибирскими, более пышными, что ли. Им тут теплее живется, вот и вырастают огромные и разлапистые.

Приезжая в новый город, первым делом всегда покупаю карту. Все-таки никакой «мапс» и прочие онлайн-навигаторы не заменят классики. Одно дело – двигать пальцем миниатюрную картинку на дисплее, пытаюсь понять, где на самом деле нужная точка, на которую смотрела в прошедшую секунду, и сколько до нее километров. Но совсем другое – развернуть настоящую бумажную карту, охватить взглядом всю местность, отметить красным цветом свое местоположение («Я – здесь». Ну или нарисовать крестик в кружочке) и разные важные места, а потом прокладывать маршруты к ним, прикидывая расстояние и время, которое уйдет на дорогу. Или просто рассматривать, читать названия и думать, куда бы сходить и как оттуда обратно добираться.

Есть, карта куплена в ближайшем киоске и развернута на кровати.

Так удивительно через много лет смотреть, будто с огромной высоты, на места, где столько раз довелось быть, вспоминать и узнавать их, как старых знакомых на фотографиях в школьном альбоме. Вот любимый с детства центральный парк. Вот рынок, куда ходили с бабушкой – по карте до него получается всего ничего, главное, свернуть в нужном месте. А если провести линию через ближайший мост и чуть вниз по Тереку, то можно попасть как раз туда, где пару часов назад вышла с рюкзаком из автобуса «Минеральные Воды — Владикавказ». Теперь я знаю, что буду делать завтра.

Кстати, в порядке восстановления знакомства с местной действительностью хорошо бы добыть чего-нибудь съестного. Конечно, питаться можно и в самой гостинице, в той самой бывшей кулинарии, а ныне неплохом кафе-баре, но интересно, что же вкусного предлагают местные магазины. Оказалось, что почти ничего, то есть стандартный набор продуктов, никакой местной экзотики. Даже удивительно скучно, а цены на многие товары при этом почти на уровне сибирских. Но я же помню, как замечательно все было на бабушкиной кухне! Мы же отсюда везли столько вкусностей, которых в Сибири, как говорится, днем с огнем... Разгадка нашлась на следующий день. Даже не нашлась, а вспомнилась. Но и об этом чуть позже.

Голодной я, конечно, не осталась – кефир в магазинах никто не отменял. Тем более, в местности, которая считается его исторической родиной.

Площадь Свободы, Владикавказ

Улица Коцоева, Владикавказ

Если идти от университета все время вниз по улице, то скоро придешь к республиканскому МВД, а сразу за ним – вот он, центральный парк, самое яркое и солнечное воспоминание детства. В той прошлой жизни в этом чудесном месте гулял павлин, вольно, по клумбам и газонам, иногда залетая на карусели, поставленные на ремонт. Для Сибири тех времен это было бы совершенно немыслимо.

На газоне пасся пони, напарник которого катал по дорожкам парка тележку с малышкой. Так они и трудились посменно. И самое сказочное, что там было – это два сообщающихся пруда, где можно покататься на лодке среди плавающих лебедей. По берегам росли плакучие ивы, касавшиеся ветвями воды. И вся эта красота была окружена цветущими розами, ирисами и каштанами, оказаться среди которых после серого промышленного сибирского города было все равно, что попасть в сказку.

Проспект

Наугад прошла от гостиницы по улице прямо вниз и оказалась на Проспекте. Именно так его и зовут здесь, подразумевая центральный, главный и неповторимый. Строго говоря, это настоящий бульвар с аллеей, цветистыми газонами и прогулочной дорожкой посередине. Официально он носит популярное имя «пр. Мира», но тот, кто так скажет, сразу выдаст в себе приезжего. Причем, приезжего очень издалека. В общем, не кавказца. По Проспекту вечером гуляют местные красавицы в лучших нарядах, а около передвижных кофеен собирается молодежь. Вот только газировку, которая готовится прямо при вас, с уличных лотков больше не продают. Зато на тех же местах остались холодильники с вкуснейшим пятигорским мороженым, славившимся на весь Кавказ еще со стародавних времен. Здесь же можно просто сидеть на скамеечке, слушать, как звенит трамвай, и ни о чем не думать.

Проспект Мира, Владикавказ

Иронский переулок, Владикавказ

Хотя нет, думать приходится. О здешних комарах, мелких и коварных, которые летают бесшумно, а жалят неощутимо. Понимаешь, что тобой поужинали, уже когда открытые части тела начинает жечь, как от крапивы. Сибирские их сородичи куда более по-джентльменски себя ведут, издалека писком предупреждая о своем приближении...

Кстати, на Кавказе ходить вечером в одиночестве гораздо безопаснее, чем во многих российских городах – приставать к дамам на улице здесь не принято. Женщина ведь не бывает сама по себе, она всегда чья-то дочь, сестра, невеста, жена, мать. Города маленькие, все всех знают, обидчика обязательно найдут и накажут.

Рынок

Всего пара кварталов от гостиницы. Удивительно, но краски и запахи его не изменились совсем. Разноцветные стопки фруктовой пастилы, которую продавцы наперебой предлагают попробовать. Дальше сырные ряды, пройти мимо которых, не истекая слюной, невозможно. Банки и горы солений. Вот вы пробовали кавказскую черемшу, маринованную или вареную, заправленную маслом и уксусом? Обязательно попробуйте, и лучше с вареной картошечкой. Когда ранней весной начинается сезон черемши, дома, в которых ее готовят, легко узнать по запаху. Да что дома, черемшой пахнет вся улица!

А какие тут абрикосы – когда говорят, что тают во рту, это не иносказание, они в самом деле как-то сами растворяются. В компанию к армянским абрикосам купила пару кахетинских персиков, оба с большой кулак размером. Каждого хватило на целый ужин. Два вечера мой гостиничный номер пахнул как в сказке.

И еще одна местная особенность: в нефтедобывающем регионе бензин дороже, чем в Сибири, но цены на рынке существенно ниже сибирских, на некоторые товары почти вдвое. Загадка! Зато понятно, почему у магазинов такое печальное состояние – закупать продукты здесь предпочитают на рынке. Впрочем, как и много лет назад.

Рюкзак

«Ну зачем тебе такой большой?», – спрашивал охранник в гостинице. Рассказала ему, что мой еще маленький, всего-то 55 литров, у большинства встреченных мной на маршруте от станции «Кавказская» до Владикавказа рюкзаки вдвое вместительнее, надо бы и мне побольше завести. И тут же получила ответ: «А ты сажай меня в свой сверху и начинай прямо сейчас тренироваться таскать. Надо же понять, как справляться будешь».

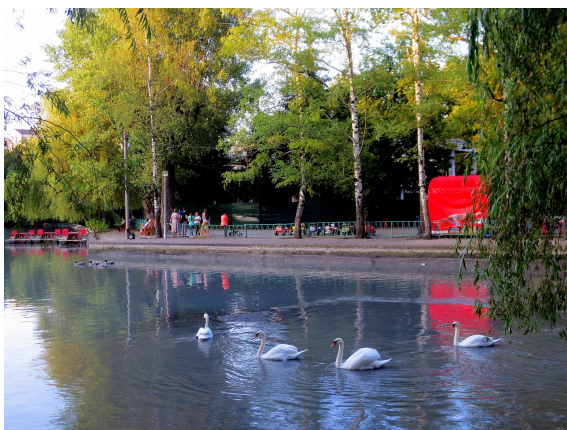
К молодежи, путешествующей по Кавказу, здесь давно привыкли. Но женщина с большим рюкзаком, одна, да еще направляющаяся по маршруту, не популярному у туристов – это не вписывается в сложившийся шаблон и вызывает интерес.

Подошла к кассе на автовокзале, чтобы обменять билет на более

раннее время. С рюкзаком возиться долго: снять, пристроить в тихом уголке, убедиться, что не упал, что никому не закрывает дорогу, что он на месте, в конце концов, потом снова на себя взвалить. Поэтому пусть уж на спине побудет, пока я с кассиром объясняюсь, меньше хлопот. И вдруг рюкзак волшебным образом стал невесомым. А все потому, что большой человек, очень похожий на борца, приподнял его, не снимая с моей спины: «Вам же так легче», – говорит. Ситуация, практически нереальная в Сибири.

Водная

Что такое Водная? Это место незаменимое и легендарное (и даже слегка секретное, но об этом ниже). Кто там не был, тот во Владикавказе не жил. Вот скажите местному жителю: «Пойдём на Водную!», – и лицо его сразу станет благодушно-мечтательным. Описывать Водную, начиная от ее ворот и неизменной дамы в белом фартуке, продающей вареную кукурузу, было бы неправильно. Начинается она, пожалуй, с трамвая 9-го маршрута, войдя в который, вы сразу понимаете, куда он идет. Понимаете по шляпкам и бейсболкам, огромным сумкам и шлепанцам, мячам и ракеткам. И еще по шортам – встретить массово этот предмет одежды можно только в трамвае, направляющемся на Водную, и, конечно, на ней самой. В городе сверкать голыми коленками горцу не пристало.

Пруд в Городском парке. Владикавказ

Водная станция с видом на Кавказ

И еще одна иллюстрация к местному менталитету. В трамвае местный мужчина ни за что не сядет рядом со стоящей женщиной, независимо от наличия вокруг свободных мест. Иначе покажет свою слабость, а это стыдно.

Если перед поездкой на Водную вы не успели заранее купить продукты, голодный обморок во время отдыха вам ни в коем случае не

грозит – сразу у ворот продается вареная кукуруза. На том же самом месте, что и несколько десятилетий назад. И вкус ничуть не изменился. А из-под огромной крышки алюминиевой кастрюли такой запах сочится...

Запасшись главным здешним деликатесом, можно двигаться дальше, к пруду. И снова здравствуй, машина времени! Лягушата из-под ног наперегонки в воду брызжут, как в детстве. И наперегонки с лягушатами местные мальчишки ныряют с разбега. Однажды на уходящем в воду мостке встали сразу человек двадцать. И вся эта компания ка-а-ак разбежится – и в пруд! Брызги до самого неба!

Удивительный оттенок у кавказской воды, голубовато-изумрудный. Когда лежишь в ней и видишь перед собой громаду Столовой горы, за которой в облаках угадывается сам Казбек, появляется чувство нереальности всего окружающего. Сам белоснежный хозяин Кавказа днем не виден, его скрывают поднимающиеся из ущелий облака. Зато рано утром и вечером, когда небо чисто, Казбек предстает во всем своем великолепии, озаренный восходящим или заходящим солнцем. Видна каждая расщелина, каждый гребень, настолько прозрачен здешний воздух.

А под деревьями дикой алычи устраивается на травке публика постарше. С одеялами, шахматами, вязанием и домашними обедами – на Водную собираются основательно, часто на весь день. Да, о секретности — про это замечательное место не знают даже некоторые навигаторы. Сидя в номере гостиницы в самом центре Владикавказа спросила у смартфона, где находится ближайший пляж. Ответ был почти в рифму: «Где? – В Махачкале!».

Камень для абрикосовых косточек

Улица Зои Космодемьянской недалеко от пересечения с трамвайными путями. Где-то здесь в траве лежал большой плоский камень, на котором бабушка раскалывала для меня абрикосовые косточки из компота. Совершенно непонятно, как он попал с гор на этот газон и почему оказался в одиночестве. Где-то здесь был, чуть к дороге... Вот же он! Темный, гладкий, почти кубической формы. Одинокий камень в зеленой траве. От махровых роз, благоухавших вокруг дома, не осталось даже пеньков, на клумбах цветут новомодные хосты. От будки сапожника, стоявшей неподалеку, не осталось ни дощечки. Березки, росшие за домом, уступили место своим внукам. А он лежит. А вдруг и сейчас в соседнем доме кто-то ждет, чтобы ему принесли абрикосовых косточек, расколотых на этом камне?

Михаил Дементьев

Карасноярский бард. Сочиняет стихи и прекрасно исполняет их, аккомпанируя на гитаре. Автор гимна литературного клуба «Высокий берег».

Желаю всем добра и мыслей светлых,
Пусть обиды прошлые уйдут,
От них избавляйтесь незаметно,
Простить и отпустить – нелегкий труд.

Но каждым утром рано на рассвете
Попробуйте кого-нибудь простить.
За то, что солнце в небе ярко светит,
Начните жизнь свою благодарить.

Она ведь посылает вам уроки,
Чтоб стали вы отзывчивей, мудрей,
А слышит лишь обидные упреки:
То денег нет, то верных нет друзей.

Вы жизнь свою за все благодарите:
За то, что вы не знаете войны,
За то, что у компьютера сидите,
За то, что вы кому-нибудь нужны,

За то, что есть у вас семья и дети.
А если нет – просите у нее!
Она ведь не глуха и всем ответит,
Прощая вас за прежнее нытье.

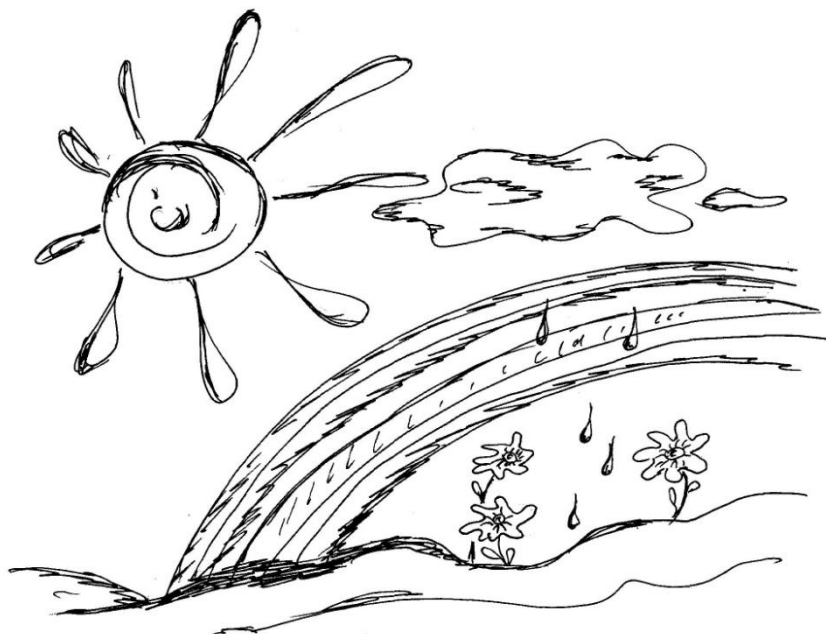
Хотите быть богатыми? Мечтайте!
К вам деньги будут сами приходить.
Хотите быть счастливыми? Дерзайте!
Учитесь доверять, прощать, любить.

Представьте жизнь свою без опасений,
Без страхов, без упреков, без обид.
Освободитесь от пустых сомнений –
Увидите, что к счастью путь открыт.

Оставьте ваше прошлое в покое!
Оно ушло, обратно не вернуть.
Задумайтесь сегодня над судьбою
И начертите в мыслях светлый путь.

Весь мир под одного не перестроить –
Но можно перестроить мир внутри.
И лучше доверять, чем вечно спорить,
И лучше отыскать, чем не найти.

Вам жизнь дает бесценные советы –
Того, что есть, могло бы и не быть...
Представили?... За каждый лучик света
Учитесь жизнь свою благодарить!

Дмитрий Ивакин

Выпускник Политехнического института СФУ.

Слон, шакал и суслик

Жили в одном лесу закадычные приятели, слон и суслик. И суслика никто не трогал – его слон защищал. Но захотелось шакалу сусятины попробовать, а что со слоном делать – неясно. Не, от слонятины он бы тоже не отказался, да шкура шибко толстая и размер для готовки неподходящий.

В общем, решил шакал суслика отдельно употребить. Подождал пока он один остался, подошёл и говорит: «Давай дружить?». Суслик струхнул, офигел, но согласился.

День проходит, другой, все хорошо. Шакал суслика нахваливает, но к слону не подходит. Даже на глаза не показывается.

На третий день шакал с утра пораньше прибегает к суслику и кричит:

- Атас! Тебя слон съесть хочет!

У суслика челюсть отпала. А шакал дальше истерит:

- Я его утром видел, он был со слонихой и обещал ей суслика в шпинате приготовить!

Суслик запаниковал. Повис у шакала на ухе и кричит:

- Что делать? Спасите! Помогите!!!

Шакал его от уха оторвал.

- Спокойно! У тебя есть Я! Вот у меня и поживешь, а слон когонибудь другого съест.

Суслик расчувствовался, обниматься полез, даже слезу пустил.

Пришли они к логову шакала, тот суслика на входе тормозит:

- Слушай, с тебя шерсть сыпется, а ко мне, бывает, другие шакалы заходят... Если узнают, что ты у меня, могут слону рассказать... Побрейся и помойся, чтоб запаха не было.

У суслика челюсть отвисла, но делать нечего, пошёл бриться.

Вернулся грустный, бритый, а шакал ему:

- Отлично смотришься! Последний штрих остался! – протягивает суслику грушу резиновую. – Ты ж наверняка у меня со страху

обгадишь, а я такого не люблю. Иди почисти кишечник, а я тебе ванну горячую сделаю.

Пошёл суслик опять к речке, мерзнет, но делать нечего. Сделал чего просили, возвращается. А шакал его сразу как дорогого гостя внутрь ведёт, салатик овощной предлагает, потом подвел к котлу.

- Смотри, какая ванна! Чуть не надорвался, пока воду тебе таскал. Ты залезай, а я для тебе огонёк разведу, а то вода остыла. Ты ванну с солью принимал? Говорят, полезно...

Залез суслик в котел.

А волк его крышкой накрыл и сел писать книгу: о пользе актерского мастерства в кулинарии.

Про желание и его последствия

Жил был Колян, человек солидный, с понятиями, с квартирой на 500 квадратов. Дома пальму посадил, обезьянку завёл, птичек разных, чтоб перед братвой понты кидать. И решил он стать круче яиц, сваренных вкрутую, и завести папуаса. Дурное дело нехитрое – привезли ему папуаса из Африки.

Тот по-человечьи не понимает, лопочет чего-то, перед Коляном на карачках ползает. В общем, дал ему Колян палку колбасы, пиваса бутылку, сфоткался с ним и укатил в сауну.

Белые боги забрали Гугула в свой мир. Он был очень горд собой, ведь из всего племени выбрали именно его (под руку подвернулся просто)!

Его привезли в маленький мирок с птицами, пальмами и ещё чем-то. И вот он увидел громадного белого бога и тут же упал ниц перед ним. Бог обошел его вокруг, озарил светом и ушёл, оставив все это для него!

Первым делом Гугул решил построить дом.

На это были пущены: пустой деревянный камень (шкаф), шторы и странные шкурки внутри пустого деревянного камня. Пока Гугул обустраивался, он сильно проголодался и решил пойти на охоту. В качестве метательного оружия была использована палка колбасы, которую оставил Колян. Живность его совсем не боялась, и он с лёгкостью сбил пару попугаев. Гугул был очень цивилизованным и сырыми их есть не стал.

Он разломал комод ручной работы, сложил костёр и приготовился жарить шашлык, но, как только костёр начал разгораться, из земли пошёл чёрный дым, и земля вокруг костра начала гореть (ковёр у Колян был обработан химией от моли, а не от голодных папуасов). И сразу с

низкого неба хлынула вода (потолок был тоже недешёвый, стилизованный под чистое небо).

Гугул горестно вскричал и начал биться головой об землю. Он забыл вознести жертву Белому Богу и тот оставил его голодным. Тут же вода перестала биться и дым начал куда-то исчезать (вытяжки тоже работали исправно).

Храбрый воин отправился за новой добычей, дабы принести жертву. По дороге он жевал мокрый, продымленный трупик попугая.

Лучше всего для жертвы подходят поверженные воины других племён или их женщины. Детей в его племени в жертву не приносили (забирали себе).

Подойдя к пальме, Гугул увидел кого-то похожего на шамана, но симпатичней. Он сидел возле пальмы и ел банан. На шее была удавка, соединяющая его с деревом (обезьянку Колян держал на привязи, чтоб всегда была под рукой, если кто заедет). Гугул понял, что Великий Белый Бог даже жертву для себя приготовил и поспешил приступить к ритуалу. Макака была связана и возложена на алтарь (тумбочка из мрамора была не совсем по интерьеру, она просто была).

Ритуального ножа Гугул не нашёл и решил просто придушить бедную макаку, но тут послышались шум, грохот, и в мир Гугула ворвались злые духи! Толстые, жёлтые, с красными головами. Гугул был отважным воином, но жить ещё хотелось, поэтому он спрятался в алтарь. Больше всего он переживал, что не успел принести жертву своему богу и боялся, что злые духи заберут её.

Пожарные осмотрели квартиру, зафиксировали отсутствие пожара и, поругиваясь, ушли.

Гугул сидел в алтаре, пока злые духи не ушли в свой мир, потом выбрался наружу и все же совершил жертвоприношение. Довольный собой, он лег спать.

Колян вернулся домой. Осмотрелся.

Так начался Конец света в мире Гугула.

Спираль

Жил был в одном царстве один Царь. И всего ему хватало: территория есть, люди есть, деньги есть, даже наследник и то есть! Но речь не о том. Помер этот монарх и оставил всё на наследника, а тому оказалось всего этого мало. И захотел он больше и ещё больше. В общем, раскатал губу до границы соседнего царства. Собрал войско да и пошёл воевать, а по дороге лес был. Заглянули туда ребята за пропитанием и чисто случайно нашли неучтенных аборигенов. Ну,

Царь, проходя, их и перебил. Только солдаты стали шептаться, что шаман их сам в огонь прыгнул. Развел костерок перед статуей ухмыляющегося лиса, прокричал чего-то и прыгнул. А лис, говорят, головой повёл, оскалился ехидно да и исчез вместе с костром и шаманом.

И всё бы ничего, да только не успело войско до соседа дойти. На страну напала армия империи Кирдык. Империя была очень приличных размеров, и войско тоже разбухло. Вот и пошли за новыми территориями и пропитанием. В общем, за неделю с Царем и его страной разобрались: кого прибили, кого в рабство взяли.

И всё бы ничего, да только наткнулись на эту планету космические корабли с колонистами. Диких аборигенов кого прибили, кого на работы определили.

И всё бы ничего, да только на планету, откуда колонисты пришли, напал космический флот галактической Федерации. Кого прибили, кого на рудники сослали. Зачистили, в общем, и материнскую планету и колонизированную.

И всё бы ничего, да только из соседнего измерения на планеты Федерации начали телепортироваться легионы армии Темного Властелина. Для захвата Федерации им хватило недели. Планеты приспособили под колонии, людей – в рабство.

И всё бы ничего, да только с соседнего пласта реальности уже готовились к высадке армады киборгов...

А в это время шаман и его бог, Смеющийся Лис, наблюдали за всем этим из астральных областей бытия.

- Лис, а Лис! – заговорил шаман, пытаясь перестать офигевать от происходящего, – а это все когда закончится? Оно вообще закончится?

- Конечно, мой подкопченный друг! – Хихикнул Лис, – сейчас ещё пару кругов сделаем и все.

- А чем это кончится?

- Плесенью. Полуразумной плесенью. Предпоследними будет раса энергетических существ, а плесень как раз ими питается. Сожрет всех и уползет дальше, а ты со своим племенем сможешь заселиться в свой лес.

А теперь загадка на логику: что попросил шаман у своего бога?

Притча о предусмотрительности

Его переполняли чувства, он не мог и не хотел их сдерживать и начал выкрикивать в пространство:

– Я – повелитель земли и неба! Я – император всего мира! Я – сотрясатель вселенной!!!

На этом месте он вскочил с трона и что было сил топнул ногой. Дворец был старенький и от громких звуков и удара по полу от потолка отломился кирпич и с ювелирной точностью приземлился на макушку сотрясателя...

Его средний брат учел ошибку старшего и под корону надел каску. После чего начал своё торжественное выступление:

- Я – повелитель земли и неба! Я – император небесной империи! Я – потрясатель основ бытия!!! Я ВЕЧЕН!!!

На последнем слове император задрал голову к потолку и встретился взглядом с приближающимся куском цемента. Это было последнее, что он увидел.

Младшенький был самым умным и перед своей коронацией сделал ремонт тронного зала.

Беседа

-Это патриарх церкви, его место только в раю!

-Нет.

-Да он же святой человек, посмотри сколько церквей, храмов понастроил...

-Нет. Он строил мёртвые коробки.

-Ну, он же спасал души, помогал людям...

-Тебе самому не смешно?

-Да какой там смех... Может, по благу?

-Только в ад.

-Да пойми ты – ад не резиновый! С этим патриархом у нас на всех котлов не хватает! Где твоё ангельское милосердие?

-Ладно, я тебе в нагрузку к нему котел подарю.

-Трёхкубовый.

-Ладно, только забирай его скорей, а то у нас и, правда, с ним пустынно стало в раю.

Ты, узревший тьму и свет,
Ты пришёл в мой мир теней,
Ты не хочешь жить, как все –
Устал. Пришёл. Познал.

Я, живущий меж миров,
Я, проклявший мир людей,
Я хочу сказать тебе –
Живи. Люби. Твори.

Мы поднялись в полный рост,
Мы, идущие меж звёзд,
Мы – пощёчина рабам –
Встаем. Идём. Зовем!

Их, ослепших на свету,
Их, идущих в темноту,
Их могилы по мирам
Стоят. Живут. Гниют.

Типичная история тёмного властелина

Спущен с цепи был северный ветер –
Он заморозил всю жизнь на планете.

Северный ветер – это душа,
Что свой огонь отдала не спеша,

Эта душа ярче солнца горела,
Эта душа обогреть всех хотела.

Каждый забрал по крупице огня,
Каждый его отложил для себя.

Так у души не осталось тепла –
Теперь все умрут. Вот такие дела.

Константин Кожин

*Студент Института космических и
информационных технологий СФУ.*

Осколки сердца

В субботу, в назначенный вечер,
Стою под фонарным столбом.
Все мысли мои лишь о встрече,
Которую жду так давно.

Проходит минута, вторая,
И так я прождал целый час.
Но я все стоять продолжаю
И думаю только о нас.

Смеркалось. Вся улица в мраке.
И, с грустью взглянув на часы,
Ушел я, оставив на лавке
Коробку конфет и цветы.

Прошел день. Я с новой надеждой
Пытался ее отыскать,
Но сердце вдруг стало мятежным,
Глаза утонули в слезах.

И как на душе моей стало
Обидно и мерзко потом –
Узрел я влюбленную пару
Пред нашим фонарным столбом.

Увидел я ту, что когда-то
Любил, но, наверное, зря.
Сегодня печальная дата.
Я веру в любовь потерял.

Вдохновение

Как луч пылающего солнца,
Стремглав ко мне оно пришло.
И в душу мне потоком льётся
Богатый клад чудесных строк.

И муза светлыми крылами
Спустилась с творческих небес,
Своими нежными губами
Пропела чудный ряд словес.

Перо от ярого старанья
Чуть не сломилось поперек,
Но от того не перестал я
Писать стихи. Какой восторг

Творить и думать о высоком,
Чудесной музыки слышать глас.
Лишь вдохновение способно
Поэта осчастливить враз.

Письмо без адресанта

Он пишет ей
В надежде на взаимность.
Уж третий день
Ей отправляет письма.
Лишь для неё
Старается тот автор.
И шлет письмо,
Письмо без адресанта.

Любовь...

Любовь – пушинка.
Дунув раз, её ты не поймашь.
Любовь – снежинка.
Чуть притронешься – она растает.
Любовь как сон.
Пройдёт она, открой глаза лишь.
Любовь как звон,
Который через время угасает.

Мир грёз

Окунуться в мир грёз с головою,
Где иллюзии правят. Поверь мне,
Там жить можно любой мечтою,
Не бояться ни гроз, ни метелей.

Там исполнятся все желанья,
Будет радостным каждый твой день.
Верь, что всё-таки есть мир мечтаний.
Просто думай о нём. Просто верь.

Пустыня. Один. Палящее солнце.
Странник идёт по своим же следам,
Идёт и желает дойти до колодца,
Неспешно идёт с мольбой к небесам.

Один оттого, что не поняли люди.
И вряд ли поймут все того мудреца.
Он тот, кто узреть смог все таинства судеб,
Но изгнан блуждать по горячим пескам.

Пазори

В небе изумрудными волнами
Разливаются узорами лучи.
Яркими, янтарными огнями
Звезды светят на волнах в ночи.

Красотой чарующей любуйся,
Невозможно оторвать свой взор,
Как волшебю небеса, волнуясь,
Продолжают создавать узор.

Календарные листы

Отрывая календарные листы,
Мы можем просто не заметить сути,
Что жили не затем, чтобы любить,
А для того, чтобы отсчитывать минуты.

Истинный поэт

Не тот поэт, кто в руки взял перо
И им орудует направо и налево,
Не думая о значимости слов.
Стихи кто пишет только для того,
Чтоб усмирить свое, и так болезненное, эго.

Не тот поэт, кто пишет о любви,
Имея чёрствую и каменную душу,
А тот поэт, кто истину хранит,
Кто озаряет своим светом мир,
Кто свои принципы ни разу не нарушил.

Мы сможем однажды свободно летать,
Не стоит тревожить закрытую дверь.
Чернильные пятна, упав на тетрадь,
Не сделают нового в жизни твоей.

Не стоит губить себя с целью очнуться
В неведомом мире мечтаний и грез.
Живи настоящим и каждой минутой.
Живи, точно зная, что это всерьёз.

Стяг свободы

Смеётся пусть баранье стадо,
Пушай пирует серый люд.
Мне ваших почестей не надо,
Мне вкус противен рабских блюд.

Знаком мне только вкус свободы.
Накинув цепь, не сломит враг.
Пройдут жестокой власти годы,
Свободы ввысь поднимут стяг.

Плен

Нет ни души вокруг.
Быть может, это сон.
Я слышу сердца стук
И звук прибрежных волн.

И белый облик стен
Томит меня во лжи.
Попал я будто в плен
Своей больной души.

Шепот ветра

Мне уйти бы от шумного города
И отправиться в тихую степь.
Где мне ветер своим дивным шёпотом
Будет песню чудесную петь.

Этот шёпот ласкает мне душу.
Не могу я прожить без него.
И, когда ветра шёпот я слышу,
Наполняется сердце теплом.

Звёзды

Замечаю в небесах
Ярких звёзд прекрасный отблеск.
Создаёт восторг в глазах
Тел небесных тайный облик.

Пыль небесного ковра –
Жизнь ночного небосклона.
Утром звёзды – белый прах,
Ночью звёзды живы снова.

Пламенный груз

Мое пламя горит,
Но кто это пламя питает?
Я не знаю как быть,
Может, это иллюзия чувств?
Я хотел бы уйти,
Но огонь меня не отпускает.
Я живу так, как жил,
Но в душе моей пламенный груз.

Утренняя роса

Бриллианты утренней зари
На травинках россыпью лежат,
Блеском ослепительным своим
Освещают яблоневый сад.

И, травинку весом накренив,
Капли устремляются к земле.
Как же мир поистине красив!
Сколько есть прекрасного в росе!

Пыль дорог

После нас останется лишь пыль дорог.
Нет гарантии, что сможем вынести свой рок.
Остается только лишь надеяться на то,
Что закончат дело, что закончить я не смог.
Песок отсчитывает время каждого из нас.
Сколько нам осталось?
Сегодня только ты родился, завтра – в первый класс,
Послезавтра – старость.

Нам скоротечные минуты жизни не вернуть
Ни за что обратно.
И только от тебя зависит – будет ли твой путь
Пройден не напрасно.

Нить истории плетется каждую минуту.
Непрерывно время.

Нам всего лишь отведен недолгий промежуток
Жизни в этом теле.

Опасный путь пройти, не сгинув в роковом тумане,
Не под силу многим.
Наше дело долго сможет жить, а мы лишь станем
Пылью на дороге.

Дикарбиновая жизнь

C Am F G x4

C Am F G
Я не понимаю, жив я или мёртв.
C Am F G
Три соседа и окно, старая палата.
C Am F G
Вот и новая волна людей идёт
C Am F G
С кучкой препаратов.

C Am F G
Эта обстановка так меня гнетёт.
C Am F G
Слышу всюду и боюсь шума халатов.
C Am F G
Это новая волна людей идёт
C Am F G
С кучкой препаратов.

C Am F G
Сколько лет уже прошло и пройдёт ещё?
C Am F G
Нет ответа на вопрос, – «Кому это всё надо?».
C Am F G
И опять эта волна людей идёт
C Am F G
С кучкой препаратов.

Алина

C G C G Am F C G x2

C G Am F
Каждую ночь, засыпая, я вижу небо,
C G Am F
Голубое небо и облака,
C G Am F
Но ночь не может длиться вечно.
C G Am F
Мой сон продлится до утра.

C G C G Am F C G x2

C G Am F
Каждую ночь, засыпая, я вижу море,
C G Am F
Теплое море и острова,
C G Am F
Но ночь не может длиться вечно.
C G Am F
Мой сон продлится до утра.

C G C G Am F C G x2

C G Am F
Каждую ночь, засыпая, я вижу солнце –
C G Am F
Это моя любовь и судьба.
C G Am F
Ночь прошла и сон вместе с ней,
C G Am F
Но в моем сердце ярко горит звезда.

C G C G Am F C G x2

Дмитрий Коломыцев

*Выпускник Политехнического института СФУ.
Пишет стихи и прозу, музыкант, автор песен,
гитарист-исполнитель, активно участвует в
жизни города. Художник-дизайнер, учитель
английского языка, художественный руководитель
кружка рисования «Разноцветные ладошки»,
преподаватель гитары школы № 148 им. Героя*

*СССР И. А. Борисевича¹⁰ Ленинского района г. Красноярска. Давний
участник «Высокого берега». Любит детей и творчество во всех его
проявлениях. Против войны и загрязнения окружающей среды, за мир
на всей планете. Борется за благополучие своей страны и дальнейшее
её развитие на благо всего мира.*

От лучшего учителя детям

Детям школы №148 г. Красноярска и детям всей Земли

Good morning, good afternoon, teacher!
Sit down, I'm glad see you too.
Я, дети – ваш лучший учитель,
И здесь, чтоб поверить в мечту.

Меня не судите вы строго,
Ведь вас я нестрого сужу.
Я искренним взглядом ребёнка
И сердцем его дорожу.

Я вас, как никто, понимаю,
Я сам ещё в детстве душой,
И двери я в класс открываю
Взволнованной, быстрой рукой.

Мои на доске предложенья,
Надеюсь, понятны вам всем.
Учитесь жить без напряженья,
Не ведая взрослых проблем.

¹⁰ Иван Андреевич Борисевич (1917–1981) – участник Великой Отечественной войны, командир орудия 971-го артиллерийского полка (110-я стрелковая дивизия, 50-я армия, 2-й Белорусский фронт), старший сержант. Герой Советского Союза.

Урок быстротечен пусть даже,
Ещё далеко до звонка.
Одно мы и то же расскажем,
Используя два языка.

На белых кусочках бумаги
Вы станете частью себя.
И капелька пролитой влаги
Смешает вам краски, любя.

Сыграет на струнах гитара,
Прилив вдохновенья придёт.
И лучший творенья подарок
На выставку попадёт.

Окончен урок. До свидания!
Мы встретимся снова опять.
Домашние ваши задания
Я сяду за стол проверять.

Тетрадь за тетрадью листаю,
И вас я по ним узнаю.
И пусть красный цвет означает –
Я очень вас, дети, люблю!

Меня всегда в школе вы ждите,
И помните, где б вы ни шли,
Я, дети, – ваш лучший учитель!
Вы – лучшие дети Земли!!!

Рисунок Яны Даниловой, 2 «Д» класс.

Рисунок Амина Аишурова, 2 «Д» класс.

2020*Припев*

Нм G
Две тысячи двадцать.
Em A
Живём прекрасно,
Нм G
Всё не напрасно,
Em A
Хоть и опасно – ясно, а
Нм G
Я сначала
Em A
Сойду с причала,
Нм G
Не много, не мало –
D A
Меня луна встречала.

1.

Нм G Em A
Солнышко блестит мне в моё окно.
Нм G Em A
Ты куда спешишь? погоди, стой!
Нм G Em A
Подожди хоть час, чаю, сядь, попьём,
Нм G D A
Вместе за столом мы забудем обо всём.

Припев

2.

Нм G Em A
Как твои дела? Сколько лет и зим...
Нм G Em A
Наша жизнь прошла, что же мы бежим?
Нм G Em A
Время не стоит, только мы стоим.
Нм G D A
Просто помолчим, хорошо сидим.

Припев

3.
 Hm G Em A
 Ну, давай, ещё чай налей в стакан,
 Hm G Em A
 Много ль надо нам – чтобы по душам.
 Hm G Em A
 Нас проводит ночь, ну, давай, пока!
 Hm G D A
 Сможет нам помочь на небе луна.

Припев

*Рисунок Валерии Размановой,
3 «Г» класс.*

*Рисунок Кристины Зориной,
1 «А» класс*

В твоих руках

C D Em
 Ты никуда не денешься в пути,
 Hm C
 Куда уйти, куда прийти
 D G Em
 Уже узрел твой ангел на небесах,
 C D G
 Он видит – всё в твоих руках.

C D G D Em
 Руку протяни, ты – мой друг,
 D G
 Мы с тобой ведь видим всё вокруг.
 Hm Em C D G
 Падает звезда к нам сюда,

C D G
Мы её не бросим никогда.

C D Em
Ты никуда не спрячешься от звезды,
Hm C
Своей судьбы, своей души,
D G Em
Её послал твой ангел на небесах,
C D G
И вот она – в твоих руках.

C D G D Em
Сердце отвори для любви,
D G
Её пытали мы, как могли.
Hm Em C D G
Чувства взаперти не держи,
C D G
Другому счастье одолжи.

C D Em
Ты никогда не останешься без любви,
Hm C
Её ты ближнему дари,
D G Em
И не проси его взамен о дарах,
C D G
Они уже в твоих руках.

C D G D Em
Так закончит бег человек,
D G
Сомкнув счастливо покровы век.
Hm Em C D G
Променив на веру недоверие и страх,
C D G
Он понял, что в его руках.

C D Em
Вера, что останется с тобой,
Hm C
Если любишь всей душой,

D G Em
И не забудешь в страшных снах,
C D G
Она всегда в твоих руках.

Рисунок Кристины Зориной, 1 «А» класс

Чёрное небо¹¹

Припев

F G Em Am
Чёрное небо, тёмные мысли
Dm G C Am
Там, над горизонтом, тучей нависли.
F G Em Am
Светлые мысли, светлые дни,
F G C
Как скоро наступят они?

F G Em Am
Чёрное небо над головой,
G Am Em Am
И солнца не видно сквозь дыма слой.
F G Em Am
Я дышу этим небом, я здесь не чужой,
F G C
И к солнцу веду за собой.

Припев

¹¹ Песня написана к митингу 29.03.20 «За чистое небо!» в Красноярске, который был перенесён

1.
 F G Em Am
 В городе нашем уже сотни лет
 G Am Em Am
 Небо окрашено в пурпурный цвет.
 F G Em Am
 Я знаю, там где-то есть горизонт,
 F G C
 Но видеть мне смог не даёт.

Припев

 F G Em Am
 Чёрное небо, черней трубочиста –
 Dm G C Am
 Его не мешало бы всем нам очистить.
 F G Em Am
 Светлые мысли, светлые дни,
 F G C
 Как скоро наступят они?

2.
 F G Em Am
 Где-то там, над горою, рассеялся смог,
 G Am Em Am
 И стало мне видно сотни дальних дорог.
 F G Em
 Я пойду вслед за солнцем, своё счастье
 Am
 Ища
 F G C
 И, что есть сил, хохоча.

Припев

 F G Em Am
 Чёрное небо, тёмные мысли –
 Dm G C Am
 Это лишь сон, что ночью приснился мне.
 F G Em Am
 Светлые мысли, светлые дни,
 F G C
 Уже наступили они.

Рисунок Сезимай Парманкуловой, 2 «Г» класс

Глава 2020

(размышления в високосный год)

Умер писатель Лимонов,
Кончилось что-то внутри,
Сколько поправок к закону
Нам нужно ещё довнести?

Время – конвейерной лентой
С фразой: «Нужен пакет?».
Сколько ещё президентов
Наш не увидело свет?

Ждут нефтяные нас бури
И алюминиевый гром.
В страхе писатель Акунин
Где-то живёт за бугром.

Вирius съедает планету.
Что будет дальше? Вопрос.
Очередной в интернете
Лям набирает видос.

Пушкину это не снилось,
Матушка-Русь, шебурша,
Гнев променяла на милость,
В чёрное небо дыша.

Нам не нужны потрясения!
Нам нужен друг, а не враг!
Вайпом дымя, современный Есенин
Заходит в весенний кабак.

События где, где герои?
Мы в книге своей – беглецы.
Средь каши машин, новостроек
Оставили нас праотцы.

А ведь они шли, умирали,
В последний, отчаянный бой.
И их, а не нас, называли
Отчаянным словом «Герой».

Но нынче героям нет места,
Им в яме пробыть суждено.
Непланорожденным честно,
И честно ушедшим на дно.

И мы, в плену клеток и коек,
Как плавится ночью металл,
В надежде, что будет ребенок,
Работаем на капитал.

Но как ему жить в этом мире?
Где он отыщет свой рай?
Писатель Пелевин, спаси нас,
Пожалуйста, не умирай.

Рисунок Яны Даниловой, 2 «Д» класс

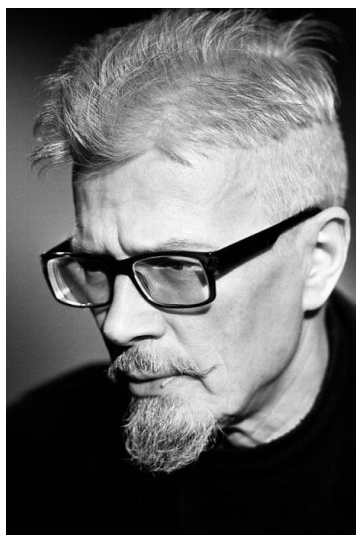
Памяти Эдуарда Лимонова¹²

Родился в Харькове, где собирал лимонки,
Оставленные неприятелем-врагом.
В заре новейших лет его отправили на шконки,
Ошибочно считая опасным стариком.

А в свете новых лет не так уж всё спокойно.
Хранит надёжно русская земля
Мытания народа, с братом войны,
И одолеть эти проклятия нельзя.

А ты, волшебник, словно палочкой, словами
Людей из книги мёртвых оживлял,
Негодник, ты безумствовал в Майами,
Или Нью-Йорком ты то место называл.

Прошла эпоха. Как печально, дядя Эдя,
Мы словно не умнеем, ну совсем.
Но, пока жив свободы славный ветер,
Жива эпоха славных перемен.

¹² Эдуард Лимонов (1943-2020 гг.), писатель, публицист, политический активист. Автор, уже при жизни ставший классиком русской литературы, известен во всём мире своими модернистским произведениями. Ушел из жизни 17 марта 2020 года.

Ксения Коперник

Студентка Гуманитарного института СФУ.

Пишет с 2012 г. Публиковалась в литературных сборниках «Когда стихи живут...», «Я тебя нарисую, Осень!» и «Поэтический огонек». «Я начала не так давно, но с уверенностью могу сказать, что пишу я потому, что это помогает мне в тяжёлые моменты, когда у тебя остаётся

лишь одно – писать, писать, и ещё раз писать. В основном я пишу для себя, ведь если ты видишь в своём произведении нечто большее, то значит, ему суждено радовать не только тебя, но и тех, кто поддерживает твоё творчество».

Мой мир!

1

Живу я в Королевстве Одиноком,
И радостно мне тут, мне хорошо.
Порой заглядывает путник,
На казнь ведут его тогда, на эшафот.
На острове одно лишь правило,
И житель тут один с прислугой своей.
Один тут повар и один охранник,
Одна тут прачка и уборщица одна.
И я одна, а боле не дано.
Мой мир! Мои законы!
А в одиночестве с ума я не сойду!
От всех отгородившись гневным взглядом,
Сидя на троне, слёзы лью.
На остров я ведь неспроста попала,
Родные оставили меня здесь погибать.
Теперь, кто прикоснётся к миру,
Тому не жить, тому несдобровать.
И так тонуло много душ,
Они пытались усмирить не демона
И не дракона, а девочку
С обломками мечты.
Теперь же снова я живу одна в своём миру,
Как в личном, в собственном Аду.
Но вот однажды, в день прохладный,
На острове явился принц –
Страны невиданной посланник,

Любитель странниц и девиц.
Спустился парень с корабля,
Отдав приказы всем отрядам,
И, быстро снарядив коня,
Отправился искать меня.
И день проходит, ночь приходит,
Пора искать себе ночлег.
А замок мой не стал и ближе,
Кажись, не станет и вовек.
Вот дни идут, а принц всё мчится,
Как только стукнул пятый день –
Пред взором замок появился,
Прекрасней замка в мире нет.
Но пусто всё, нет ни души...
Как будто разом на века
Пропала целая страна.
Вон в том углу сидел башмачник,
Вон в том карманница была,
А в этом пекарь проживал,
И хлеб он людям продавал.
Теперь же пусто в тех углах,
И нет людей на тех местах.
Но принца это не страшит,
Он на коне ко мне летит!
Теперь пред ним преграда эта –
Стальная дверь пред ним стоит
(Возможно, он и до рассвета
Успеет в горницу войти,
Но нет.).
Наверно, он уже с рассветом
Успеет в комнату зайти,
Но нету в горнице меня,
Я в тронном зале нахожусь.
И ждёт палач внутри меня,
Когда убьёт его, любя.
Сглотнув, мой принц идёт тихонько.
Он знает, что один неверный шаг –
И головы уж знать не будет
Завтра на своих плечах.
Хотя... я не спешила
Толкать его на эшафот,
В живых оставить я решила
Красавца с именем Милорд.

2

Красавец – я.
И имя мне – Милорд.
И сердце милой дамы
Навечно я завлѣк
В свои сети паука.
Нет уж лучшего силка
Для красавицы молодой,
Чьѐ сердце бьѣт наперебой.
В ней видно яркую породу,
Глаза, как свет зелёного огня,
И локоны, как ночь, черны.
Но хладен взор...
Поближе к деве подойдя,
На стул терновый присел я.
Неловко, молчание терзает душу...
И тут, минуту погодя,
Голос она первой подала:
«Зачем пришѣл? Откуда ты?
И как прошѣл
Через травы и кусты,
Что защищать меня должны?»
В её глазах уж не было огня,
И взгляд её направлен сквозь меня...
Опять сглотнув,
Я начал свой рассказ –
Откуда я и цель какую выбрал.
Легенды врут! Она добра,
В живых оставила меня
И приютила на три дня.
Она заботилась о нас
И помогала в нужную минуту...
И вот последний день,
Я сборы провожу.
А отплывать... уже давно пора...
Но... где ж она?!
В нелѣгкий путь ведь
Обещала проводить...
И, голову склоня,
На борт я начал подниматься,
Но вдруг окликнули меня,
То голос девы моей был.
Я знал! Она пришла!

В её глазах всё та же пустота,
И я помочь уже не в силах ей...

З
С Милордом провела я
Три чудесных дня,
Но гнев мой усмирить
Уже давно нельзя.
Ну, вот последний день.
И я пришла проститься...
Не отпускать!
Я не хотела ошибиться...
В руках моих конверт,
А в нём – письмо.
«Прошу. Не открывай его!
Уж лучше подожди,
Пока мой остров
Не станет видно издали».
Конец. Красавец с именем Милорд
Покинул остров мой,
Теперь же отправляется
Он к себе домой.
Но не знает он о любви моей,
Не узнает он никогда о ней.
А в письме моём прощальные слова:
«Ты прости меня,
Я ведь так глупа...
Очень-очень долго
Я тебя ждала...
Ненависть мою ты
Уйти заставил.
И над «и» все точки
Для меня расставил.
Забылись старые обиды,
В моей ночи – рассвет.
Спасибо, что меня заставил
Полюбить весь белый свет».

Агапэ

Все говорят: «Просто прекрати пытаться.
Да и уйди ты уже.
Запомни, ты должен сдаться!»
Но почему я всё ещё здесь?
Я и сам не знаю ответа...
Наверно, я верю, что придут мои дни,
Наверно, что не потерял я себя внутри...
Я не стану теперь слушать других людей
И верить им я тоже не стану.
Просто хочется крикнуть им:
«Я тоже чувствую, перестаньте!»
И, лелея свою печаль,
Под действием злых людей, в толпе
Я навсегда потерял свою Агапэ.

Она не умеет летать.
И ввысь не может взлететь она,
Маленькая твоя душа.
Пока ты живёшь в этом мире –
Земля твой вечный дом.
Но как только покинешь «квартиру» –
С небом сольёшься вновь.
В голубом-голубом океане
Посланником будешь летать,
Будешь дарить нам страдания,
Чтоб о лучшем мы могли бы мечтать.
И средь белых, пушистых облак
Найдёшь себе новый дом,
Перестанешь быть человеком
И забудешь о счастье людском.
Ты оставишь меня средь болот,
Где у людей благородство гниёт.
И где-нибудь я утону, в камышах,
Освободясь от земных оков.
Эх... не взлечу я к тебе никогда,
Душа моя уже не всплывёт.
Ведь трясина – навеки мой дом.

Элегия унынию

Что делать, если сердце пустое?
Что делать, если страсти нет?
Что делать, если не люблю я близких,
Что ближе мне всех планет?

Даже при смерти кто если будет,
Слезы́ ни пуцу – никак.
В голове моей снова образовался
Мой любимый вечный бардак.

Запутаны нити сознания,
В старом друге вижу врага.
Что же мне делать? Ведь от отчаяния
Я иду бросаться с моста...

Но останавливает меня каждый раз
Маленькое слово «Лень».
Лень вставать с кровати,
Лень снова ложиться в постель.

Сажу я на стуле в апатии,
И пожирает меня слово «Лень»...

Но, может, её не существует?
И это всего лишь сплин?
Нет, не группа с красивыми песнями,
А русской хандры мотив.

Меланхолия, печаль и тоска –
Всё одно, и сдает меня...

Забвение

Меняю я имена как перчатки,
Каждый день я – другой человек.
Сегодня я – Соня со взором горящим,
А завтра я – Нелли и средь библиотек
Моё время идёт, забылись и мои имена,
Настоящую «я» не найти за века.

Каждый день, каждый месяц и каждый год
Я встречаю проблему одну –
В никуда улетают мемуары мои,
Облетая все точки земли.
И ни один человек,
Ни одна живая душа
Не смогут вспомнить меня.
Ведь в истории я оставить смогла
Только «Привет», «Как дела» и «Пока».

Сегодня время – страсть моя,
Отринув вольность и покой,
Ищу душевное спасенье,
Увы, но на земле чужой.

И вдруг вся тяжесть бытия
Нелепо сокрушилась на меня.
И горьких слёз моих не счесть,
Ведь знаю, что это ваша месть.

Месть за постыдные мечтанья,
За то, что не «такой» вы видите меня...
Но и молчать теперь не стану я!
И пусть мою мелодию услышат все!

Я стану птицей мира
На сокрушённой вами же земле...

Услышь меня, о голос нежный,
Ответь, какую песнь умершему
на кладбище поёшь.
А мне ты будешь петь?
Наверное, нет.
Я не закончил путь свой
и жив ещё, пока.
Ответь!
Когда былой утрачу в глазах блеск,

Когда покроюсь сединой
и немощен я стану,
Ты будешь петь со мной?..
Но голос дрогнул.
И руки, что нежнее шёлка были,
покинули меня.
Они повисли в стенах
без жизни и без силы.
Они вдруг стали немощны
И впали в забытье.

Когда-нибудь покину мир я этот,
Забуду обо всем, что ранит сердце,
Вернусь домой, где рады мне.
И обрету покой...

Крест

Кто-то скажет – прошёл интерес,
Кто-то – что позабыла...
Но навсегда останется в сердце
Тот крест, что я сколотила.
Стоит над могилой,
Из дерева красного,
Белый венок рядом лежит...
Тяжко на сердце
Любому, кто видит
Надпись, что
Крест тут хранит:
«Здесь покойся то,
Что от сердца осталось...
Мой радостный смех,
Все улыбки без фальши,
Мечты и надежды,
И даже душа...
Всё осталось в земле».
Но, может, не навсегда?

Зеркало

Я вспомнил блеск в моих глазах,
Когда ты кровью истекала...
Я вспомнил, как ты увядала,
Но алый вкус прекрасен был...
Сознание теряют оба,
Но я смотрел не на себя,
А на ту прекрасную особу,
Чья жизнь сейчас уходит навсегда.
Спросил я вдруг:
-Улыбка ль радостна твоя?
Но зеркало не отвечало...

Краски

Все краски вытекли наружу,
А в сердце лишь мрак остался навсегда...
Последний раз прошу тебя вернуться,
А ты мне колья в сердце вбиваешь, как всегда...
И сколько, любимая, мучиться прикажешь мне?
Пока живут на небе звёзды?
Или пока тонет бабочка во мгле?

Синяя птица

«Лучшие дни ещё впереди, –
Сказал мне когда-то прохожий. –
Ты не спеши, а лучше чуть-чуть подожди,
Быть может, со счастьем столкнёшься».
И, не поверив ему, я мимо прошла,
А ведь фортуна так близко была!
В общем, друзья, осталась я
С носом средь белого дня.
Но вы, навсегда, прошу, навсегда
Запомните эти слова...
Иначе, как у меня,
Пролетит мимо синяя птица.

Прости

Прости меня, что влюблена,
Прости, что именно в тебя.
Прости, что не могу тебя понять,
Прости, что всё готова потерять...
Прости, что я любовью обманулась,
Прости, что сердце вострепелось,
И жаль, что всё так повернулось...
Прости, что счастье на минутку
Сыграло с нами злую шутку!
За всё прощения прошу!
Ведь потому, что я люблю...
Хоть нет того, за что любить
Могла бы я тебя,
Но разве мы должны любить
За что-то?
Вряд ли...
Да!
Всегда я рада лишь тому,
Что ты живёшь на белом свете,
И в этих строчках я прошу
За осколки сердца быть в ответе.

Кофе с тобой

Выпить бы чашечку кофе...
И о жизни поразмышлять...
Послушать рассказы твои...
И о будущем помечтать...
Сегодня ли, завтра ли, всё исчезнет...
И смысл наших посиделок пропадёт...
Сердце моё разрыв не приемлет...
И слёзы накатываются гурьбой...
Успокоиться я не могу...
Наверно, даже не хочу...
И жизнь не просто так даётся...
В ней будет много чашек кофе...
Но только не будет тебя...
Ведь ты уже не вернёшься...

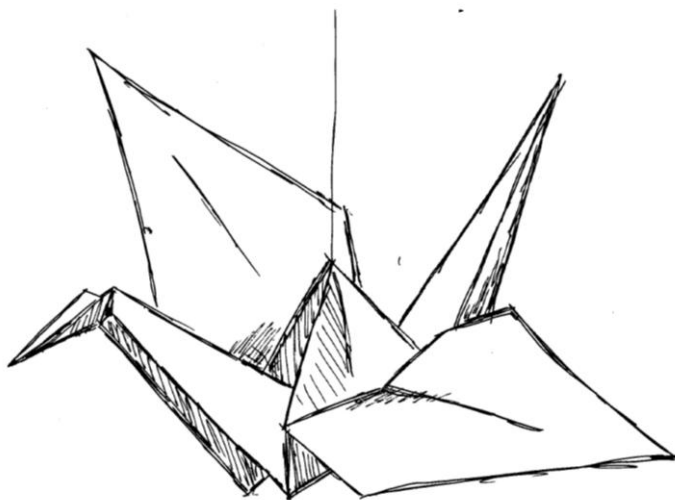
Тысяча бумажных журавлей

Тысячу бумажных журавлей я сложу,
Чтобы исцелить душу свою.
Первый журавлик даст стимул –
 вперёд лететь,
Второй – без слёз на будущее смотреть.

И уже после сотни второй
Я бьюсь об стену головой.
Сил больше нет... и я так слаба,
Лишь бы мила была судьба...

И дальше, скрипя зубами,
В руки бумагу для оригами беру,
Я пятую сотню доделать хочу...
К сотне седьмой начинаю верить,
Что до исцеления осталось подать рукой.

Наконец девятая сотня подходит к концу,
И слёзы счастья мои текут по лицу!
«Скоро мечта исполнится моя!».
С этими мыслями закрываю глаза,
Но уже навсегда.

Ольга Лапах

Студентка Института филологии и языковой коммуникации СФУ.

Победительница ежегодного конкурса «О любви, о весне...» в 2017 г. в номинации «Стихи собственного сочинения»

Белый стих на уста ложится...

Белый стих на уста ложится прежде Покрова и прежде зяби.
Сонмы звуков сбиваются в стаи, ревут об утраченном юге.
К чему эта ветошь в мыслях – исторгнутые сожаления,
Оставленные на пороге, и слёзы, точно небесные хляби,
Разверзшиеся тысячи лет назад? Неугомонной пичуге
Эти горести не нужны. Перо выронила – и ввысь,
Крыльями облака взбивать – а я его поднимаю.

Макаю в сомнения,
Как в загустевший туман с чернильными росами,
И пишу свою скорбную повесть вычурной прозой.

Я как будто ещё надышусь, я как будто ещё выплачусь
На кашемире, накинутом на чье-то родное плечо...
Я как будто ещё из легких весь воздух выпотрошу,
Чтоб вдохнуть полнее, затянуться луной, ставшей
Дымкой холодного света в безымянной и тихой ночи.
Разорву все дрянные стишки свои в клочья, –
Скромная дань Дню Сегодняшнему, – сказать без ухмылки:
«Мне незыблемо далеко до Вас». И понимайте, как будет угодно...
А я... Я помчусь по бульварам, исхоженным
Картежниками без туза в рукаве, поэтами без неизбитой рифмы,
Переливщиками из пустого в порожнее.
Так пойду, застёгнутая на все пуговицы,
Застигнутая врасплох посреди безлюдной неоновой улицы
Болью немой, бесприютною и одичавшей,
Состоящей из электрических ламп конвульсий.
По сердцам Она мечется-мечется,
прикрывается шумом бессмысленным,
Шорохом фраз пожухлых, сочиненных из слов
Выдохнутых, словно дым от дедовой горькой махорки.
Так на душе скребутся не кошки, а скрежещут зубами волки.

Что же, звери мои, войте! Войте! Ваша Луна ушла,
Лишь оставив томный взгляд на прощание
И хмельной, и холодный, как эль, поцелуй.
Так уходят, когда точно знают, что уже никогда не вернутся...
Ускоряют шаг и ныряют во мглу.

Идешь, шатаешься, взявшись за голову, –
доносится гомон бредней:
Просто ты – то условие, которым можно и пренебречь.
Тебя все равно заклеят. Хоть пиши о страстях народа,
Хоть о своих – с этим требованием искренности и простоты
Тебя шлют туда, откуда вещают ветрила.
Если сам не идёшь – картель.
Вот и ползёшь – дырявый, в чёрном тренче и кепи
По тротуару. В трауре по наивности и разменянной чистоте.
Пахнет сыростью – дошагал до края? Но до какого?
Вот тебе, мил человек, и декорация:
Набережная как штамп для меланхолических размышлений.
Все дружно идут – тосковать по прошлому. Но ты же злой гений,
Ты бредешь по камешкам и смотришь вдаль
с упреком этому миру.
Слышишь в волнах овации – так сотворяют кумира.
Ты назвался поэтом, закутался в шарф и купил красивый блокнот
С обложкой – картиной какого-то живописца...
Идешь, пытаешься дико, натужно
вынуть хоть строчку из глотки,
Что осень сжимает перчаткой из вытертой замши.
А разъяренное солнце красным стреляет в людские лица,
Холодом бьет в виски сентябрь,
а не предназначенный для страданий виски.
Видишь? Прибой выбрасывает на берег окоченелых дельфинов.
Это стихи без прикрас. Исповедь сердца стылого.
Это отравленный ром из разбившегося графина,
Выпитый неизбежно чуть раньше.
Это выбор сдаться ещё до борьбы.
Мыслить по-холистически:
Притязавший зваться Поэтом, фактически
Я только Лист, плывущий в потоке судьбы.

Александр Рассев

*Сотрудник Научной библиотеки СФУ. Студент
Кемеровского государственного института
культуры*

Долгая дорога

Долгая дорога
Взяла меня с собой надолго.
Дай ты мне увидеться
С тобой хотя бы ненадолго.
Я не прошу много.
Пишу строки
И рукой тебя касаюсь.
Снова и снова
Занесёт меня эта дорога туда,
Туда, где не будет тебя.
Я найду тебя:
Побегу через горы, скалы, реки
И все равно доберусь к тебе.
Скажу тебе:
«Мы с тобой всегда вопреки и всегда будем вместе!» –
Как в самой лучшей и лиричной песне.
Вопреки всему
Мы учимся лишь одному –
Знать и помнить только свою судьбу.
И не отвернёмся мы от нее никогда.
Ты смотри, как блистает она,
Твоя судьба, тут
И она ждёт тебя.

Авторская редакция

Дорога к тебе

Когда я далеко
Далеко
Мне нелегко на душе
Просто несёт меня
Так далеко
Еду в автобусе
Запотело стекло
А за окном темно
Только с тобой мне тепло
Думая каждый раз о тебе
Я словно странник во тьме
Когда я с тобой
Ты освещаешь мой путь
Купидон решил наши сердца
Навсегда вместе сомкнуть.

Город в тумане

Город в тумане
На часах уже скоро рассвет
Его красит только
Ночь
Ночь
Ночь
Я потерял время
Потерял сон
Ищу его
Ведь я не знаю где он
Посмотрел на полную луну
Держа руку твою
Мы гуляем с тобой под фонарями
Под фонарями
Прямо как в настоящем романе
Там где наша любовь всегда вместе с нами
Да я могу рассказать тебе
О том что происходит внутри моего сердца
Но это будет уже в другом написанном мною тексте

Нина Регнер

*Студентка института фундаментальной биологии
и биотехнологии СФУ.*

*«Я благодарна своей учительнице русского языка и
литературы Колтуновой Ольге Николаевне, что
убедила меня писать стихи дальше».*

Сквозь лёд на окне
Меня разбудил
Свет полярной звезды.

Был час предрассветный:
Звёзды бледнели,
А солнце вставало.

Я вышла во двор:
Морозно, свежо,
И на сердце вдруг так хорошо.

Все стало как в детстве:
Купол небесный
Бездонно высок.

Пугают деревья,
Что без листьев застыли,
Как рыбы скелеты.

Звёзды мерцают
Так ярко, что можно
Их все посчитать.

Эти тропы в снегу –
Нити над бездной,
Единственный мост.

А снег под ногами
Дьявольски чист,
Как писал когда-то поэт.

Этот снег загребать
Хочу я горстями
И в небо швырять,

Этот снег изумительно чист,
Что можно кусочек
Прямо с варежки съесть,

Этот снег музыкален,
Скрип свой поет
Под моим сапогом,

Или это хрустят
Под тяжёлой подошвой
Скелеты снежинок...

Этот рассвет поистине странный.
Сегодня мне всё присылает
«Привет» из далёкого детства.

Я вернулась в тот мир,
Где нет места заботам,
Где каждая ветка мне друг,

Где искрится снег,
Соревнуясь с луной
И далёкой холодной звездой.

Это счастье заполнило душу,
Радость бьётся в груди,
И мчусь я с улыбкой по снегу.

Но что-то сегодня не так.
Время нельзя развернуть
И в детство вернуться нельзя.

Я торможу, замедляю свой бег,
Я вспомнить стараюсь,
Я вспоминаю...

Я встала в снегу
И поняла:
Вчера вечером я умерла.

Экзорцист

Вовремя к церкви лесной я успела,
Ждал меня падре в сутане:
– Выгони беса из тела!
Он потащил за собой на аркане.

Добрый Отец связал мои руки,
Крест положил у дрожащей груди.
– Я покажу тебе сладость от муки!
– Падре, постой, погоди...

– Знаю, ты ласковый зверь.
Я ненавижу тебя и люблю!
Вечер пройдет без потерь...
Только в воде я святой тебя утоплю!..

Мягкий удар по щеке,
Падре меня приковал.
Демон внутри у Отца на крючке.
Мой Изгоняющий запер подвал...

Она сидела у окна,
Читая письма в лунном свете.
«Ты так красива и юна», –
Ей пели строки, как в газете.

Катились слезы по щекам,
Давила сердце грусть разлуки.
«Прочту тебя всю по глазам», –
От слов таких дрожали руки.

Луна потухла за окном,
Укрывшись тучами, как шалью.
«К тебе дошел бы я пешком,
Но здесь так сильно пахнет гарью»,

Она в испуге замерла,
Лицом белея, словно мел.
«Вчера в пожаре я дотла
За насколько часов сгорел».

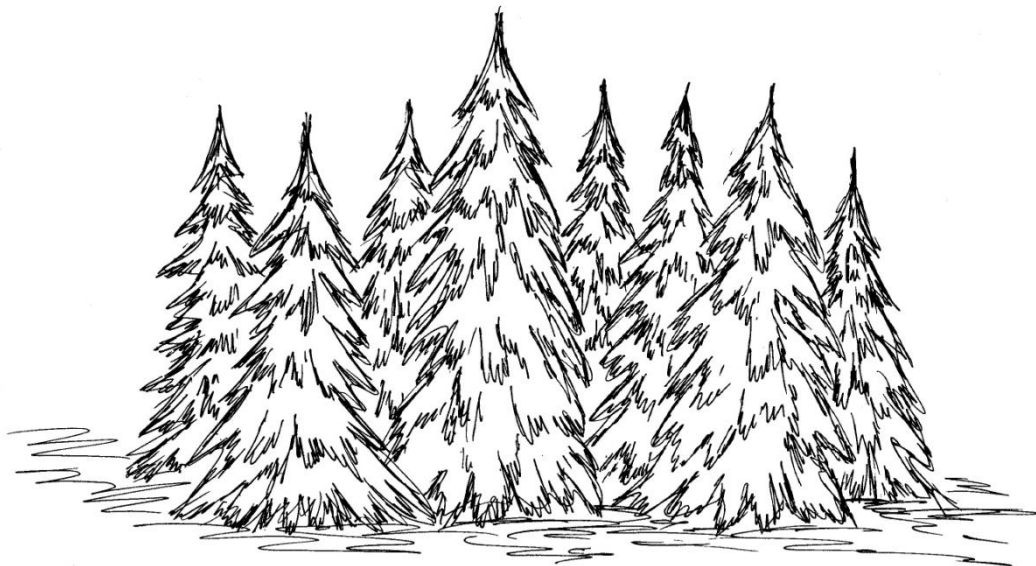
Таёжный лесничий

Земля горбатится холмами,
Укутав щедро их тайгой.
Любуюсь черными глазами,
Дрожащим сердцем и душой.

Живу в лесу восторженно-суровом,
Где хвоя обнимается с листвой.
Под моим угрюмым кровом
Пропахли стены клюквой и корой.

И нежно в сумерках горчит
Еловый дым, синеющий в ночи.
За сопкой, у болота, выпь кричит,
Тускнеют звезды, лунные лучи.

Рассвет ласкает головы холмов,
Роса ложится на траву.
Теперь не нужно больше слов,
Я понял жизнь и истину в лесу.

Нелли Руш

Студентка Института филологии и языковой коммуникации СФУ.

«Пишу с 14-ти лет. Сначала это были небольшие короткие рассказы, потом, через пару лет, я начала писать стихи. Сложно сказать, что вдохновило, ибо порой случайная фраза заставляет задуматься о каких-то вещах, и эти размышления выливаются в стих. Мой любимый поэт, писатель – Михаил Юрьевич Лермонтов. То, как он тонко, с точки зрения психологизма, описывает своих героев, меня вдохновляет. Вдохновляет на создание своих произведений».

Всегда

Мы что-то всегда теряем...
Мы что-то всегда находим...
Мы с временем вечно играем:
То в шахматы, то в те роли...

В те роли, что примеряем,
С улыбкой счастливой казаться...
Себя и всех ублажаем,
На сцене лишь бы остаться...

И мы остаёмся на сцене,
Себя потерять не стараясь...
Мы маску уверенно держим –
Гримасу от боли, страданий...

Живём мы, как по заказу,
Всех ублажать стараясь.
Себя увидеть боимся,
В зеркальных осколках сознания.

И лишь перед самой чертою,
Когда совесть нас отягчает,
Мы взоры к Нему поднимаем,
Отцом Его называя...

Конкурсы иллюзионистов

Конкурсы иллюзионистов –
Все здесь играют роли.
Кто-то сойдёт со сцены,
Кто-то пойдёт под конвоем...

Внимая былому величью,
Можно упасть со сцены.
Призрачного различья
Мы больше не видим. Где мы?

С масками за душою,
Рисуя улыбки на лицах,
Разыгрывая комедию:
В действиях, актах и лицах...

Лишь простучало двенадцать –
Публика уж собирается.
Чего нам дальше кривляться?
Ведь всё известно заранее...

Какие напишут все роли?
Как с блеском их отыграют.
Пусть ни гроша за душою –
Зато каково призвание...

И знанием пусть не блещем:
Зато с шиком и лоском
Улыбку фальшивую держим.
Как весело. Превосходно!

И от себя убегаем,
По во сто крат пройденной дороге,
Зеркал избегаем заранее –
Ведь их отраженье несносно!

Так и бежим, задыхаясь,
Но окончено выступление.
Чего нам дальше кривляться?
Совершая главное преступление...

Мы полностью сочтены в зании

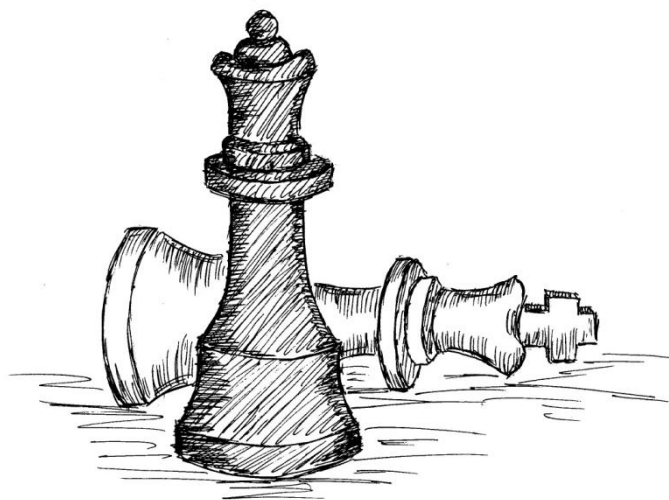
Мы полностью сочтены в знании,
Отвергая возможность потерь.
Всё неосознанное – в сознании.
Чего ожидать? Верь... не верь...

И многое, что восхваляется,
Назавтра – лишь призрачный тлен.
Все так маскируют незнание,
И глупость в осколках идей...

И всем раздавая похвалы,
И чтя королев королей,
То шахматы нашего знания –
Осколки тех призрачных дней.

И так, как по канату,
Мудрость хулима идёт,
И под обстрелом забвения
Рифмы себе не поёт.

Ложное в яви сокрыто.
Зримое – призрачный тлен.
И лишь Душа неоткрытая
Будет во вечности дней.

Евгений Рычков

Выпускник Института инженерной физики и радиоэлектроники СФУ

Мама

Куплет 1

Em C
Как хотели,
D G
Прилечу к тебе сквозь долгие недели.
Em C
Мы сядем, поговорим.
D G C
Чай, печенюшки, – считаю все вокруг таким родным.
D G C
В вещах вокруг найду первые мои открытки тебе.
D
Первый диск, где я пою Шатунова –
G C
Как давно ты помогла с этим мне.
C D
И на это нам открыты впереди года,
Am H
А пока разделяют города.

Припев

Em Am
На нашей планете
D
Я нарисую в небе
G
Дорогу к тебе.
Em Am
На гладком паркете
D
Время застынет в мгновеньях,

С D
В наших стремленьях.
Em Am
На гладком паркете
D
Рассыпаны карты,
Em
Как школьные парты,
Am
Как твои салаты,
D Hm
Как открытки тебе на Восьмое марта,
C D
Города, что покажет России карта.
C D
Между городами Красноярск-Москва
Am H
Замерзли все рифмы, все слова.
Em Am D
Замерзли куплеты детских песен,
G
Что пели вместе
Em
В далеком детстве.
Am
Замерзли мечты
D
Тебя оставить со своими детьми,
C D Em
Им дать хоть немного твоей доброты.
C D
Средь разбросанных карт и хлама
Am H
Достаешь открытку
Em
Ты со словом «Мама».

Am D H
А-а-а (вокализ)
Em Am D H
На-на-на-на (проигрыш)

Куплет 2

Em C
 С какой планеты
 D
 Теперь ты? Где ты?
 G Em
 Какие адреса твои в соц. сетях?
 C
 Прийти бы на чай,
 D
 Да просто, невзначай.
 G C
 Увидеть улыбку на твоих глазах.
 D
 В замерзших моментах,
 G
 В заледенелых статуэтках теперь планета.
 C
 Никто не знает, где она,
 D
 Но все помнит голова,
 C D
 Вновь и вновь уводя туда,
 C D G
 Где листву сменяет время баночного варенья
 C D
 Из ягод, что ты отправляла с дачи,
 C D G
 Где считаем дни до твоего Дня Рожденья,
 C D
 Где не так много путей видеть все иначе.
 C D G Em
 Ведь в этой жизни ты дала мне свет, дала мне сил.
 C D G D
 Среди трудностей жизни многое я с тобой решил.
 C D
 В этом мире изо льда и конфетти,
 G D
 Карт, открыток я могу везде прийти
 F
 К твоим мечтам, стремлениям,
 Em D
 Узнать тебя, пройти навстречу

С D E
Разношерстным мнениям
Вокализ

Проигрыш

D E F#m
D E F#m

D E A
К тому, что ценит наша семья.
D E
Ценности поколений
E
Дарят мне новые года.
D E
Впредь на это нам открыты впереди года.
A D
Разделяют ли людей по сути города?
Hm D
Средь других всегда найдется некая твоя черта.
D E
Ты впредь со мной всегда.

Проигрыш

Припев

F#m Hm
На нашей планете
E
Я нарисую в небе
A
Дорогу к тебе.
F#m D
На гладком паркете
E
Время застынет в мгновеньях,
D E
В наших стремленьях.
F#m Hm
На гладком паркете
E
Рассыпаны карты,
F#m
Как школьные парты,

Hm
 Как твои салаты,
 E C#m
 Как открытки тебе на Восьмое марта,
 D E
 Города, что покажет России карта.
 A
 D E
 Между городами Красноярск-Москва
 Hm C#
 Замерзли все рифмы, все слова.
 F#m Hm E
 Замерзли куплеты детских песен,
 A
 Что пели вместе
 F#m
 В далеком детстве.
 Hm.
 Замерзли мечты
 E
 Тебя оставить со своими детьми,
 A C# F#m
 Им дать хоть немного твоей доброты.
 D E
 Среда разбросанных карт и хлама
 Hm C#
 Достаеть открытку
 F#m
 Ты со словом «Мама».

Полной жизни круг

Куплет 1

C D G
 Как хотелось бы подняться к небесам без самолетов
 и земных преград,
 C D Hm Em
 Свысока увидеть игры звезд и безграничных снов очередной парад.
 G D
 Сквозь десятки лет смотреть, как возникают личности,
 Em G Hm
 мотивы, встретить новый век

Hm Bm

C D Em D G
И увидеть, как идет красиво, снова, с новой силой, человек.

C
Каждое дыхание
D
И твое касанье
Em
Мне дает так много
В этом дне моей зари.

G
Я не верю в нечто,
D Hm
Но представь, что мы парим без чувств,
Em

Мечтая быть людьми.
C
Каждый новый вечер,
D
С каждой новой встречей,
G
Понимаю, как прекрасен
Em
Свет улыбки нежных глаз.

C G
Пусть сомкнется вечность
C D
В моем сердце,
G
Будто сотни лет сошлись в момент для нас.

Припев:

Am F
Я мечтаю оторваться,
C
В листьях с ветром полететь с тобой,
G
Ведь смысла нет держаться:
C
Мы всего лишь люди,
D H
Но вся вечность – в тайне глаз,

Em
В сплетеньи наших рук.
G D Em
Ты простая пуританка,
C D
В планах – сделать мир другим,
G Em
За женственность сражаться,
C D
Но у нас десятки лет,
C D G
Чтоб окунуться в полной жизни круг.

Куплет 2

Протекают сотни сотней лет, проходит вечность в свете миллиардов
реплик звезд.
На Земле в их свете что-то ждет впервые, кто-то знает жизни круг,
что временами прост.

Просто миру улыбнуться,
В солнечных лучах проснуться,
Вместе в день войти из света и тепла.
Пусть найдутся в наших встречах
Воля, сила слов приятных,
Что не каждому живущему дана.

Припев:

Я мечтаю оторваться,
В листьях с ветром полететь с тобой,
Ведь смысла нет держаться:
Мы всего лишь люди,
Но вся вечность – в тайне глаз,
В сплетеньи наших рук.
Ты простая пуританка,
В планах – сделать мир другим,
За женственность сражаться,
Но у нас десятки лет,
Чтоб окунуться в полной жизни круг,
Целой жизни круг,
Нашей жизни круг.

Гимн незнакомок

Вступление

Am
 Я хочу тебя
 F
 Понять, хочу тебя
 G Am
 Понять, понять хочу тебя,
 F G
 Я хочу тебя
 F G C Am
 Сегодня или завтра. Мы встретимся опять.
 F G Am
 Ты не похожа на меня, и я хочу тебя понять.
 F
 Так будь моей звездой,
 G C Am
 Светящей в даль моего сердца.
 F G C
 Так просто вместе согреться,
 F G Am
 Но с тобою я живой.

Проигрыш

Куплет 1

C
 Я считаю строки,
 E
 В них прикосновения твои,
 Am
 Твоих мелодий продолженья, –
 F G
 Их больше с каждым днем.
 C
 В голове одни строки.
 E
 Ты это знаешь – о тебе.
 Am
 Между нами притяжение,
 F G
 Мы снова вдвоем.

D
 В свете тысячи витрин
 Dm
 И одиноких улиц сцен
 C
 В облиии прохожих спин
 E
 И погоды перемен
 C
 Мы отпустили друг друга
 E
 На несколько дней,
 Am
 И вот хожу я по кругу –
 D
 С тобою теплей.
 C F
 И вот мы, слепые недотроги,
 G Am
 Друг друга ищем в отражении,
 F G
 Забывая, что пока мы живы –
 Am
 Этот мир в твоём-моём распоряжении.

Припев

F G
 Сегодня или завтра
 C Am
 Мы встретимся опять.
 F G
 Ты не похожа на меня,
 E
 И я хочу тебя понять.
 F
 Так будь моей звездой,
 G C Am
 Светящей вглубь твоего сердца.
 F G C
 Так просто вместе согреться,
 F G C
 Но с тобою я живой.

Прогрыш

Куплет 2

С
Между тобой и мной
Е
В общении нету края.
Am
Смотрю в глаза твои, зная,
F G
Что целый мир в них твой и мой.
С
Десятки стран и городов
Е
Ждут наши признанья,
F G C
Новые стремленья и мечтанья,
D
Откровенных постов.
C F
И, закрывая дверь, вскоре
G Am
Набираю тебя в телефоне.
F G C
Расставания в прошлом – верь.
F G A
Я хочу тебя, и это не отложить теперь.

Припев

G A
Сегодня или завтра
D Hm
Мы встретимся опять.
G A Hm
Ты не похожа на меня,
F#
И я хочу тебя понять.
Hm
Так будь моей звездой,
G A D
Светящей в даль твоего сердца.
G A D
Словно нам открылась дверца,
G A D
И ведет нас за собой.

Бридж

D
Однажды, светлым утром в светлой комнате своей квартиры
F#
Я понимаю, что ты была резвее скакучей багиры.
Hm
Не избежать, что встречи наши проходят снова и снова.
F# A
Идти в открытую дверь? Но она и так уж знакома.
D
И для кого теперь ложатся все эти куплеты?
F#
Неужели теперь, когда вдвоем, все кануло в лету?
Hm
Будут ли для тебя, меня еще слова этой песни спеты?
G A H
Так много вещей, где нужны поступки, но ответов нету.

Припев

A H
Сегодня или завтра
E C#m
Мы встретимся опять.
A H
Ты не похожа на меня,
E
И я хочу тебя понять.
A
Так будь моей звездой,
H E C#m
Светящей в даль твоего сердца.
A H E C#m
Словно нам открылась дверца
A H C#m E
На твоих просторах сердца
A H E
И ведет нас за собой.

Анастасия Спирина

Выпускница Института естественных и гуманитарных наук СФУ.

Увлекается фотографией, Web-дизайном, бисероплетением, игрой на гитаре и жонглированием.

Каждый день как борьба,
Каждый день словно бой...
И какая судьба?
И что будет с тобой?

По тропе своей жизни
Ты идешь не спеша,
Размышляя о смысле,
Чего просит душа...

Где та цель, что мы ищем?
И где этот твой путь?
И, похоже, сегодня
Все ж опять не уснуть.

Этих мыслей роенье,
Их опять круговерть,
Будут вечно в движении,
Не найдешь пока твердь.

Каждый ищет опору
В этом мире большом:
Кто-то вновь идет в гору,
Кто-то просто – в былом...

Тратишь время зачем-то,
Не вернуть его впредь.
Пока нужен кому-то –
Вот она, твоя твердь...

Поборю свою грусть,
Поборю и печаль.
И я точно вернусь,
И мне будет не жаль,

Мне не жаль этих дней,
Этих прожитых лиц.
И я буду мудрей,
Чтоб не видеть границ.

Тех границ, что возводишь
Себе лишь ты сам,
Но их снова обходишь
Назло всем врагам.

И пускай невдомёк
Никому на земле:
Поняла я намёк,
Благодарна судьбе.

Мокрый асфальт. Дождь целый день.
Вот и становится всё холодней.
Скоро придёт время новой поры,
Скоро настанет время зимы.

День стал короче. И снег под окном.
Праздников уйма. Гуляем и пьём.
Чаем горячим мы спасены.
Все в ожиданьи прихода весны.

Солнышко светит. И тает весь снег.
К лету вокруг начинается бег.
Всё просыпается, и всё цветёт.
Ну, а работник уж отпуск свой ждёт.

Зелень вокруг. Красок полный набор.
Снова жара. И пустует наш дом –
Все на природе. Забыв про ключи,
Осень тихонечко в дверь к нам стучит.

Яркие краски. Туманные дни.
Осени этой часы сочтены.
Ливень и ветер прохладой полны.
Все в предвкушении волшебной зимы.

Мокрый асфальт. Снег под окном.
Солнышко светит. И зелень кругом.
И не заметен здесь времени бег:
Круг сей годичный из века в век.

Да, политиком тоже быть сложно,
Ничего не хочу я сказать.
Но к народу поближе, возможно,
Можно как-то почаще бывать.

Каждый крутится, как умеет.
Уж такие у нас времена...
Богатеют и не краснеют
Те, кому власть народом дана.

Ну, а где-то, в деревне далекой
Выживают, а не живут.
Но зато там душою широкой
Все друг друга всегда берегут.

Я люблю свою родину очень
За простор и за щедрость души,
За характер, что веками отточен,
За людей, что помогут в глуши.

И пускай не всегда по деяньям
Воздаётся всем на земле,
Но у каждого есть покаянье,
И всё станет нормально в стране.

Благодарна за то, что имею,
И за то, что я в ней рождена,
И за то, что в неё всё ж я верю...
Вот такие вот, люди, дела.

Гармония

Я не приду к тебе сегодня,
И завтра ты меня не жди.
В пути я буду очень долго,
Пока не кончатся дожди.

Когда пройдут все снегопады,
Когда улягутся снега,
Когда от ветра листопады
Закончатся – приду тогда.

Когда на сердце будет лёгкость,
Когда на море снова штиль,
Когда закончится жестокость,
И станет радостною быль.

Когда все споры и сомнения
Исчезнут в глубине веков,
Заменят зависть восхищеньем,
И будет много добрых слов.

Когда не будет больше боли,
Когда везде наступит мир,
И мыслей странствие на воле,
И на добро лишь ориентир.

Когда не будет больше фальши,
Забудут люди о вражде.
И будут жить все настоящим,
Заботиться не только о себе.

Тогда и я приду неслышно,
Как ночью к вам приходят сны.
И буду я, поверь, не лишней.
И будем вместе я и ты...

А где-то там над облаками,
Где выше только синева,
Лежит дорога непростая
Туда, куда зовет мечта.

Туда, где в межпланетном танце
Летят кометы вдаль к звезде,
А звезд сияние сквозь время
Стремится к нам сюда, к Земле.

Где тишина одна сплошная
И где покой, считай, всегда,
Незримая, почти без края,
Есть там иная чернота.

И как сказал однажды гений:
Земля для нас как колыбель.
Но вырасти хотим из колыбели
И вырваться туда, куда закрыта дверь.

И где-то на другой планете
Другой такой же, как и я,
Глядит на небо в лунном свете
И грезит о других таких, как он, как я.

Читала в детстве книги с упоением,
И взгляд мой устремлялся ввысь.
И каждый миг, и каждое мгновение
Хотела я, чтобы мечты сбылись.

В своих мечтаньях многолетних
Исследовала те миры,
И мчалась я к планете от планеты,
И видела мечтателей, как я, как ты.

Там было много приключений,
Таких, что аж захватывает дух...
Но вдруг чихнула и проснулась,
То был всего лишь от подушки пух...

И я очнулась на мгновение,
И устремила взгляд туда,
Куда в неведомые дали
Звала мечта меня всегда.

Идем ли мы в жару иль в холод,
Болит ли голова у нас с утра,
А, может, где-то засуха и голод,
А, может, буря, дождик и гроза...

Во всем всегда пеняем на погоду.
Жара - так холода хотим.
За мелочь, за любую мы невзгоду
Её, родимую, браним...

А где-то наверху, в горах,
Погода, сидя за столом, икает,
Что каждый час ее в словах
То тот, то этот вспоминают.

Работы – непочатый край.
Весь стол в заявках утопает:
Тем холод, тем жару подай...
Одновременно все не успевает.

И вот, откуда – не понять,
Вдруг песня зазвучала
О том, что всякая погода благодать.
И на душе ее чудесно стало...

Еще никто и никогда
Ей не сказал тепла такого.
Ведь и погода иногда
Приятное услышать хочет слово.

И пусть бывают грозы, стужи...
Ведь для чего-то же нужны...
И пусть повсюду только лужи –
Они там наверху утверждены.

И не бывает совпадений:
Коль непогода, значит, дом.
Родных людей объединенье
Перед уютным очагом.

За туманом прекрасные дали,
За туманом одна благодать,
Только жаль, что за этим туманом
Ничего ещё все ж не видать.

Ищет ёжик в тумане лошадку,
Ну, а мы ищем просто мечту.
Выйдет солнце на небе внезапно,
И растает туман поутру.

Вместо замка, в тумане сверкая,
Вдруг окажется просто скала,
Силуэтом своим совпадая...
Так природа ее создала.

Воплотить чтоб свои все мечтанья,
Нужно браться за дело! Вперед!
И когда вдруг туман вновь растает,
Замок точно уж не пропадёт.

Если долго к чему-то стремиться,
Можно просто стереть ноги в кровь.
Но зато будет то, чем гордиться
Вновь и вновь, вновь и вновь...

Нужно просто в себя лишь поверить
И стремиться все дальше к мечте.
Только карты свои все ж проверить,
Чтоб не выбрать маршруты не те.

Путь тернист и порою нелёгок,
Но, оставшись на нем, победишь!
Только так, подкопивши силёнок,
Ты вершину свою покоришь.

И, взобравшись на эту вершину,
И, достигнув того, что желал,
Ты покажешь огромному миру,
Что добрался и что не упал.

Если вдруг холода наступили,
В жизни серость и слякоть одна,
И слоняешься ты по квартире,
И гадаешь: достигла ль ты дна?

Если в жизни одни неудачи,
Нет просвета, а только лишь мгла, —
Знай одно, что ты сможешь дать сдачи,
Что есть силы и что ты смогла.

Ты смогла в этом мире не сдаться,
Не смириться с ударом судьбы,
Ты нашла в себе силы подняться,
И с судьбою ты снова на «Ты».

Прогоняешь ты мглу своей силой:
Светом, льющим прямо из души.
И ты сможешь стать снова счастливой,
Сохранив свое счастье в тиши.

До конца быть упрямой и сильной,
Не размениваться по мелочам,
У судьбы чтобы быть не посыльной,
И не плакать в тиши по ночам.

Чтобы счастье, удача и вера
Навсегда поселились с тобой,
Нужно знать, что всему своя мера.
Нужно быть всегда просто собой.

Быть уверенной, смелой и сильной,
Но всегда позволять помогать,
Чтобы быть не одной в жизни длинной,
Чтобы мог тебя рыцарь спасти.

И как только найдешь ты опору,
Все покажется очень простым.
Все наладится, все пойдет в гору,
Все плохое станет просто пустым.

Холода вдруг так быстро отступят,
Выйдет солнце, растает вся мгла.
Победителей же ведь не судят:
Ты ведь сильная, ты все смогла!

Идеальных людей не бывает.
Да и где ж ты найдешь идеал?
Видно, мир их где-то скрывает:
Может, там, где еще не бывал?

В этом мире забавном и сложном
Ищем мы идеал для себя,
Ищем часто что невозможно,
И, быть может, все это лишь зря.

Их искать нам вовсе не надо:
Каждый в чем-то из нас идеал.
Быть во всем идеалом тоже не надо,
Нужно быть просто тем, кем ты стал.

Скучно быть идеалом по жизни:
Быть во всем лишь на первых местах.
Жизнь должна быть немного капризней,
Нужно видеть все в разных цветах.

Скучно первым всегда быть отчасти:
Без падений победы не те.
Кто сумел одолеть путь ненастий –
Ощутил высоту в пустоте.

Быть для всех идеалом не стоит:
Слишком много запросов у всех.
Нужно жизнь свою просто лишь строить
И всегда просто верить в успех.

Повторю я свои размышленья:
Идеальных людей все же нет.
Но найдутся, без капли сомненья,
Для кого означаешь ты свет.

Максим Федотов

Выпускник Института инженерной физики и радиоэлектроники СФУ.

Дом родной

Припев

Am C
Дом родной, ты меня ждешь в раю,
F E E7
А по щеке – слеза. Я не забыл, я помню.
Am C F
Я – чужой. Серые небеса, я закрываю глаза
E E7
И я как будто дома.

1.

Am F C
В парадной теперь лежит снег, и вьюга гуляет там,
E Am
А нас с тобой больше нет, мы спрятались по углам.
И в окнах темно, теперь замок висит на двери,
А я закрою глаза, и где-то тепло внутри.

Припев

Дом родной, ты меня ждешь в раю,
А по щеке – слеза. Я не забыл, я помню.
Я – чужой. Серые небеса, я закрываю глаза,
И я как будто дома.

Припев

Дом родной, ты меня ждешь в раю,
А по щеке – слеза. Я не забыл, я помню.
Я – чужой. Серые небеса, я закрываю глаза
И улетаю к дому.

2.
 Am F C
 Нет людей, просто четыре стены, просто четыре угла
 E E7
 И часть твой души.
 Am F C
 Стекол нет, и покосился набок, будто жизни предлог.
 E
 Увы!

Прпев

Am C
 Дом родной, ты меня ждешь в раю,
 F E E7
 А по щеке – слеза. Я не забыл, я помню.
 Am C F
 Я – чужой. Серые небеса, я закрываю глаза.
 E Am
 Передо мною стоит свет твоих теплых комнат,
 C
 Свет твоей теплой парадной,
 E
 Такой до боли знакомой.

Прпев

Дом родной, ты меня ждешь в раю,
 А по щеке – слеза. Я не забыл, я помню.
 Я – чужой. Серые небеса, я закрываю глаза,
 И я как будто дома.

Лист

1.
 Em Am
 Поздняя осень, горят костры рябин,
 H7 Em
 Согревая своим ярким теплом.
 Лист от березы, совсем один,
 Зацепился за ветку своим крылом.

Ветер листок оторвал, и листок улетел,
 Пронеся за собой желтый огонь.

Этот листок очень много сказать хотел,
Только осень его забрала с собой.

Припев

F#dim Em
Новая осень, новая печаль,
F#dim Em
И воды по горло, но надо доплыть.
C Em
Солнца листок падает в воду, жаль,
H7 Em
Всех акварельных красок не повторить.

Солнца листок падает в воду, жаль,
Всех акварельных красок не повторить.

2.
Ветер лист подхватил и понес вперед,
А потом порывом и – на асфальт,
Будто душа, разгулявшись, пошла в полет,
А потом оборвалась – и не поймать.

Лист растоптали в грязи колеса машин
И решетки канализаций потом.
Не собрать осколков души –
Все залило холодным осеением дождем.

Припев

3.
Уплывает в грязи скомканный лист,
Под землей там, где холодно и темно,
И мгновеньями редкими солнца луч
Сквозь решетки смотрит в его окно.

И остаются голые ветки одни,
Их детей уже никто не найдет. Желтый
цвет – это цвет разлуки, пойми, Он
души оборвавшейся не вернет.

Припев

F#dim [X X 4 5 4 5]

Анастасия Чехова

Студентка Института цветных металлов и материаловедения СФУ.

*«Люблю прогулки по пустым паркам и музыку.
Стихи пишу со школьной скамьи. Всем сердцем
люблю Анну Ахматову и Марину Цветаеву».*

Родные стены

Родные стены очень даже лечат,
Они прекрасно заживляют раны.
И покрывало теплое на плечи
Уложит мама, согревая прямо.

Две чашки чая на столе молочном,
Дрожат ресницы, и чуть хриплый голос,
На «Что ты плачешь, милая?» – ответит,
Что в одиночестве ты жить совсем не можешь.

И остывает чай в прозрачной темной кружке,
Вы все сидите, долго обсуждая.
Родные стены, мне поверьте, лечат,
Всю боль душевную буквально забирая.

Перегорела

Перегорела. Как лампочка, перегорела,
И чувств трепещущих в душе давно уж нет.
Я позабыла горькие проблемы,
Да и о счастье я могу уж позабыть.

Сгорела я, как лист в огне сгорает.
Сожглась дотла, не заживо, поверь.
Внутри у брошенных все пламенем съедает,
Лишь обнажая память прошлых дней.

Я утонула. Нет, не в каплях слез, не в море.
Я утонула в чувствах, что оставил мне.
Не захлебнулась, а ушла по своей воле
Огромным камнем, что лежит на дне потерь.

Я улетела бы, сквозь время, расстоянье,
Я улетела бы на встречу небесам.
Но улететь мне крылья вновь мешают,
Что ранены осколком свежих ран.

Скатилась тушь

Скатилась тушь по розовым щекам,
Помада, стершись, обнажила твои губы.
И так искусно «сшитая» вуаль
За краткий миг истерзана прилюдно.

Пустое слово, колкое до боли,
Подобное шипам от диких роз, врезается
По сантиметру, только нет капель крови –
Вместо них дорожки чистых слез.

Сжимая в руке клочок чужой бумаги,
Роняя на пол льдинки серебра,
Твоя душа застыла, и тогда же
Ты поняла, что больше не нужна.

В глазах потухли огоньки надежды,
И пеленой твой взгляд был вновь покрыт.
Тебе всего семнадцать, но за это
Ты проклянешь оставшуюся жизнь.

Мех моего пальто пахнет духами мамы,
Вот прямо, точь-в-точь, хоть у меня таких и в помине нет.
А руки, засунутые в карманы, пропахли ментолом,
Тот запах достался от папы, ведь он много курит иль нет.

И эта озябшая до остервенения осень
Под горло залезла и жрет меня битый час изнутри. О, нет,
Я и забыла, что мне выразаться нельзя так,
И жаль, что плевать мне на весь этот проклятый свет.

Картины безмолвно висят на прилавках.
Скажите, есть смысл вообще покупать мишуру в ноябре?
Хотя, помолчите, здесь все же понятно,
Давно все хотят сэкономить по сотне, а, может, по две.

Вообще, если честно, все жутко достало,
Читать в тишине и гулять возле парка в кромешной тьме.
И отчего-то мне кажется дико странным,
Что каждая четная строчка заканчивается на эту чертову «е».

Трещит камин в домишке у реки.
Сухие ветки скромно догорают.
И стынет чай лавандовый в стекле,
И ночь тихонько плечи накрывает.

Шумит листва под летним ярким небом,
И светит солнце, освещая все буйки.
Мороз по коже, от знакомой тебе ложи,
Воспоминания, как хоровод во тьме.

Под шум дождя гуляет по двору
Пушистый кот, с пятном на левой лапке.
А маленький щенок, зарывшийся в траву,
С сверчком тихонько в прятки все играет.

Наступит скоро новый, грустный серый день.
Ворвется он, как ураган проклятый,
И поспешу я на работу, хоть и мне
Не хочется прощаться с летним Раем.

Никита Чучков

Выпускник Института космических и информационных технологий СФУ.

Увлечения: бокс, поэзия, общение с друзьями. В клубе «Высокий Берег» с октября 2005 г.

Развесистая клюква

На каждый лживый, подлый слог
И каждую предательскую букву,
Я вам скажу открыто, между строк,
Не суйте мне развесистую клюкву!

Я в муках не хочу глядеть
На скучное и тошное «Забрало».
Чужое эго можно потерпеть,
Но вот сносить нытье уже достало!

Умерьте наконец свою надменность,
Напрасно грезите о вашей пошлой лени.
Как тошнотворна клюквы эфемерность!
Как можно встать пред нею на колени?!

Так много пыток и темниц уму,
Вам для рассудка сладок горький плен,
Вы все отвергли – свет и мир, и тьму –
На все кладете алой клюквы тлен!

Друзьям

Со мною вы, когда бывает грустно,
Души блаженство, радость и покой,
Я в ваших мыслях познаю искусство,
В любом бою я остаюсь собой.

Вы те, кто согревают душу в холод,
И встанут рядом, заслонив собой,
Для встречи есть прекрасный, дивный повод,
Я жив, когда мои друзья со мной!

Все ваши мысли ярки и прекрасны,
Мир с вами обретает чудеса,
И все труды светлы и не напрасны,
Ваша любовь возносит в Небеса.

Мне ваша верность и тепло
Надежней стали! Ярче, чем рассвет!
Как мне с друзьями в жизни повезло!
Людей прекрасней в этом мире нет!

Врагам

Вы то, что воплощает горький стыд,
Общаться с вами гадко и отвратно,
Любить врагов – призыв мной не забыт,
Не торопитесь понимать меня превратно.

Себе вы лжете о любви к мечте,
И, Эго поднимая без оглядки,
Ваша любовь замкнулась на себе,
Но совесть отвечает – все в порядке.

С надменным образом, плененные собой,
Вы ищете спасение от скуки,
Возможно, вы не спорите с судьбой,
Вам так забавны человечьи муки.

С собой во многом сходство узнаю
И понимаю вас, конечно, тоже,
Я повторяюсь, я вас, враги, люблю!
Но так приятно врезать вам по роже!

Иван Шульгин

Выпускник Политехнического института СФУ.

Дикая энергетика

И страсть во мне кипит, бурлит,
Энергия на грани срыва,
И, чувствуется, будет взрыв,
Но не могу я бросать грязь и пыль в порыве...

И, кажется, еще секунда – ВСЁ!
И в бездне ты, и окружает мгла,
Как будто бы в пещере ты,
И всюду одна лишь пустота.

И, кажется, идешь по краешку карниза,
Качаешься, вот-вот скользнешь и вниз рванешь,
Но останавливает,
Стеною останавливает внутренняя сила.

И выше звезд готов взлететь,
И тянет к небу, не к земле,
А крыльев нет, чтоб полететь,
И черный ворон вдалеке.

Он лишь готов тебя поддеть,
Когда обманешь ты себя,
И злом ударить и задеть
Старается тебя всегда.

И времени приходит час,
Стоишь ты на обрыве,
И нужен выбор или пас,
Нельзя спешить в порыве!

А сердце разрывает грудь
И просится оно сильнее наружу,
Но успокоить сложно, не уснуть!
И самому себя спасти – обескуражен.

И трудно адекватно выразить
Этот поток разрывных чувств,
Боюсь, что можно... понять неправильно всё то,
Что я хочу сказать из своих уст.

И все мы против равнодушия,
Стараемся разжечь огонь друг в друге,
И разбудить сочувствие в душе,
Преодолеть испуг в округе.

И ищем мы поддержку в друге
И понимание в глазах,
И хочется зажечь свечу в недуге,
И вновь почувствовать Любовь, как в первый раз.

И лишь надежда до конца,
И сила выдержки иная
Тебе подарят всё сполна,
И твою мысль осуществят по-настоящему в реале.

Достижение целей

Не проси, не умоляй, прошлое забудь,
Не сворачивай с дороги, находи свой путь.
И пускай случаются невзгоды,
Главное – здоровье, не погода.

Ты иди своей дорогой славной,
И бывает трудно и дожди,
И порою кажется забавным то,
Что непонятно впереди.

Если ничего не видно –
Ты не вешай нос и не грусти.
Даже если станет вдруг обидно –
Твоя сила у тебя в груди.

И не бойся что-то поменять,
Переменам всё равно когда-то наступать,
Постоянное не вечно, что-то не понять,
Да и часто наперёд всё хотим мы знать.

И друзья пойдут с тобою вместе,
И друзья поддержат и смогут понять.
И любимый человек на старом месте
Будет обнимать тебя и ждать.

И наступит день тот дерзкий, жадный,
Тот, который ждал как луч в окне,
Этот самый праздник долгожданный,
Тот, который у тебя в душе.

Ты поймешь, что так когда-то думал,
Ты поймешь, что это не во сне.
И свершится то, что ты задумал,
Ты увидишь это на лице.

И теперь ты, как создатель главный,
Как мыслитель, сам с собой наедине,
Ты уже как полный обладатель,
Покоривший то, что вдалеке.

Шесть необходимостей

За что мы платим каждый день?
Что нам приносит в жизнь комфорт?
Что видим мы сейчас повсюду?
На чем основан наш уют и даже спорт?
И без чего не можем мы,
как половинки, друг без друга?

Вода, бензин и газ, и свет,
Телефон и интернет,
И если хочешь жить без бед,
Ты им уже не скажешь: «Нет».

Генератор запускаем
И потери мы снижаем,

Друзья

и

Гости

Клуба

Николай Ерёмин

Член СП СССР с 1981 г., Союза российских писателей с 1991г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин». Он является лауреатом премии «Хинган» и «Нефритовый Будда», победителем конкурса «День поэзии Литературного института – 2011» в номинации «Классическая Лирика», дипломантом конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова. Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ. Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты», публиковался также во многих красноярских, российских и зарубежных изданиях.

Цикл стихотворений «Удача и успех»

Рояль вверх ногами

Памяти футуристов

Вчера,
Подвешен вверх ногами,
Рояль был недоступен Гамме...
А нынче –
Слава Богу!
Ах! –
Опять
стоит
На трёх ногах...
– И я могу, –
Сказал Поэт, –
Сыграть на нём любой концерт!
Как футурист и миражист –
И в мыслях чист,
И в чувствах чист...
Со мной – Бетховен,
Моцарт,
Лист...
И Муза мне твердит опять:
- Хочу!
Дозволь мне подыграть...

От книги пахнет свежестью, сиренью...
Черёмухой...
Массандровским вином...
И вновь,
Охваченный томлением и ленью,
Один, я сожалею – об одном:
О море, о любви и о волне,
Которые поют во мне
И вне...

Фотоальбом

Вот –
старый снимок,
где я - молодой...
Вот –
Новый снимок,
Где я – с бородой...
А между ними –
Не молод, не стар –
Тысяча снимков, где я – Super-Star –
Ах, среди звёздных друзей и подруг –
Вспыхнувших вдруг...
И погаснувших вдруг...

Быль

Его жена,
Совсем не дура,
Сказала, злобы не тая:
- Стихи твои –
Макулатура!
Как раньше заблуждалась я?

Совсем не злой, и не дурак,
Сказал он ей:
- Нет, всё не так! –
И вдруг
Повесился,
Чудак...

Имярек предупреждает

Автор Имяреков
Предупредил меня,
Что не несёт никакой ответственности
За то, что он сочинил, а я прочитал...
И всё-таки
Я отнёс его книжонку в суд –
И высудил 1 миллион рублей
«За причинённый моральный ущерб»,
Но Имяреков
Улетел в Таиланд,
Откуда смеётся по Интернету
Над всеми
Ущербными
Пострадавшими
Читателями...
И говорит на пляже
Обнимающим его фотомоделям,
Что не собирается возвращаться...
Потому что его якобы укусила рыбка пиранья,
И он всё равно скоро умрёт,
Не дописав в последнем романе
Всех симптомов
Страшной неизлечимой болезни...
И не докурив последней сигареты «Мальборо»,
На средства от рекламы которой
Он якобы прожил
Всю свою творческую жизнь...
И – от всей души и от чистого сердца –
Советует своим читателям
Не ходить по судам,
Рифмуя «Аз воздам!»...
А своим почитателям –
Взять с него пример
И заняться рекламой сигарет – цитирую:
«Бренд которых,
Если честно сказать,
Ни в какой рекламе и не нуждается!».

У реки

Опять весна,
И я – на берегу
Реки, из-под льда воскресшей снова,
Читать без слёз невольных не могу
Признанья
Убиенного Рубцова...

Пока в стихах душа его,
Легка –
Во мне и вне
Сверкает, как река...

У моря

Я иду
Вдоль моря, по краю –
Что спою,
Пока что
не знаю...
Но так сильно хочется петь,
Здесь,
Где жизнь
Отрицает смерть
Ветром солнечным...
И –
Предо мной –
В горизонт влюблённой волной...

Пророк

Заняты
Прекрасной общей целью:
Улететь – в один конец – на Марс,
Скоро все мы
Грохнемся под Землю,
В пустоту,
Где жили – Нефть и Газ,
С Марса прилетевшие
До нас...

Природа

*«И смеётся вся природа,
Умирая каждый миг...»
Николай Заболоцкий*

И смеётся,
И рыдает...
Это надо ж так суметь!
В нас
Природа умирает –
И не может умереть...
Год за годом,
Тут и там –
Воскресая по утрам...
Потому что там и тут
В нас
Умершие живут...

Соловей

Тогда
С возлюбленной моей
Я пел, как будто соловей...
О, наш
Средь черноморских гроз
Балкон цветущих майских роз!

Дуэт так страстен был,
Что я –
Доныне в роли соловья -
Со всеми,
Кто ко мне стремится,
Готов стихами поделиться...

Боль

Несовместимы Век и Миг:
У всех вокруг по фазе сдвиг...
Вдох – выдох – вдох... И – вдох... и – Ах!...
Нет выдоха на Небесах...

Долги мои тяжкие

Банкир говорит:
- Что с тобою? Держись!
Закончатся деньги – закончится жизнь...
Воспой наше грешное дело, пиит, –
Согласен?
Получишь бессрочный кредит!
И я, – ноль банкиру и ноль королю –
Рулю
Курсом доллара, бедный, – к рублю...
Поскольку вчера
Мне обрезали свет
И вход заблокировали в Интернет...
И я – по совету –
Молюсь и держусь:
Оформить бессрочный кредит тороплюсь...
Простите, родные,
Простите, друзья,
Иначе в России мне выжить нельзя...

В молодости
Думал я о старости:
Как бы с Маяковским «лет до ста расти?».
А потом всё думал:
Или-или
Застрелился?
Или
Застрелили? –
Вспомнив, как лежал «почивший в Бозе»
Он, увы,
В эмбриональной позе...
А на фото –
Дулами в поэта –
Два
ещё горячих пистолета...

Мы родились с тобой в одном роддоме,
И жили мы с тобой в одном дурдоме.
Хлебнув земной свободы, по всему,
И в небе будем жить в одном доме.

Я, ничего не говоря,
Прочёл три тома словаря –
И, благодарен словарю,
Теперь свободно говорю...

Жизнь кончается могильным бугорком.
С бугорками я со многими знаком...
Неужели, как придёт ли, выйдет срок,
Превращусь и я в такой же бугорок?

Поэт и днём и ночью мается,
Никем не признан, всем не мил.
А лишь помрёт – и начинается:
- Какой он гениальный был!

Стихи, обращённые к Богу,
Писал я всерьёз, понемногу...
И вот, по прошествии лет,
Составил «Новейший завет».

Мороз крепчал снаружи...
Маразм крепчал изнутри...
Но жизнь была – чем хуже,
Тем лучше... Чёрт побери!

Утро

Утро. И опять я, умываясь,
В зеркале узнал себя... Ура!

Воистину

Если прозаики вышли из гоголевской «Шинели»,
То поэты – воистину – из пушкинской «Метели»!

В Столице

Здесь, в столице, как в глуши, -
Ни одной родной души!

Рыбка

В аквариуме рыбка сквозь стекло
На волю смотрит умными глазами...

Козлы

Козлы рождаются козлами
От коз, увы, и от козлов...

Сердце

Елена мне лукаво подмигнула –
И сердце к ней рванулось из груди...

Радость

Какая радость: повстречать поэта –
От интерната и до интернета...

Виктор Теплицкий

Протоиерей Красноярского Свято-Никольского храма. Литератор, автор многих поэтических и прозаических сборников.

Лауреат премии В. П. Астафьева.

Я – сибирский сентябрь.
Я дождлив и печален,
но печалью моею согрею тебя.
Я тебе расскажу, как бывает в начале,
когда стынет ночами до свету земля.

Я открою тебе все великие тайны
этой грусти вселенской холодных дождей:
ничего не бывает в этом мире случайным.
Я – хранитель печальный осенних ключей.

Я тебя уведу в глубину листопада,
где теряется отзвук неспешных шагов...
Только вечный мотив тополиного лада.
Только сладкая мякоть созревших плодов.

Только ты не считай торопливо минуты –
заплутало в листве время здесь искони.
Здесь всегда небеса что-то шепчут кому-то,
и кружат бесконечно сухие огни.

Я – сибирский сентябрь.
Я дождлив и печален,
но печали моей семена проросли
сквозь века, времена. То, что было в начале,
то и будет в конце – на исходе Земли.

По поверхности водных кругов,
по изломам холодных хребтов,
мимо пыльных рекламных щитов,
вслед за криком испуганной птицы
 вышло сердце из берегов,
 разлилось, размывая границы.

По заснеженным пикам вершин,
по зелёной глади долин,
мимо веющих смертью витрин,
по прочитанным ночью страницам,

по обрывкам разорванных снов,
по крупицам песочных часов
 сердце вышло из берегов,
 растеклось по твоим ресницам

и застыло на веки веков.

Писатель

Жил-был писатель. Днём просиживал над графиками, ночью – творил, в основном, рассказы. О романе даже не помышлял. «Не созрел», – отвечал он своим почитателям.

Его знали в городе и не только. Печатали в журналах, газетах. Но, как всякий писатель, он мечтал о книге. С книгой же было трудно. И всё же писатель не унывал, бился над каждой строкой, довольствуясь крохами сна; он не мог не писать. А писал он вещи грустные. Печаль так и сочилась из-под его карандаша. Именно это ставили ему на вид. Даже почитатели. «У вас хороший слог, – говорили они, – тонко выписаны персонажи, неожиданные развязки, но совершенно нет позитива». Друзья и те требовали чего-нибудь повеселее — жизнь и так напрягает, а тут ещё ты сгущаешь краски. Но он не мог не сгущать. Слово «позитив» вызывало у писателя нервный тик.

И всё-таки он пытался. Честно брался за мажорное, но в конце непременно съезжал на минорные тона.

Он умел пошутить, но стоило ему сесть за стол...

Вот и сейчас, пробежав глазами исписанный лист, писатель вздохнул: «Снова будут нос воротить, требовать веселухи. А где я её

возьму?»). Он глянул в окно. Уже светало. Писатель опустил голову на кипу черновиков и закрыл глаза...

Небо хмурится, по зелёным холмам гуляет ветер, шевелит ковыль и гривы коней. Два всадника всматриваются в даль. Один на огромном чёрном коне. На руке, сложенной козырьком, висит булава, в другой – копьё наперевес. Второй, безбородый, – на коне белом, готов выхватить меч из ножен. Взгляды богатырей суровы, напряжены.

– Глянь-ка, сколь вражины собралось, – молвит бородатый. – Сдаётся, Виктор Петрович, вдвоём придётся биться.

– Не думаю, Фёдор Михайлович. Он ещё никогда не подводил. Обождём малость.

Тут писатель вскакивает, несётся во весь писательский дух, кричит:

– Вот я, вот я.

Но безбородый резко его останавливает:

– Ты откуда взялся, голозадый? Марш домой, пока мамка не отшлёпала.

– Беги домой, мальчик. Тут сейчас такое начнётся, — басит тот, что с булавой и копьём.

– От горшка два вершка, а всё туда же. Подрасти сперва, там поглядим.

Богатырь на белом коне оглядывается, восклицает радостно:

– Что я говорил? Во-на, Исаевич спешит. Ну теперь супостату-позитиву не поздоровится. Ох, раззудись плечо, размахнись рука!

По высокой траве скачет третий богатырь. Конь-огонь, за спиной лук, колчан со стрелами...

Писатель открыл глаза. Тонкий сон развеялся, в комнате висела тишина, ветер слабо играл занавеской. «Сами управятся», – улыбнулся писатель и нырнул под одеяло.

Библиотекарь

Жила-была библиотекарь. Разумеется, много читала. Книги с детства шли с ней по жизни. Вот только спутник жизни ей не встречался. Вначале это сильно печалило библиотекаря, а потом вроде как привыкла.

На работе её окружали стеллажи. А дома бесшумно слонялось одиночество. И только по вечерам оно пряталось в художавой тени библиотекаря, когда та садилась у окна с бокалом вина и закуривала. Но только стоило лечь, как одиночество мостилось в изголовье и начинало свою заунывную песнь.

Библиотекарь много чего знала – полезного и бесполезного. Первое с трудом лезло в голову, второе – весьма проворно. Ещё у библиотекаря были привычки и заморочки. Так, например, она гадала в ночь перед Рождеством. Но делала это своеобразно: открывала наугад книгу, тыча пальцем в страницу. Строка, на которую указывал перст, должна была приоткрыть завесу будущего. Сапоги за порогом и зеркала в темноте не прельщали. Но суженый так и оставался за завесой, и последние годы библиотекарь гадала по накатанной – без трепета и ожидания.

В это Рождество она решила довериться *пасичнику*. Может, Рудый Панько что-нибудь да прогоголит? Наскоро поужинав, библиотекарь извлекла из пакета книгу с оттиснутым профилем на обложке. Села за круглый столик, зажгла свечу...

«Нехорошо быть человеку одному», – прочитала она. Что-то здесь не так. Жаль, не заметила страницу. Выдохнула, зажмурилась... «и будут двое одна плоть». На этот раз библиотекарь запомнила место. Стала перечитывать. Никаких двоих, никакой плоти! Но ведь было! И вообще, откуда это? Она потянулась за сигаретой, но в руках снова оказалась книга. Тёмный профиль озорно улыбался. Очертя голову библиотекарь нырнула в диканьковский хутор. Палец скользил по знакомым строкам: «И мигом очутился Вакула около своей хаты. И в это время пропел петух, ибо крепка как смерть любовь». Стоп! Она узнала последние слова. Но как это возможно?

Библиотекарь уже не заглядывала в книгу.

Её не знобило, не тряслись члены, сердце стучало ровно. Она стояла у окна и слушала, как тикают настенные часы. Одиночество скукожилось и юркнуло в дальний угол. Вдруг библиотекарь прильнула к холодному стеклу. По заснеженному двору, оставляя следы, шёл человек: пальто странного покроя, цилиндр, из-под которого вились тёмные волосы, в руке трость. В свете фонарей отчётливо выделялись усики и прямой нос.

Библиотекарь опустилась в кресло. Она глядела на пламя свечи. И улыбалась.

Человек в цилиндре свернул за угол. Там его ждала небольшая ладная бричка. Чему-то посмеиваясь, сел в коляску. Малороссийским говором крикнул низкорослому кучеру «трогай». Малый дюже походил на человеческий нос. Он щёлкнул кнутом, и бричка покатила по асфальту. Рядом на козлах сидел господин – не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок. Он улыбался, оглядывая город.

Мелькали светофоры и витрины, вёрсты, колодцы, обозы, серые деревни... Спицы превращались в один гладкий круг. Ещё немного, и бричка оторвётся от земли и взмлет в звёздное небо. Какой же русский не любит быстрой езды?

Девушка

Жила-была девушка. Симпатичная, энергичная, современная. У неё, как у всех людей, имелись тела и душа. Тело поселилось в квартире, душа – в телефоне. Только на ночь душа возвращалась в тело, когда девушка засыпала. Но, как только звучала бодрящая мелодия, душа тут же ныряла в плоскую коробочку. Там она радовалась и печалилась, общалась с друзьями, делилась впечатлениями, узнавала много нового. Изредка душа выпархивала – ненадолго. При этом тело от радости буквально не чуяло ног. Без души оно тосковало, ревновало не только к мобильнику, но и к другим устройствам. Душе без тела жилось спокойно.

У девушки был парень. Его душа тоже обитала в телефоне. Там они и познакомились. Там, в основном, и жили, пока их тела ели, пили, соединялись и делали всё необходимое.

Но случилось непоправимое – у девушки украли сотовый. Отвлеклась на минутку, забылась, сунула руку в карман – пусто. Переворошила сумочку – ничего! С телефоном пропала и душа.

Бродит тело по городу само не своё. Пытается девушка разрыдаться – не получается, рассердиться – не выходит: чувства все в телефоне остались. И вообще кругом всё какое-то чужое, незнакомое – страшное. Цвета блеклые, звуки тихие какие-то, нечёткие. А самое главное: как теперь жить? Без души-то?

Кое-как, не иначе, как по наитию, отыскала дом, квартиру. Вошла. На диване – парень. Кто такой? А тот водит пальцем по экрану, словно ищет чего-то, но только и слышно: «Абонент недоступен, перезвоните позже». Тело бочком-бочком – и на улицу.

Кружит, кружит, спросить бы кого, да куда там – все глазами в коробочках, будто собаки на поводках. Сверху крупа сыплется, мороз за лицо хватает. Замёрзла девушка. Хорошо, что тело дорогу запомнило. Вот и двор знакомый. На скамейке чувак сидит – тот самый, из квартиры. Увидал, бросился, смартфон протягивает. Девушка глянула на экран, а там... Душа! Целёхонька! В сетях запуталась, тем и спаслась. Тут всё на своё место встало. И краски заиграли, и звук в наушниках загромычал, и чувства вернулись. Слёзы по щекам бегут, на губах улыбка сияет, телефон в руках скачет. Так, держась за него, парочка домой и отправилась.

Теперь у девушки две коробочки. Душа в обеих превосходно себя чувствует. Она ведь неосязаемая. Утончённая, ранимая... при соответствующих настройках. Тело больше не ревнует. Лучше короткие свидания, чем вообще никаких. Бойфренд тоже второй мобильник купил. Мало ли что может случиться?

Дворник

Жил-был дворник. По образованию – филолог, по призванию – учитель. Правда, учительствовал он недолго. Дело в том, что у дворника была тонкая организация души. Он не мог терпеть грубости, не выносил хамства, а от сквернословия чувствовал почти физическую боль. Потому в школах не задерживался. Открывая дверь очередного лицея или гимназии, он говорил себе – если найдётся десяток тех, кто не матерится, останусь. Через месяц-два в заявлении об уходе он писал: «Грубость учащихся превосходит степень терпимости, ибо слаб человек».

Так и мыкался бы, перебиваясь репетиторством, пока не повстречал друга-математика с метлой в руках. У математика было четверо детей. Друг описал все плюсы и минусы дворницкой работы, и филолог стал подметальщиком, не переставая, впрочем, оставаться филологом.

Его по-прежнему коробило от бранных слов, которыми швырялись прохожие, но со школой – никакого сравнения. Вполне терпимо, говорил себе дворник, да и работу сразу видно.

Через полгода у него открылась удивительная способность: он стал видеть... матерки. Грязные, колючие оборвыши, напоминавшие крупных гусениц. выскакивали изо рта на одежду, шлёпались на асфальт или висли на кустах. Пахли отвратительно. Выбрасывать в мусорный бак оказалось бесполезно – матерщина расплзлась довольно быстро. К счастью, в подвале имелось множество картонных коробок. Набив каждую до верха, заклеивал её скотчем. Но что дальше?

– Ума не приложу, – жаловался он математику.

– Сжигать их бесполезно, – рассуждал тот вслух. – А что, если травить?

– Чем? Дустом, что ли?

– Словом! Минус на плюс даёт ноль. Неси-ка, брат, классику.

Эксперимент превзошёл все ожидания. С первых же слов матерки начинали изгибаться, корчиться, потом дёргались и высыхали. Так началась Великая Чистка.

Читать приходилось много и разного. Забористые, особо устойчивые сопротивлялись и сладить с ними было не так-то просто. Некоторых не брали книги девятнадцатого века, другие реагировали только на определённых авторов, и, главное, быстро приспосабливались.

– Возможна мутация, – предупредил как-то грузчик-биолог из соседнего магазина.

А искусствовед, торгующая вязаными шапочками, добавила:

– Сейчас наблюдается смешение жанров. Рэп в сопровождении оркестра, эротизм в драматургии. О литературе я просто молчу. Когда ненорматив станет нормой, тогда уже ничто не поможет. Торопитесь!

И дворник торопился. Наспех прибравшись, читал до хрипоты романы и поэмы до поздней ночи. Друзья помогали: приносили книги, подметали, кормили. А матюги всё сыпались и сыпались...

Сколько бы ещё длилась война – неизвестно. Дворника уволили. Без объяснений.

Новый дворник-таджик, принимая инструмент, улыбался, неустанно кивал и повторял одно и то же слово.

– Только не открывай коробки.

– Хорошо!

– Там древнее зло. Скверна.

– Хорошо!

– Русская скверна самая скверная.

– Хорошо!

– Да что же здесь хорошего!

– Говорить по-таджикски. Ругаться по-русски! Хорошо!

Филолог махнул обречённо рукой и вышел из подвала.

«*Tempus consilium dabit*¹³», – пробормотал он и углубился в страницы объявлений.

Поп

Жил-был поп. Лоб у него был вполне нормальный, волосы собраны в хвостик. На пресвитерской бородачке виднелись седые отметины – шрамы искушений, на иерейском животике – последствия съестных и прочих утешений. Впрочем, поп старался не впадать в крайности, не хватать лишку, одним словом, не перебарщивать. Для этого у него имелся тонкий слух, который улавливал тихий голос совести.

Прихожане его называли батюшкой, священники – батей, епископы – отцом. У него была супруга и, как водится у многих нынешних отцов, трое детей. В одной упряжи с женой он исправно тащил церковную борону по полю жизни. На место настоятеля не метил, во время архиерейской службы норовил затеряться среди наградных крестов и фелоней.

Кроме прихожан, храм посещали захожане. Одни рьяно устремлялись в очередь на исповедь, другие – к подсвечникам. Случались, конечно, и заплыване, и залетане, био-псевдо-и прочие

¹³ *Tempus consilium dabit* (лат) – «Время покажет»

энергетики, люди с тремя глазами и просто сумасшедшие, таковых, правда, было немного. Каждый требовал соучастия, одобрения. Но батя не всегда постигал смысл изречённых глаголов.

Некоторые прихожане изъяснялись на храмовом диалекте. Жадность именовали сребролюбием, корысть – мшелоимством (отца всякий раз подмывало спросить что-нибудь о ловле мышей) и чётко отличали тревоугодие от гортанобесия.

Хуже всего дело обстояло с потомственными целителями-магами, шаманами-ведунами, с бубнами и без оных. Казалось, он говорит с марсианами. То, что абхутараджасы – это представители пятой Манвантары, трогало мало, да и «яму» от «хари» он отличать не собирался.

Тонкий поповский слух при этом страдал. Птицей небесной бился он в чащобе вербальных хитросплетений и ранил крылья. Когда стрелка терпимометра зашкаливала, батя собирал наскоро снасти, палатку и укатывал на электричке в тайгу доставать из воды пескарей.

В очередное воскресенье он чмокнул матушку в щёку, благословил семью и направил стопы подальше от города. В рюкзаке покоились два часослова: Рильке и честных монастырей.

Всё сразу пошло не так. Электричка долго стояла на путях, ждала скорый; солнечное утро сменилось пасмурным днём; а когда отец жадно вдохнул запах сосен, зарядил дождь. Промокший, голодный, усталый едва доплёлся до места. Кашеварил уже в темноте. Переодевшись в сухое, полез в спальник. Тут его и остановил тихий голос совести:

– А повечерие?
– Ты о чём? Какое повечерие?
– Ну, хотя бы малое.
– Слушай, я зверски устал. Пусть будет считаться, что я молился ногами.

– Ногами, – хмыкнул голос, – молятся в крестных ходах. Незачёт!
– Вообще-то в Писании сказано «Господь долготерпелив и многомилостив», – оправдывался батя. – Псалом сто второй, кажется.

– «В надмении своём нечестивый пренебрегает Господа: не взыщет» – парировал голос. – Псалом девять, стих двадцать пять.

– А как же «будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»? Это, между прочим, Новый Завет.

– Хватанул, однако! Ну так получи: «...ибо придёт Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его». Матфей, шестнадцать, двадцать семь.

Они бы ещё долго перепирались, но у бати с каждым словом тяжелели веки. Наконец, он поскорю прочитал Серафимово правило, по-иерейски осенил палатку и провалился в сон.

Дождь монотонно стучал по листьям. Но с каждым ударом сон истончался. Когда стал тоньше волоса, батя услышал треск веток – три медведя вышли из чащобы. Неспешно расположились перед входом.

– Голодно, мне голодно! – простонал громко первый медведь, воздевая когти к небу.

– Кто сидел на моём бревне и сдвинул его? – завизжал второй.

– Есть или не есть, вот в чём вопрос, – молвил третий задумчиво, сложив лапы на груди.

Батя лежал, боясь пошевелиться. Сил поднять десницу для крестного знамения не было.

– Начнём! – взвыл первый медведь. – Herr: es ist Zeit¹⁴.

– Pereat mundus et fiat justitia¹⁵, – подхватил второй.

– Тварь ли я дрожащая... – начал было третий, но его резко осадили: – Уймись. Тоже мне, Агта Тролль нашёлся.

Тени надвинулись на палатку. Затрещала ткань...

– Как тебе плоды твоих потуг? – спросил голос совести.

– Но ведь я молился! Как же так? – вскричал поп... и проснулся.

Вовсю палило солнце, щебетали птахи. В палатке было душно, майка прилипла к телу. Батя выдохнул, перекрестился, улыбнулся. Выбрался из палатки и... замер. Кусты поломаны, трава измята, бревно, с которого он обычно рыбачил, сброшено в реку.

На перекате весело плескались пескари.

Инженер

Жил-был инженер. Он любил играть на баяне. Любил, но не умел. Терзал инструмент нещадно – немного по вечерам и много по выходным.

Этажом ниже жил поэт. Он умел слагать не слагаемое, строить конструкции и оттачивать детали. Но всякий раз, когда его слуха достигали звуки баяна, дактили слетали с педалей, выбивало ямбы, а дольники не хотели делиться.

Надоела эта музыка поэту. Поднялся он к соседу, позвонил раза два. Инженер открыл. На груди баян, лицо красное.

– Знаете что, – начал без предисловий поэт (он не любил предисловия), – вы своим, так сказать, музицированием мешаете творческому процессу. Собственно говоря, при исполнении, с вашего

¹⁴ Herr: es ist Zeit (нем.) – «Господь, пора». Р.М. Рильке.

¹⁵ Pereat mundus et fiat justitia (лат.) – «Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие».

позволения, мелодий, моя муза страшно пугается и оставляет лабораторию слова и звука. Все мои стихотворные построения рассыпаются, как карточный домик. О! Неожиданный образ! – воскликнул поэт. Вынул из шёлкового японского халата записную книжку, ручку, размашисто набросал «стихи распадались, как карточный домик», сунул поэтические принадлежности обратно в карман и продолжил:

– Прошу вас, любезный, не занимайтесь тем, что вам не дано. Вы лишаете меня и мир свершений в области высокого искусства поэзии.

Инженер потоптался, как провинившийся школьник, вздохнул и ответил:

– Но я не могу не играть. Музыка – она – как дыхание, как огонь в печи... Да, и насчёт музыки. Пойдёмте.

На кухне на обшарпанном табурете сидела юная особа. Кудри украшены венком живых цветов, лёгкая туника, в руках – лира.

– Узнаёте? – спросил инженер. – Мы тут репетируем.

– Как? – воскликнул поэт.

– Сам не знаю, – ответил инженер. – Что-то мне подсказывало...

– Дорогая! – перебил поэт, трагично простирая руки. На пальце сверкнул перстень. – Как же так! Как же я?

Повернулся к инженеру:

– Давно она у вас?

– Да почти сразу, как только его привёз из деревни, – он любовно погладил баян. – Стоит только начать играть...

Инженер загадочно улыбался. Улыбалась и юная особа. Не улыбался только поэт.

Этажом ниже качались строфы, скрипели рифмы и вся конструкция ходила ходуном, готовая развалиться. Прямо, как карточный домик.

Домохозяйка

Жила-была домохозяйка. У неё были муж, кошка, дом и хозяйство. Дети были в другом городе. Ей нравились цветы в горшках, сериалы и ток-шоу. Впрочем, ток-шоу не очень: они шли под высоким напряжением.

Как-то раз под Новый год неожиданно затрезвонил домашний телефон. Домохозяйка подняла трубку.

– Алё.

– Здравствуйте, – прошелестел приятный баритон. – Не узнаёте?

– Не узнаю.

– Вообще-то я, – тут прозвучала фамилия известного эстрадного певца. – И я хочу вас поздравить... – далее шёл заученный текст.

Когда эстрадный певец закончил свой монолог, домохозяйка сказала «спасибо» и положила трубку. Восторга в её голосе певец не услышал. Она же задумчиво гладила притихшую на коленях кошку.

Домохозяйка подошла к выдавшему виды серванту. Что-то долго искала и наконец извлекла пыльную коробочку. Здесь хранились кое-какие вещички и черно-белые фотографии. С одной из них дерзко смотрела девушка с начёсом, «боевым» макияжем и круглым значком. Варёная джинсовка, «бананы», «коза». На дне коробки лежал потускневший значок с надписью «Рок-периферия».

Когда муж возвратился с работы, дверь открыла... девушка с начёсом. На груди пылал круглый значок, а дом наполняли звуки «Rolling Stones». Муж ахнул... заулыбался и обнял жену. Домохозяйка чувствовала на щеке холодок от колечка в ухе супруга и тоже улыбалась. Муж сказал: «Опа!» – и достал из пакета бутылку красного вина. Супруги в обнимку пошли на кухню.

На серванте, под самым потолком, лежала серая кошка. Её янтарные глаза загадочно блестели, и, казалось, – она вот-вот улыбнётся.

Блогер

Жил-был блогер. Классический: не слишком толст, не слишком тонок... дальше по тексту. Он умел выставлять напоказ прелести своей жизни и ругаться с невидимым оппонентом. Это был довольно-таки смелый блогер.

В сетях он чувствовал себя, как рыба в воде, знал коды и входы мировой паутины и умудрялся не попадаться в лапы пауку. У него неплохо получалось толочь воду в ступе и быть при этом в барыше.

У блогера был кот. Он любил ходить сам по себе, но это редко ему удавалось. Блогер постоянно скидывал кота в сети. Многочисленные подписчики охотились за котом, лайки загоняли его на экраны. Но зато, когда бедное животное возвращалось домой, хозяин получал кругленькую сумму.

Однажды кот не вернулся. Прошёл день, другой... Блогер беспокоился, на душе скребли кошки, но кот так и не объявился. «Неужели его разорвали лайки?» – переживал блогер, хрустя чипсами на камеру. В комментариях смайлики грустно щурили глаза-чёрточки.

Блогер ждал, звал. Подписчики бороздили сети, засыпали жалостными словами. Он примирился с одним из невидимых оппонентов и уже не так часто пускался вплавь по каналам...

Кот так и не вернулся. Скорее всего, он гуляет сам по себе по пространствам паутины, ищет друзей и знает, как не попасться в лапы пауку. Не исключено, что он сам стал блогером и где-нибудь мягко стучит одной лапой по клавиатуре, а другой крепко держит мышь. Смайлики его подписчиков широко улыбаются, а лайки преданно машут хвостами. Кот теперь ныряет в сети, когда хочет, и при этом, возможно, получает барыш. Но это уже другая история.

Переводчик

Жил-был переводчик. С молодых ногтей переводил слова. Слова обычно не упрямились и позволяли переводчику вести их, куда ему нужно. Когда же они капризничали, он умел найти верный подход. С каждой частью речи у него были сугубые отношения.

Сначала переводчик оглядывал текст, любясь построением строк и абзацев. Затем бережно, чтобы не спугнуть, извлекал незнакомое слово и вёл к словарю. Медленно входил, привыкая к речевым потокам, и только когда слово успокаивалось, погружался с головой. Здесь он находил значения, облакал ими слово и всплывал. На берегу его ждали сырые страницы. Переводчик соединял части речи так, чтобы им было удобно соседствовать, ждал, когда подсохнет бумага, и возвращался к изначальному тексту.

Часто переводчик нырял и со знакомым словом: не откроется ли что-нибудь доселе неизведанное? Он, точно заботливая мать, подолгу возился даже с предлогами и частицами, не замечая ни времени, ни шума за окном. Слова отвечали переводчику взаимностью. Видимо поэтому любая изуродованная канцеляритом речь выходила у него живой и бодрой.

В дни, когда нечего было переводить, он подолгу сидел на старой площади, кормил птиц. Сетовал, что не знает языка голубей. Жил переводчик один.

Случалось, такие дни затягивались. Жизнь предъявляла долговые расписки, угрожала. Тогда он хватался за любую работу и вынужден был не переходить, а перебегать от одной части речи к другой.

Однажды, когда переводчик совсем отчаялся и уже собирался продать кое-что из мебели, в дверь позвонили. Курьер принёс рукопись одного значительного лица. Обещали неплохой гонорар. Письма значительных лиц переводчик не любил, но что было делать? Дочитав до конца, он задумчиво погладил бородку. Ему было стыдно за державу и казённую речь. Лицо обращалось к зажиточным иностранцам. Предлагался взаимовыгодный делёж, обещался существенный барыш.

Переводчик глянул на пачку грозных квитанций и уселся за рабочий стол.

Прошёл час. Ни одно слово не сдвинулось с места! Текст застыл ледяной глыбой. Переводчик уговаривал, умолял. «Да что вам нужно?!» – не выдержав, вскричал он и принялся накручивать круги по комнате. Но вдруг остановился. Сел, закрыл глаза. Карандаш, словно воробей, прыгнул в руку...

Словари ему не требовались. Теперь не переводчик вёл слова, а они его! От смысла к смыслу, от точки до точки. Наконец он отложил карандаш, перечитал. Пока набирал на клавиатуре, улыбка не сходила с его лица.

«А всё-таки интересно, – размышлял переводчик, бросая хлебный мякиш голубям, – отошлют сразу или проверят? Впрочем, это неважно».

Манекенщица

Жила-была манекенщица. Имела всё необходимое: грудь, талию, длинные ноги. Вышагивала по подиуму и не сходила с журналов. Жизнь крутилась, словно калейдоскоп: гламур, бутики, фотовспышки... Манекенщица пользовалась спросом. Студии, позы, чувственные взгляды – почти без выходных.

Иногда она терялась на глянцевах страницах и с трудом возвращалась в свою комнату, заваленную плюшевыми мишками. Со стен многозначительно улыбались киногерои. Но от их улыбок веселей не становилось.

Это ещё полбеды. Со временем манекенщица окончательно запуталась в бесконечных позах, и уже не знала, как и какую принимать в обыденной жизни. С каким выражением лица открывать книгу? Ноутбук? Жест для вопроса? Ответа? Ответы могут быть разные. Катастрофа! Как держать кофе? Чай? Ужас!

Несколько раз она попадала в неловкие ситуации: улыбалась, когда нужно было грустить, выражала удивление при банальностях. Если бы она читала классику, сказала бы: «Всё смешалось в доме Облонских». Но манекенщица читала только статьи о диете.

Однако она не сдавалась. Теперь с ней был плотно набитый рюкзачок. Заказать американо с фисташковым макаруном? Пожалуйста! Открываем, листаем, находим: спина прямо, в левой – чашка, в правой – десерт, мизинчик чуть в сторону. Конечно, дело небыстрое, но она – клиент. Клиент для официантов – бог! Подождут.

Но выходить из положения становилось сложнее. Таскать журналы нелегко, заучивать позы – немыслимо, их тьма тьмущая. Дефиле по

подиуму – это одно, а выгул чихуахуа на глазах у всего дома – совершенно другое. Действительно, всё смешалось в голове манекенщицы. Было отчего прийти в отчаяние.

Однажды она обедала в ресторане под тоскливые взгляды персонала. Стопа журналов угрожающе росла. Манекенщица никак не могла найти, как правильно отменить заказ: ей принесли не то блюдо. Не выдержав, она сунула официанту деньги и выскочила, хлопнув дверью. Рюкзак остался возле столика.

Она летела по улицам, напроць забыв, как нужно ставить ноги и куда устремлять взгляд. Прохожие расступались и удивлённо оглядывались. Вдруг манекенщица остановилась у витрины. Красивый, модно одетый манекен задумчиво смотрел вдаль. Не спешил, не суетился. Таинственный, неприступный, свободный...

Она вошла в магазин. Её узнали, стали предлагать новые поступления, но манекенщица уже поднялась к загадочному незнакомцу.

– Ну как? – спросила она, приняв соответствующую позу.

– Супер! – выдохнули продавцы.

Манекенщица улыбнулась, накинула палантин...

По ту сторону стекла шумели машины и торопились люди. Она чувствовала надёжное твёрдое плечо. Ей больше не нужны ни рюкзак, ни глянец, ни вспышки фотокамер... ни даже улыбки киногероев, от которых только тоскливей становится на душе.

Елена Азаренко

Закончила юридический техникум, после – Восточно-Сибирский Институт туризма. Интересуется вопросами психологии и философии, пишет стихи и прозу. Данная публикация – поэтический дебют автора.

Кто ты?

Кто ты – ангел или бес?
С преисподней иль с небес?
Ввысь поднять себя изволил
Иль спуститься вниз решил?
Власть Земли себе присвоил,
Всемогущим объявил?
Над землей один паришь,
С высотой теперь «на ты».
Сам себя благословишь
На свободные мечты.
Кто ты – ангел или бес?
С преисподней иль с небес?

Мне сложно быть революционером
Под давлением офисного кресла.
Мне даже на ум не приходили
Подобные мысли в детстве.
Повяжешь шарф и бежишь,
Чтобы не простудиться,
А сейчас выживают только
Сильные единицы.
Справедливость?
Осталась лишь в памяти,
Но далеко не на лицах.
Нужно смотреть в глубину,
Если жаждешь напиться.
Часто мы просто не думаем,
Как многое в жизни может случиться.
Давили на стены,
А сейчас мечтаем за ними скрыться...

Юрий Вохмянин

Курсант третьего курса электромеханического отделения Красноярского Института Водного Транспорта.

Интересуется историей, краеведением и литературой, вопросами философии, серьёзно относится к выбранной профессии. Пишет стихи. Данная публикация является дебютом.

Встань с колен

И на кого ты стал похож?
В таком продажном мире,
В котором правит только ложь,
И шеи отдают секире!

Ты встань у зеркала, мой друг,
В глаза свои ты посмотри.
Подумай, сколько лжи вокруг!
Над разумом своим ты воспарь!

А сколько смог бы сделать ты,
Шагнув от правил прочь,
Сжигая все свои мосты?
Огонь осветит злую ночь!

Ты только встань с колен,
Не повтори ошибок мира,
Не попадись ты в адский плен,
И не дойдет к тебе секира!

Пускай поверят в твои сны,
Кто правит миром – покажи,
Должны враги быть прощены,
Открой другие рубежи.

Татьяна Островская

Училась в техникуме промышленного сервиса на социального работника, вторая профессия – офис-менеджер. Сейчас воспитывает сына.

«Мои стихи посвящены любимому человеку и сыну. Они – мое вдохновение».

В память о Насе

С тобой когда-то вместе мы гуляли
И весело мы новый год встречали.
Ты в этот год покинула меня,
Погасла на земле твоя свеча...

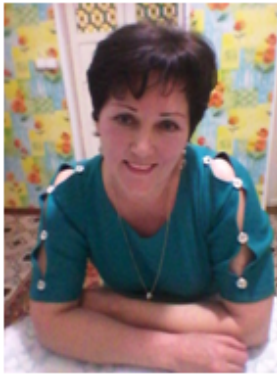
Оставила одни воспоминания,
Я их теплом в душе оберегаю,
Мне одиноко нынче и печально,
И каждый день я по тебе скучаю.

Была душевною и верной ты подругой,
Тебе довериться я полностью могла.
Теперь окружена лишь больной скукой,
Душа твоя ушла на небеса.

Я каждый раз слезу свою роняю,
Когда с цветами прихожу к тебе.
Другого утешения не знаю,
Душой своей тянулася ко мне.

Но смерть – она не разбиралась,
Что ты лишь начала цвести.
И жизни ты совсем и не познала –
Цветком большим ты не успела расцвести.

И память о тебе хранить я буду,
И в моем сердце будешь ты жива.
Свою подругу никогда я не забуду
И буду помнить я тебя всегда.

Елена Пестова

*Участница творческого объединения
«Вдохновение», с. Луговское.*

*«Моё босоное детство прошло в деревне
Марачёвка, самом живописном месте Республики
Хакасия, в обществе любимой бабушки. Часто
вместе с ней я участвовала в художественной
самодельности, читала стихи перед зрителями.*

Любовь к поэзии зародилась во мне с раннего детства».

Ты не грусти, не надо!

Ты не грусти, не надо!
Скинь все печали маски.
Если любимые рядом,
Ты одари их лаской.

Стань им весной цветущей
В пору тоски и ненастья.
Стань для любимых чудом –
Это такое счастье!

Ни серебро, ни золото,
Ни королевская власть
Нам не заменят взгляда
Сердцу любимых глаз.

Ты не грусти, не надо!
Жизнь – она так прекрасна!
Всё, что случилось когда-то,
Было совсем не напрасно.

Дождик стучал по крышам,
Выюга всю ночь завывала –
Это всего лишь, слышишь,
Жизнь испытанья нам слала.

Время промчалось рысью.
Пряди волос серебрятся.
То, что отмерено жизнью,
Тому суждено и статься.

Ты не грусти, не надо:
Жизнь озарится светом.
Если любимые рядом,
Радостней станут рассветы!

Но, а одной остаться
Если случится тебе,
Ты помолись за близких
И покорись Судьбе.

Возрождение

Ты возбудил во мне желание любить!
Стать женщиною, без которой быть.

Ты возбудил во мне желание жить,
Божественной природой любоваться
И слушать трели соловья,
К губам губами прикасаться,
В грехе тонуть и снова возвышаться.
В душе твоей навечно мне остаться!

Ты возбудил во мне желание
Стать музой для создания
Мечты твоей прекрасных изваяний!
Стать явью твоих мыслей и желаний!

Дыханьем стать твоим и воздыханьем,
Стать чудным для тебя очарованьем!

Ты возбудил во мне желание
Стать сказкой неземной,
Стать неземным созданием!
Стать нежной, ласковой, игривой, милой!
Стать просто женщиной –
Единственной!
Любимой!

Джулай Пэт

Любитель экстремального слова. Пишет стихи, прозу.

Стихи публиковались в газете села Верхний Аманаи Канского района и сборниках «Поэзия Сибири. 1 том» и «Литература Сибири» издательства. Автор книг: «Голос из Сибири», «Улёт», «Осознанное сновидение», «Школа и наука», «Задушевные уроки», «Как я работала на телеграфе», а так же «Проект системы школьного образования» и сборников стихов: «Изнутри», «Наизнанку», «Сердце Джулай Пэт» и «Эпиграммы».

Берег Кана

Берег на Кану стал очень милым:
Сосны, ели, статуэтки в ряд,
Стал любимым и весьма красивым,
Фонари здесь новые стоят.
Здесь поставили уже скамейки,
Погулять приятно у воды,
Походить по плиточной аллейке,
Вдохновенно уносясь в мечты.

Данные

Я постараюсь засекретить
Те данные, что на тебя,
И в каждый миг за все ответить
И не бояться потерять.
Я не хочу, чтобы хоть кто-то
Мог упрекнуть тебя за то,
Что у тебя там было что-то
Со мной, или обидел кто.
Но тем не менее, понятно,
Что нам беды не миновать,
Лишь только было бы отрадно
Тебя Багиною назвать.

Напористость и резкость славны,
И петушинные бои –
Они весьма, весьма забавны,
Ведь морду бьют только свои.

Самолет

Если где-нибудь найдется в мире
Необычный чудо-самолет,
Что он прямо бы в твою квартиру
Прилететь стремительно бы мог,
То тогда на нем бы прилетела,
Запустила я б туда его,
Но, ты знаешь, крыша бы слетела
С места обитанья твоего.

Жители других планет

Нас ждут другие планеты,
Когда мы познаем себя.
Необходимо им это:
Им симпатична Земля.
Все ждут, когда приберемся,
Когда мусор мы уберем,
Когда нас полюбит Солнце,
От красоты запоем.
Когда все будем едины,
Не будет границ государств,
Дружны, веселы, красивы,
Лишенные всяческих царств...
Зачем им ждать непременно
Того, что у нас может быть?
Чтоб, как и мы, вдохновенно
Учиться природу творить.

Энергия любви

Если бы энергию любви
Можно было бы туда направить,
Где она жила бы там, вдали,
Это во главу угла поставить.
И на созидание – упор,
А не разрушение природы,
Этот бешеный больной напор
Пусть разумным станет на свободе.
Я – за освоение земель,
Но не разрушительное все же.
Тысяча пройдет еще недель,
Прежде чем понять мы что-то сможем.

Об одной передаче

Придумали периметр,
Где молодежь живет,
Чтоб не могли родители
Ругать ее полет.
Но кто туда стремится,
Не ведает о том,
Что очень важной птицей
Не станет он потом.
Там люди – это пешки
В руках ведущих прим,
Там Геи-Белоснежки
Устроят вам экстрим.
Там жизнь ничто не значит,
Кружок – это семья
А, может быть, иначе?
Решай – судьба твоя.

Все равно я буду смелой,
И меня не уловить,
И по-суперски умело
Буду я за правду бить.

Искусство

Сейчас поэтами считают
Коней, что в рифму строят мат,
Кто нас презрением одарит
И прозой на могильный лад.
Сентиментально будоражит
И пистолет ставит к виску,
Да пошло в энергичном раже
Несет в глаза свою пургу.
Ох, много среди них фразеров,
Но часто рифмы – ни на грош.
В них можно разглядеть позеров
Да рифмоплетов – вот, ну что ж...

Нет учительского у тебя синдрома,
Вот поэтому-то можешь нравиться.
От тебя легко дошла до космодрома,
Но все это навсегда останется.
Задушевные пленительные речи,
Быть с тобою – очень просто кажется.
Ты прощать умеешь, злого не заметишь,
Я с тобою так хочу исправиться!

Изучение планет

Мир на других планетах
Люди хотят познать
И готовят ракеты,
Чтобы туда летать.
Пользы не примечаю
От полетов таких,
Ведь осмыслить вначале
Не готовы «других».
Радость какая будет
От созерцанья «их»,
Если себя не poznали,
А не то что других?

Одна на веки Родина моя
Из тысячи времен и разных стран –
Это родная матушка Земля,
Где много счастья и немало драм.

Пантелеева гора

Ручей студеный, много рыбок
Приветливо встречает нас,
Здесь будет множество улыбок,
К подножию мы каждый раз
Этой горы с ведром приходим
И на гору тропой восходим.
Кругом мы видим буйство трав,
Вверх по горе крутой взбираясь.
Хмельной, пьянящий аромат
Пленяет, только нас касаясь.
И Пантелеева гора
Крута, как Джомолунгмы рвенье.
Мы отдыхаем, подышав,
И продолжаем восхождение.
Сквозь разнотравье, наконец,
Мы выйдем на поляну света,
Не виден ягоды конец,
Клубники наберем за лето.
Пусть оводы будут кусать,
И пчелы на руки садятся,
Но тут часами пребывать
Я так люблю и восхищаться.

А все-таки есть любовь

И все-таки есть настоящая
Мужская шальная любовь.
Глубокая, непреходящая
И рвущая в жилах кровь.
Высокая, чистая, светлая,
Трепетно плавающая,
Нежная и беззаветная,
Верная, правящая.

Доблестной женщине

Все отбежали в тот момент,
А ты одна стояла,
С тобой остался человек
Стоять, и странно стало.

Он, наклонившись миг, стоял,
Потом вдруг повернулся,
В руке его нож засверкал,
И он к тебе рванулся.

Нож длинный пьяный тот мужик
Держал в руке так грозно,
И оставался только миг,
Пока еще не поздно...

В него направив долгий взгляд,
Смогла ты: «Что, напился?
Давай!» – сказала, сбросив страх.
Он вдруг остепенился

И постепенно стал трезветь
И понимать, что делал,
Что натворить бы мог успеть,
Не дай отпор ты смело.

Она как стержень

Ей много испытаний предстоит,
Но обладает силой волею она:
Пряма, как стержень, в будущем стоит,
И счастье завоевано сполна.
Любовь по жизни с ней идет всегда,
Она лишь направляет ее взор,
Она себя всю дарит до конца,
И это новый дарит ей задор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	3
Уважаемый читатель!	4
Страницы Памяти и Славы	8
Абрамова Людмила	9
Аверьянов Александр	24
Алексеева Наталья	27
Андреев Борис	29
Блинникова Тамара	30
Васильев Георгий	32
Гарифуллин Тимур	36
Ердаков Алексей	39
Зайцев Владимир	51
Закарлюка Алексей	52
Захарченко Александр	62
Зимницкая Виллоетта	67
Казанцева Вера	71
Кайзер Оксана	74
Кожухова-Червова Галина	77
Конева Людмила	83
Конов Виктор	98
Конова Екатерина	102
Лапердин Даниил	103
Мазур Нелли	105
Надинова Марина	117
Нифантьева Ольга	120
Носков Игорь	133
Полянский Константин	135
Радкевич Маргарита	140
Рушелюк Ольга	145
Синьковская Ирина	146
Топорков Евгений	151
Федяева Лилия	152
Царинных Светлана	161
Цуриков Иван	174
Чиганов Константин	183
Красноярский институт водного транспорта	
Дубровин Сергей	188
Переплетчиков Александр	189
Семириков Николай	191
Турчин Кирилл	193
Творческие объединения юга края	195

«Вдохновение»	198
«Литературная капель»	205
«Проталинка»	219
«У Лукоморья»	223
«Шестая струна»	232
Творческая лаборатория «Высокого берега»	236
Баранов Владимир	237
Гардер Роман	244
Гернего Роман	246
Головин Руслан	247
Данилова Елена	248
Дементьев Михаил	256
Ивакин Дмитрий	258
Кожин Константин	263
Коломыщев Дмитрий	272
Коперник Ксения	282
Лапаух Ольга	293
Рассеев Александр	295
Регнер Нина	297
Руш Нелли	301
Рычков Евгений	304
Спирина Анастасия	315
Федотов Максим	324
Чехова Анастасия	327
Чучков Никита	330
Шульгин Иван	332
Друзья и гости клуба	336
Еремин Николай	337
Теплицкий Виктор	345
Азаренко Елена	359
Вохмянин Юрий	360
Островская Татьяна	361
Пестова Елена	362
Пэт Джулай	364

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

Сборник произведений студентов, преподавателей
и сотрудников СФУ
(литературный клуб «Высокий берег»)

Выпуск 8

Составители:

Блинникова Тамара Ивановна,

главный библиотекарь НБ БИК СФУ (тел. 291-27-44)

Конева Людмила Васильевна,

главный библиотекарь НБ БИК СФУ (тел. 206-39-23, e-mail: lkoneva@sfu-kras.ru)

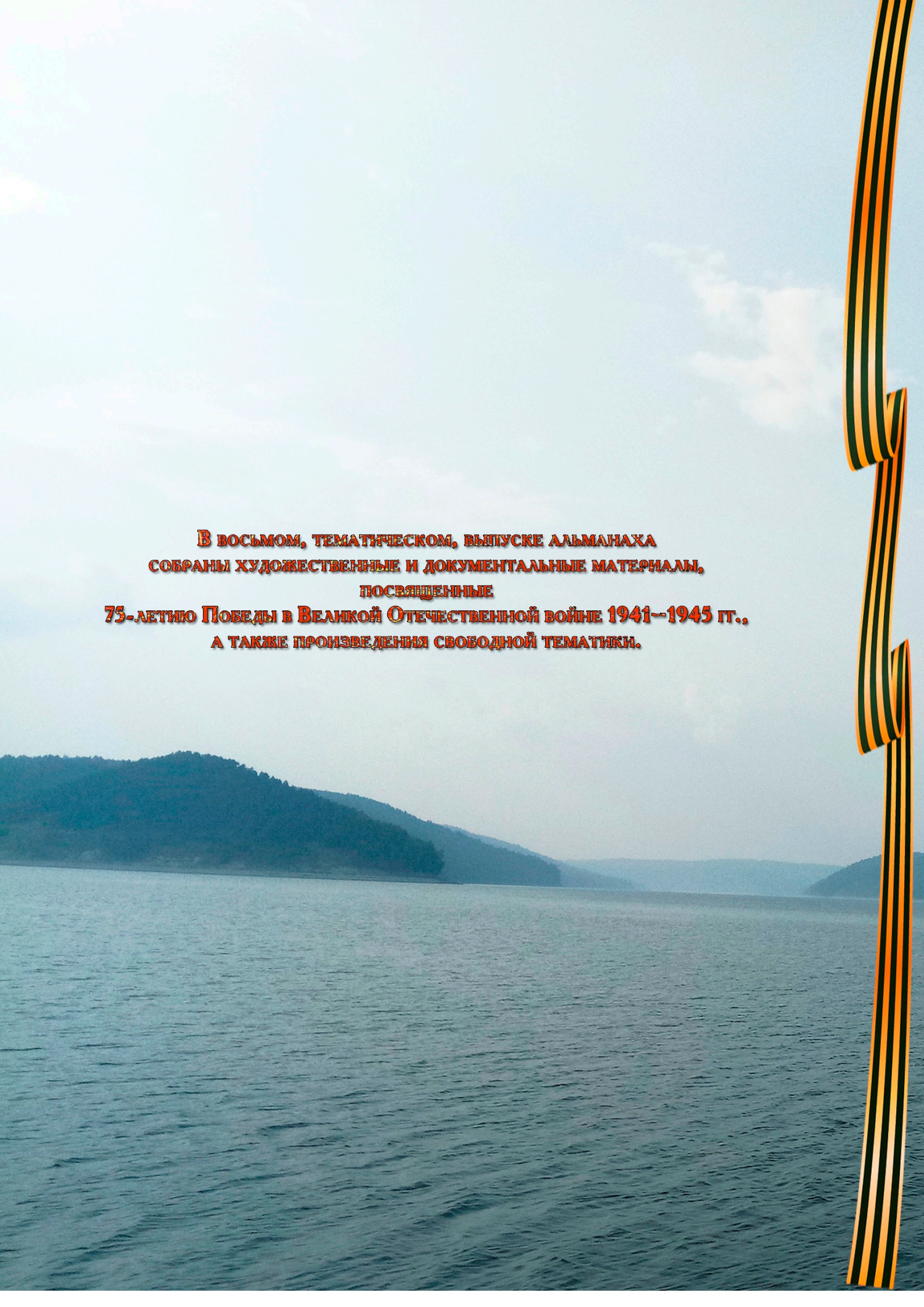
Ответственный за выпуск Е. Н. Касянчук

Корректор Т. И. Блинникова

Дизайн и компьютерная верстка Л. В. Коневой

Иллюстрации Л. В. Коневой

Оформление обложки Е. И. Федотовой

**В ВОСЬМОМ, ТЕМАТИЧЕСКОМ, ВЫПУСКЕ АЛЬМАНАХА
СОБРАНЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ
75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.,
А ТАКЖЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СВОБОДНОЙ ТЕМАТИКИ.**